

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

**EDITA
GELSEN**

ДИАЛОГ и Я

ДИАЛОГ-и-Я

ДИАЛОГия

ДИАЛОГИЯ

**Edita Gelsen
Гельзенкирхен
2022**

Л. Тышковская

ДИАЛОГиЯ. — Гельзенкирхен: Edita Gelsen, 2022 — 452 с.

ISBN 978-3-949501-364

В новую книгу Леси Тышковской вошли рассказы, написанные в разные периоды времени на родине и в эмиграции. Предельная доверительность, на грани исповедальности, философское осмысление повседневности, способность подняться над реальностью и посмотреть на неё с отстранённой иронией с помощью приема «логического абсурда», а также открыть в неприглядных сторонах жизни возможности для роста души — вот, что характеризует большинство текстов этой книги. Название «ДИАЛОГиЯ» говорит о том, что персонажи книги — отражения авторского Я, проходящие вместе с ним опыт воплощения, наполненного уроками жизни. Поэтому некоторые рассказы автор называет терапевтическими и искренне полагает, что они могут быть полезными на пути к исцелению души.

Copyright © 2022 bei Lesja Tyschkovska
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten
Публикуется в авторской редакции
ISBN 978-3-949501-364
Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo@gmx.de

Printed in Germany

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Остановите внутренний диалог! — одна из рекомендаций, которую может получить человек, пожелавший услышать истинного себя. Эта книга задумывалась тогда, когда моя голова была переполнена разговором с самой собой. Если же удавалось его экстериоризировать, появлялись персонажи. Чаще всего — голоса мужчины и женщины, ведущие диалог. Так возникло название — ДИАЛОГИЯ.

Поэтому, дорогой читатель, если ты вздумаешь искать сходство между мной и моими персонажами, я заранее отвечу, что мои героини — это я. Однако не стоит искать в них правдоподобия. Они обросли временем и деталями, авторским воображением и стилем. Читай их так, как будто сидишь на кухне и слушаешь доверительные истории друга, иногда отвлекаясь от сказанного на пришедшую мысль: ах, как правдоподобно врёт! Или так, как заглядываешь за кулисы, если ты, конечно, согласен с шекспировским прочтением жизни: «Весь мир — театр. В нём женщины, мужчины — все актеры». А ещё лучше — читай их, как будто заходишь в гримерку, чтобы подбодрить своего старого друга, готовящегося к выходу на подмостки, но ещё не вошедшего в образ, не положившего слой грима и лишённого освещения.

В этой книге обнажается невидимое, то, что не показывают и о чём не говорят ни на страницах глянцевого журналов ни, тем более, на страницах бульварных газет, смакующих пикантные подробности. То, что не всегда выносят даже на подмостки жизни: происходящее глубоко внутри и часто не желающее всплывать на поверхность и показываться на глаза. В чём не признаются то ли от стыда, то ли потому что вовсе не замечают. Ибо есть в нас то, что невидимо для нас самих, но найденное в других отражённым отсветом нас. Будь то собеседник напротив или персонаж из Отражений.

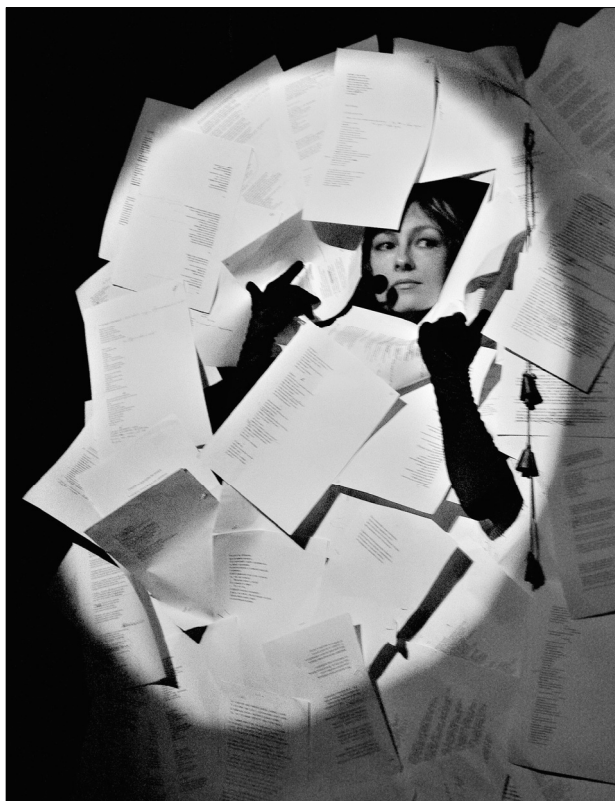
Эта книга пролежала много лет. Но не бесплодных. В последний год перед её выходом автор проживал непростой период пересмотра прежних ценностей и старался отсесть всё

лишнее. Это сказалось на отношении к творчеству в целом и на его предназначении в частности: не только сеять разумное, доброе и вечное, но и служить дополнительным источником исцеления. Поэтому некоторые рассказы можно назвать терапевтическими. С этой же целью в сборник вошли высказывания моей дочери — в качестве смехотерапии.

Уже сверстанная, книга всё не заканчивалась, сокращаясь и дописываясь, обрастая новыми мыслями и концепциями. Так что автор начинал оспаривать самого себя. Но к счастью, вовремя останавливался, давая право на существование старым ошибкам и уподобляясь Творцу, дающему свободной душе проявить себя во всех ипостасях и пройти земной путь роста, состоящий из падений и подъемов, а также радости преодоления внешних преград и внутренних ограничений, чтобы ближе к концу наполниться светом Источника. Ибо по образу и подобию Божию сотворены люди — а значит, от рождения наделены способностью творить. Рассказы, книги, свою жизнь.

Леся Тышковская

РЕПЕТИЦИЯ ЖИЗНИ

ТРЕЩИНЫ НА СТЕКЛЕ

Эти трещины на лобовом стекле, всё время мелькающие перед глазами, превратились в привычные. Хотя иногда раздражали, как в первый день. Лучше бы раздражали, подумала она. Если раздражают, значит ещё не всё потеряно, ещё что-то цепляет взгляд, хотя бы и дисгармония, не дающая восприятию погрузиться в инфантильное созерцание привычной дороги и обрести иллюзию внутренней опоры ещё до того, как она станет реальностью.

Трещины не просто отвлекали от дороги в качестве раздражающей помехи — они несли в себе скрытый смысл, который проступал с каждым днем всё отчетливей, постепенно превращаясь в наглядную иллюстрацию жизни или того, что представлялось жизнью в мире видимом. Последний помещался в лобовом стекле машины, а иногда и в заднем, и в боковых, если зрение соглашалось на периферийное, а водитель вовремя успевал воспользоваться этим качеством.

Этой машине скоро исполнится четыре года, подумала она, я привыкла ко всем её изъянам и аварийным следам. И к этой паутинке перед глазами тоже привыкну. Трещины действительно напоминали паучью нить, сплетенную в самом неожиданном месте — у всех на виду, но смотрящуюся так естественно, как если бы она была частью интерьера, или экстерьера, что одно и то же для глаза водителя, всё время цепляющегося за эту паутинку.

Её мысли прервал залп откуда-то сверху. Салют! Она срочно припарковалась и выпрыгнула из машины. Она с детства обожала салюты, и с возрастом эта страсть не прошла. Она прыгала и кричала «ура», а проезжающие с недоумением смотрели на странную женщину, оставившую машину открытой посреди дороги и забывшую обо всём на свете.

Садясь за руль и снова упираясь взглядом в лобовое стекло, она обнаружила, что за эти десять минут трещина из паутинки успела превратиться в одну из вспышек, которые она только что видела на небе, и вспомнила, как её друг-химик объяснял, что такое точка бифуркации, порождающая множе-

ство других... Точка бифуркации несла в себе вспышку новых рождений и возможностей. А значит, эта паутинка на стекле, этот маленький салют трещин, расходящихся вверх...

Она стала вспоминать все свои аварии. И каждая была результатом неправильной мысли или поступка. Получалось так, что она со своей машиной находилась в непрерывном диалоге. Каждый раз машина как будто отвечала ей на вопросы внутреннего голоса.

Первая авария произошла, когда она посадила в салон бывшего любовника, чего никак нельзя было делать. Пора бы давно проститься и простить, но ей хотелось похвастаться, а ему — отомстить. И она наехала на машину, которая, в свою очередь, наехала на машину ГАИ. В общем, авария получилась на славу. На неё ушла половина гонорара за фильм, в котором ей посчастливилось в то время сниматься. Дело было ещё и в том, что своему первому в жизни гонорару она не обрадовалась, поскольку не знала, с кем поделиться успехом. А успех, как говорят у нас, нужно обмывать. Она заказала себе дорогой коктейль в баре и выпила его в полном одиночестве. На следующий день деньги ушли от неё.

Вторая авария произошла, когда она торопилась к любимому, и ей не хватило терпения подождать, пока черная Волга свернет в арку в одном из самых оживленных кварталов города. Она слишком поздно вспомнила любимую фразу инспектора, безуспешно пытавшегося научить её вождению: *с вас что, корона свалится, если вы на тормоз нажмете?* На тормоз она действительно не любила нажимать. Ей казалось, что таким образом она приказывает любимой машине заткнуться. Что касается вечера, в который произошла вторая авария, то она так торопилась на свидание, что согласилась рассчитаться прямо на месте и отдала всё, что у неё лежало в карманах. Встреча с любимым вознаградила её за щедрость. Тогда-то она и поняла, что за любовь могут платить не только мужчины.

Третья авария произошла, когда она задала себе вопрос:

— Неужели я соглашусь на этот поступок? Неужели я такая стерва?

— Стерва, если согласишься, — отрезала машина, врезавшись в новенькую Хонду. Пострадавший почему-то долго оправдывался, прежде чем потребовать деньги. Дескать, он не настолько богат, чтобы царапать только что купленную машину и т.д. Проблема была в том, что к этому моменту она то-

же оказалась не настолько богата, чтобы чинить ещё и свою машину, и продолжала пользоваться ею до тех пор, пока одна из её поклонниц не настояла на починке.

— Как же вы ездите без одной фары? — посочувствовала она.

— Да как-то езжу, — ответила она смущенно.

— Вот что: завтра — на станцию техобслуживания, я всё оплачу.

Четвертая авария была единственная, которая произошла как будто не по её вине. Её машину помял троллейбус, когда она хотела протиснуться между ним и бровкой. На этот раз деньги должны были выплатить ей. Но водитель стал жаловаться на бедность — и она махнула на него рукой. Скорее всего, потому, что знала, за что попала в аварию: подруга попросила повозить её в этот день, поскольку у неё не было денег на такси, а воспользоваться общественным транспортом ей, бизнес-леди, не приходило в голову. Ну, какой из меня шофер? — возмущалась непутевая водительница по дороге к подруге. Ей пришлось помять машину, чтобы найти вескую причину для отказа.

Пятая авария... С ней она никак не могла смириться. За какую-то жалкую мысль! За то, что она не хотела потратить в кафе те немногие деньги, которые получила за спектакль, оправдываясь тем, что в этот сезон спектаклей у неё — один в месяц, а поужинать можно и дома. И вот за эту скупость по отношению к себе, когда по дороге она столкнулась с такси, в последнюю минуту всё-таки решив завернуть в кафе не с той полосы, страховая компания пострадавшей стороны требовала с неё шестьсот долларов. Через год она собственноручно принесла в страховую контору триста, за что адвокат долго жал ей руку, не веря своему счастью — начинался период экономического кризиса. Тогда-то она и задумалась о страховке машины. Но не оформила её, пока в её жизни не случилась шестая авария.

Эта последняя — замкнула на себе кармическую цепочку происшествий, поскольку, как и первая, произошла благодаря человеку, которого не стоило сажать в машину. На этот раз это была женщина, которая тайно, а порой и явно недолюбливала её. Нужно быть великодушной, — убеждала их общая подруга, усаживаясь вместе с той в машину. Перед ней ехал большой чёрный джип с женщиной за рулем. Та потребовала номера телефонов, вызвала ГАИ и простилась непреклонно и окончательно.

Она вышла из машины, набрала номер своего знакомого и произнесла трагическим голосом:

— Я разбилась.

Знакомый, как всегда, оказался настоящим другом: приехал с прицепом, который всё время выходил из строя, так что её машину он довез на станцию техобслуживания в сумерках. Их ждали его знакомые механики, которым он поспешил дать как можно больше денег. А после этого впервые за годы знакомства пригласил её в свой строящийся дом, где, как он выразился, ему хотелось бы встретить старость с любимым человеком. Такая перспектива не входила в её планы, и когда они простились, ей стало так легко, как будто она освободилась от всего сразу: мужчины, машины и необходимости куда-то ехать...

На этом можно было бы завершить перечисление аварий, но её подкарауливал давний сон, о котором стоит рассказать. Он всегда всплывал после очередной аварии. Он появился ещё до того, как она научилась водить. Собственно, с него всё и началось: уроки вождения, освоение другой реальности, к которой раньше она не питала особой симпатии. В этом кошмаре она убегала от стада мужчин (она не могла назвать скопление угрожающих её жизни особей другим словом), она садилась в незнакомую машину, заводила мотор и нажимала на газ. И всегда просыпалась от одной и той же мысли: я же не умею водить! Разбиться (в случае воплощения сна в действительность) ей не хотелось — и она пошла на курсы, не имея ни возможности, ни надежды купить машину. К счастью, подоспел официальный муж, который, в промежутках между загранкомандировками, наносил ей короткие визиты и появлялся в её жизни всегда в самые нужные моменты.

— О, ты решила научиться водить машину? Как успехи?

— Ну, как тебе сказать...

— Ничего, научись. Лучше учиться на своей машине. Но у меня свободных только три тысячи. Если найдешь что-нибудь на эту сумму...

И она сказала *да* перламутрово-сиреневой Таврии, подмигнувшей ей выключенной фарой. Муж перекрестился — это была самая дешевая машина в дорогом магазине и самая быстрая покупка в его жизни. Тридцать минут — и машину обещали доставить в гараж. Потом он, конечно, пожалел о своем подарке:

— Уже все машины в Киеве знают, что могут пожить за твой счет?

— Как это?

— Ты же всегда им в зад въезжаешь! Так что скоро перед тобой очередь задов будет, — съязвил он. — Попробуй потом докажи, что они уже не были поцарапаны.

Образ бывшего мужа исчез и сменился привычным сном, обнажившим её страх. Неужели я до сих пор не научилась водить без аварий? — думала она, засыпая. На этот раз в своем кошмаре она проехала гораздо дальше, чем обычно. Сексуально озабоченные преследователи оказались далеко позади, а она продолжала рулить посреди горной ночи, напоминающей ночь десятилетней давности, когда её вместе с мужем на бешеной скорости вез пьяный грузин по горным тропинкам, висящим над пропастью. Тогда, после возвращения в Украину, её надолго оставил страх. А возможно, просто перекочевал в сны о возможной аварии, которые её преследовали до тех пор, пока она не пошла на курсы вождения.

Через несколько дней она получила отремонтированную машину. И даже трещины на стекле, подвигнувшие её на этот рассказ, исчезли. А жаль, благодаря им выписались неплохие наблюдения. Маленький какой-то рассказец, подумала она и решила продолжать.

На этот раз она одновременно нарушила три правила: повернув не с того ряда, не обратив внимания на волшебную палочку гаишника и сев за руль без прав.

— Что? Теперь я месяц должна буду передвигаться на метро? — возмутилась она, когда её друг сказал, что права у неё отобраны и с вождением надо повременить.

Гаишник гнался за ней два квартала. Догнав, он преградил дорогу и, как ни странно, довольно вежливо пригласил пересесть в его машину для оформления необходимых документов.

— Сейчас, сейчас, — затараторила она, — вот только в театр позвоню и отменю спектакль.

— Какой спектакль?

— Мой! — истерически выпалила она и, набрав номер, не своим голосом закричала:

— Виктор, мою машину на штрафную площадку забирают, а я арестована! Сделай что-нибудь!

— Ты что! Билеты уже проданы! — подражая её интонациям, закричал перепуганный администратор. — Ты ведь одна на сцене, я тебя заменить не могу!

— Слышали? Билеты проданы! — набросилась она на гашишника, который, по-видимому, не был лишен чувства прекрасного, потому что поспешно проговорил:

— Да не волнуйтесь вы так, девушка! Будет у вас спектакль! — и поспешно пряча те немногие деньги, которые нашлись в кармане бедной всхлипывающей актрисы, отпустил её с миром.

— В Европе тебя за такую езду сразу бы в тюрьму упекли, — выдохнул друг-оператор, который молча сидел рядом, понимая, что никаким авторитетным вмешательством тут уже не можешь.

— Но я же не могла, я на спектакль опаздывала! — искренне возмущалась она, возвращаясь в машину с опустошенными карманами. Надо же, какой хороший человек! — думала она.

Рассказ был завершен, машина застрахована от всех возможных аварий, а автор никак не хотел расставаться со своими воспоминаниями. Так возникло послесловие.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В Европу она попала случайно, а осела надолго. Когда она, наконец, поняла, что здесь ей придется жить, возник вопрос о водительских правах. Попытавшись обменять свои украинские, она столкнулась с необходимостью сдавать экзамены. На правила дорожного движения ушло полгода. Оказывается, она их совсем не знала. Поэтому пришлось учить, да ещё и на французском. Как добросовестная ученица, она каждый день посещала курсы, где крутили слайды со всеми возможными ловушками вопросов. Экзамены она сдала с одной ошибкой, что считалось очень хорошим результатом. Окрыленная, она попросила разрешение сдать практический экзамен.

— Вам полагается пять обязательных уроков, а потом посмотрим, — ответили ей в школе.

После пятого урока инструктор заявил, что она не умеет водить машину и ей нужно взять ещё минимум двадцать. Уроки стоили дорого, поэтому она брала всего два в месяц. После каждого урока, сопровождавшегося упреками и ссорами, она чувствовала недомогание, голова кружилась, а руки тряслись, как у старенькой боязливой мадам. Да и как не бояться? Между уроками проходило почти две недели, так что она успевала от-

выкнуть от комфортабельной французской машины, не похожей на её украинскую Таврию, в которой руль не поворачивался одним взмахом руки, а на тормоз приходилось жать, напрягая весь мускульный аппарат тела. К тому же страх всячески культивировался на уроках вождения нижеследующими фразами:

— Вы что, мадам, хотите, чтобы вас в Сене нашли?

— Вы хотите вашего ребенка сиротой оставить?

— Эй, потише, вы опасны! Мне страшно с вами!

После двадцатого урока инспектор заметно успокоился.

— Теперь я вас не боюсь. Кажется, что-то начинает проникать в вашу голову.

— Только начинает? — удивилась она. — Я десять лет водила машину у себя на родине! Когда же вы меня на экзамен отправите?

— А этого я вам сказать никак не могу... Когда вы будете готовы. До свидания, мадам.

Послесловие тоже никак не заканчивалось, и безутешный автор решил прервать рассказ. К тому же, подходило время двадцать шестого урока.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ КАДР

Она могла бы оторваться от текста гораздо раньше. Сценарий составлял всего несколько страниц, на которые уходило не больше десяти минут. Но, несмотря на нетерпение режиссера, она снова опустила глаза и вернулась к началу, как будто для того, чтобы найти предназначенное именно ей. И вновь не нашла того, что искала.

— Может быть, тебе покажется мой вопрос несколько странным, но я не совсем понимаю, что именно от меня требуется.

— Как что? Сыграть главную роль.

— А здесь есть главные роли? — она стала подозревать, что дважды не поняла прочитанного.

— Здесь есть одна главная роль, которую ты можешь сыграть... Если, конечно, согласишься на наши условия.

— И каковы же эти условия?

— Ну... — предлагающая сторона немного смутилась, — они связаны, в некотором смысле, с физиологией... Никто не сомневается в твоих артистических способностях. Но на пробах тебе придется какое-то время повисеть под потолком...

— Да... акробатка из меня никудышная. Сразу предупреждаю.

— Нет, нет, ты, конечно, будешь висеть на креплениях. И совсем недолго. Каждые пятнадцать секунд ты будешь отдыхать.

— Это и есть моя роль?

— Да. Частично... Ты же прочла сценарий...

— Но в нем нет никаких условий...

— Тебя постригут... побреют прямо в кадре. На глазах у зрителей.

— Такой эксперимент я над собой когда-то проделывала. Лысая голова — не самое страшное, что может случиться в летнюю жару.

— И, наконец, самый щепетильный вопрос... Они тебя раздевают.

— Кто?

— Карлики, которые будут тебя стричь, а потом разделять на тебе сеledку, — выпалила режиссер, стараясь поскорей покончить с неприятными моментами.

— А-а-а, значит, я играю роль обеденного стола?

— Нет, ты играешь роль жертвы. Но ты не ответила: как насчет обнажения? Они раздевают тебя догола.

Ответа не последовало. Вместо него откуда-то из накопившихся умолчаний всплыл вопрос, обращенный к самой себе. Почему она просто не может признаться, что ей неприятно сниматься голой? Неужели боится, что её сочтут ханжой? Или желание сниматься настолько велико, что она боится лишиться этой возможности?

Режиссер напряглась. Если бы она имела дело с актрисой в узком смысле этого слова, всё было бы проще. Она бы заговорила с ней об обычных вещах: гонораре, рекламе и прочих преимуществах работы. Но она не хотела снимать обыкновенную актрису. Её не интересовала податливая глина в руках умелого мастера. Она искала партнерства и ей нужна была личность. Личность, которая могла бы превратиться в символ. Фильм состоял из кадров украинской хроники, в которых количество деструктивных сцен было прямо пропорционально космическому размаху пропаганды, свирепствовавшей в те времена на экранах телевизоров. Ей нужен был не просто символ Украины, несколько лет назад получившей свою независимость. Ей нужна была развернутая метафора поруганной земли, попавшей в руки уродам. Когда она увидела эту женщину на сцене, когда она увидела свободу, сквозившую в каждом её движении и слове, свободу, незнающую своей противоположности, когда она увидела, как та, словно инструментами дирижирует своими партнерами, составившими неожиданный оркестр, зазвучавший в конце спектакля, она сказала: не может быть! Не может быть, чтобы независимость давалась так легко. Она стала лихорадочно искать то, чем приходится расплачиваться за избыток свободы. И нашла. Сценарий, написанный совсем недавно, в котором фабула и была ответом на вспыхнувший вопрос. Хаосом. Свобода могла расплатиться хаосом. Сценами разрухи вслед за отступившей, но вначале вышедшей из берегов терпения рекой. Уродством, мстящим за красоту. Двумя недоразвитыми, использующими женское тело в качестве обеденного стола, превратившими органику в неорганическое и нечленораздельное месиво страха, боли и отвращения, а потом выбросившими всё это за ненадобностью...

— И что же со мной... с ней происходит в конце картины?.. Я надеюсь, она выживает?

— Не совсем. Она уходит в огне...

— В светлое будущее?

— У неё загорается коса... Не пугайся, это будет парик. Возможно, в этой сцене тебя заменит каскадер... Не сразу, конечно.

— Когда начну источать аромат жареного мяса? А кто будет лететь вниз головой?

— Эта сцена будет сниматься крупным планом, вся твоя фигура и полное ужаса лицо...

— Ты непременно хочешь меня искалечить?

— Расстояние до потолка в этом помещении гораздо меньше, чем задумано по сценарию. В замедленном кадре ты будешь падать бесконечно долго. Это будет очень эффектно! К тому же, почти безопасно: мы подстелем тебе картонные коробки.

— Безукоризненная страховка!

— Ты же понимаешь, какими средствами мы располагаем. Медицинской страховки не будет.

— Ну что ж, на нет и суда нет.

— Не понимаю: ты согласна или нет?

Почему ей так тяжело дается это согласие? Неужели потому, что она соглашается впервые? Потому что это первый фильм в её жизни? Она столько лет мечтала о нём, выступая на маленьких сценах для нескольких десятков зрителей... А теперь вместо ликования испытывает лишь недоумение и страх. Почувствовав его приближение, она поспешила согласиться. Она не могла позволить себе бояться. Страх отнимал у неё что-то очень важное, на чем зиждется уважение к самой себе.

— Я, конечно, согласна, — ответила она бодрым голосом. — Давно мечтала сделать с тобой нечто неожиданное в каком-нибудь совместном проекте.

Она не лгала. Эта женщина появилась в её жизни лет восемь назад. Её привел к ней прямо на дом их общий знакомый режиссер, благородно решивший скрасить вынужденно неподвижный образ существования «своей соратницы», чье колено вместе с поломанным мениском было замуровано в гипс... Она остановилась. В её воспоминания проникло нечто, что принадлежало не только прошлому. Какая-то догадка о повторяющемся сюжете, который связывал прошлое и на-

стоящее, но почему-то просачивался в будущее. Это была память о неподвижности. Тогда, после операции, она не могла ходить около месяца и чувствовала себя зависимой во всех отношениях. Сейчас ей снова угрожала несвобода, причем двойной природы. Первая была связана с чужой волей, тогда как её собственная не предполагала постороннего вмешательства. Выходя на сцену, она всегда играла только то, что хотела. Поэтому круг её зрителей был узок и избирателен. Сейчас у неё появилась возможность расширить этот круг за счет киноэкрана. Правда, ценой сужения радиуса своей свободы. Она ощутила новый приступ страха. Но он говорил о несвободе другой природы: он напоминал о мениске, который вылетал с каждым неосторожным движением, лишая тело свободы передвижения.

Воспоминания об ежегодных гипсах заставили её ещё раз произнести *да*, когда в беседе с директором картины гордыня снова оказалась сильнее чувства самосохранения. Директор оказалась на редкость покладистой дамой:

— Если вас не устраивают некоторые пункты, вы можете внести свои предложения. Мы постараемся их учесть в контракте.

Впервые в жизни она изучала контракт так тщательно, как будто решала вопрос жизни и смерти.

— У нас малобюджетный фильм. Мы не можем обеспечить вам страховку. Но я поговорю с директором киностудии. Может, мы что-нибудь придумаем. Вас устраивает цена? — Дама была слишком любезна.

— Когда будем подписывать договор?

— Я вам перезвоню. Мы постараемся учесть ваши пожелания. Я думаю, мы с вами договоримся. Я бы не хотела искать другую актрису. Насчет даты, я надеюсь, тоже всё будет в порядке. Если вы не сможете семнадцатого...

— Двадцатого. С двадцатого я в вашем распоряжении.

— Ради вас, я думаю, режиссер перенесет съемки. Я обговорю с ней этот вопрос. Жаль, что она сейчас не в Украине и мы не можем с ней связаться. Но она так хотела, чтобы именно вы играли эту роль... Теперь я её понимаю: вы так очаровательны...

Чересчур любезная дама. Лесбиянка, наверно.

После беседы с директором появилось ощущение какой-то другой реальности, с которой она только начинала знако-

миться. В этой реальности жили такие же люди, с такими же лицами и ликами, только правила, которым они подчинялись, были иными. Она попыталась прочесть их в контракте, но нашла в нём только оболочки правил, только общие фразы, не объясняющие сути. Чувствуя себя вовлеченной в игру, в которой не понимала ничего, она всё же получала ещё один шанс выйти за пределы приевшейся обыденности. Через несколько дней она приехала на пробы.

Первым потрясением был старый заброшенный завод, в котором предполагались съемки — огромный сарай, пропитанный плесенью.

— Неужели я целыми днями буду висеть здесь полуголая?

— Если вы отказываетесь снимать с себя всё, — и я вас как женщина понимаю — можно подобрать телесные трусики, которые будут незаметны на экране, — голос директора зазвучал по-лесбийски ласково. — У вас какой размер?

— Трусики меня не спасут от холода.

— Вас будут поливать только теплой водой, — как будто издеваясь, продолжала она тем же тоном.

— Что-то не припомню в сценарии, чтобы я принимала душ.

— Вас будут поливать ваши мучители, после того, как они займутся с вами бодиартом.

— А что они будут рисовать на мне?

Ответ остался не услышанным. Да и какая разница: что будет изображено на её теле? Хотелось одного: поскорей выйти на свет божий, наполненный воздухом и солнцем, и больше никогда не слышать ласкового голоса приятной во всех отношениях директрисы.

Пробы она прошла легко и быстро. Её, на этот раз одетую, подвесили под потолок буквой Х за запястья и лодыжки. Это было довольно неприятно. Остатки мениска предательски заскулили, но удержались на месте. Зато воображение рисовало отвратительные сцены раздвинутых ног, в основание которых целилась глазастая кинокамера. Конечно, без трусов не обойтись.

Вернувшись домой, она позвонила в справочную и узнала телефоны нескольких страховых компаний. Набрала первый попавшийся:

— Алло, у вас можно застраховаться от производственных увечий?

Наверное, она некорректно задала вопрос, потому что трубка несколько секунд молчала. Затем последовало короткое *да*.

— И сколько стоит это удовольствие?

Она не запомнила сумму, но поняла, что она будет превышать её гонорар.

— А жизнь?

— Простите?

— Вы боитесь жизни?

— Знаете, вам лучше обратиться с этим вопросом к нашему директору... Но его сегодня нет. Позвоните, пожалуйста, в понедельник.

В понедельник вместо директора она позвонила психотерапевту:

— Мне нужно с тобой поработать. У меня проблема.

— У тебя всегда проблемы. И это нормально, — добавил он свою привычную фразу. — Приходи на семинар.

— Я вижу, сегодня твоя проблема действительно реальна, — сказал он, когда она вползла в кабинет, опоздав на час. — Ты даже с палочкой. Что-то с ногой?

— Ещё нет. Пока психосоматика: я так много думала о том, что будет, что... — она запуталась в союзах, — что это произошло раньше времени.

— Что произошло?

— Моя хромота.

— Чем я могу тебе помочь? — задал он привычный вопрос.

— Помоги мне избавиться от страха.

— Это необоснованный страх?

— Нет, я действительно могу покалечиться во время съемок.

— Тогда как я могу избавить тебя от реальной опасности? Смастерить тебе более надежную страховку?

— Пойми, я гораздо больше боюсь не реальной опасности, а своего страха. Если я избавлюсь от него, со мной ничего не случится, я уверена. Ты же знаешь лучше меня, что именно страх притягивает к себе опасность.

— И как ты чувствуешь эту уверенность? — прозвучал ещё один типично психотерапевтический вопрос.

Она ощутила невыносимую тоску перед тем, как ответить на стандартный вопрос, заданный по всем правилам гештальта.

Да что же это такое, везде приходится играть в чужие игры. Неужели она настолько слаба, что не может создать свою, интересную не только ей, но и другим и при этом не потерять зрителей, привыкших следовать за сложившимися стандартами и шаблонами? К страху прибавилось нечто, чему она пока не могла дать имени, наталкиваясь на внеочередной камешек преткновения на пути к решению. Собственно решение уже было принято: она сказала *да*. В голове жужжала устаревшая фраза *Искусство требует жертв*, никак не сочетающаяся с лысой головой, вонючей селедкой на голом теле и сломанной ногой. Почему нога должна быть непременно сломанной, она не могла ответить. Это тоже была одна из тех фраз, которая появлялась ниоткуда и никуда не хотела исчезать.

— Может, тебе проще не сниматься в этом фильме?

— Да нет же, не проще!

— Рассмотрим, например, такой вариант, — начал он нарочито резонным голосом. — Ты отказываешься от роли, но мы с другом в целях поддержания в твоём сознании способности мужественно переносить эксперименты, проделываем с тобой всё, что должно было произойти в фильме. Правда, с некоторыми купюрами и без гонорара. Конечно, превратиться в уродов нам будет сложно, но мы очень постараемся выглядеть похуже: сделаем дурные лица, в меру недоразвитые, чтобы вызвать у тебя отвращение. Разденем тебя ровно настолько, чтобы было удобно есть вонючую рыбу, не испачкав ничего, кроме тела. Порисуем на тебе сцены страшного суда. Налысо, пожалуйста, брить не будем, чтобы не испортить твою артистическую карьеру... Ну как, идет?

— Тебе бы только поприкалываться... Неужели не понимаешь, что я должна сняться в этом фильме?

— Понимаю, понимаю. Это твой священный долг.

— Да это проверка на вшивость! Если я не справлюсь с такими мелочами, грош цена мне, как актрисе, понимаешь!?

— Конечно. Я давно понял твою основную стратегию: быть смелой. Возможно, неосознанную, но формирующую твои жизненные принципы и... делающую за тебя выбор.

Ну вот, её опять разобрали по полочкам, прочно привязали к психосоматике и надели поведенческий ярлык. Примерив его, она вдруг вспомнила, что... это правда: она с самого детства репетировала роль смелой. Прыгая через рвы, лазая по деревьям и заборам, вечно с царапинами, синяками и вывихами, которыми

она хвастала, как медалями за отвагу перед своими сверстниками. Она вдруг поняла, что с тех пор ничего не изменилось, и в ней по-прежнему живет десятилетняя девочка, которая играет с мальчишками в соловьи-разбойники и ножики, гоняет наперегонки на велосипедах и восхищается Зоей Космодемьянской, якобы выдержавшей любые пытки. И так же, как двадцать лет назад, она продолжает что-то доказывать этому миру — свидетелю миллионов таких же доказательств — и хвастать своими «боевыми ранениями», делая вид, что получает от них удовольствие. Она расхохоталась: такой мелкой показалась её проблема, такой прозрачной. Участие в фильме было необходимо только для того, чтобы ещё раз продемонстрировать её любимую стратегию: быть смелой или, хотя бы, казаться ею.

— Тебе звонила режиссер картины... с таким непроизносимым названием, — начал отец, едва она переступила порог дома.

— Я знаю, знаю...

— Ты что, забыла, что у тебя сегодня съемки? — спросил он строгим голосом.

— Да не волнуйся, я предупредила, что у меня семинар. Я разговаривала с директором, и та пообещала перенести съемки. Всё в порядке...

— Но эта женщина, по-моему, нервничала. Она говорила, что сегодня прилетела из Испании специально к началу съемок...

— Я перезвоню ей... после семинара... Я очень устала. Я не могу заниматься двумя делами сразу.

Когда она перезвонила, было уже поздно. Фильм начали без неё. Любезная директриса предложила другую актрису, заготовленную заранее, более сговорчивую и, конечно, более близкую. Режиссера она ни о чем не предупреждала, выбранную изначально кандидатуру на роль — тоже. Напротив, она продолжала убеждать её, что съемки опять переносятся и, когда дойдет очередь до ваших сцен, мы вам обязательно перезвоним, да, спасибо большое, до свидания, спокойной ночи. Невообразимо любезная во всех отношениях дама.

— Ты что, действительно не понимаешь, что ты наделала? — голос режиссера напоминал кусочек льда, оставшийся на дне бокала с выпитым коктейлем. — ...Нам пришлось ещё раз арендовать подъемный кран, камеру, искать новый персонал взамен ушедших в отпуск, новую актрису!

— Но я же предупреждала...

Ей оставалось только извиниться и повесить трубку. Встревоженный взгляд отца наткнулся на её сияющее лицо. У неё было такое ощущение, как будто она окунулась в солнечное утро после продолжительного кошмара. Она вспомнила, что за несколько дней до разговора, в паузе внезапного света, когда все проблемы становятся несущественными и несуществующими, она написала почти заговор, страхуясь от страха:

Уже на грани
вдруг обнаружить,
что чаши весов пусты.
Уже на грани
не найти никого,
между кем можно быть
вопросительным знаком.
Уже на грани
понять, что не бывает опор
в состоянии невесомости,
и что паденье — начало полета.
Уже на грани выбора,
содранной кожи решения,
снятого скальпа смыслов,
выбраться, сойти с тропы войны,
заметить свет, заливающий лицо,
переписать сценарий,
превращая крушение в кружение,
в калейдоскоп пережитого,
переиграть свою роль,
удивить оператора опытом солнца,
не делимым на взгляды,
не замечающим времени,
почти что бессмертным.

Белая магия сработала безукоризненно. И если внешние события предполагали сетования на судьбу, плач о потерянной роли и ушедшими с ней опытом и гонораром, то внутреннее солнце благодарно хранило улыбку в память о несостоявшемся помрачении.

У этой истории, как и у предыдущей, также имеется эпилог. По прошествии полугода несостоявшаяся актриса была приглашена на премьеру композитором, написавшим для картины

музыку. Музыка, как и весь фильм, предназначалась не для слабонервных. Когда зажгли свет, зал с облегчением вздохнул. Участники фильма дружно покидали сцену. Одной из последних шла актриса, сыгравшая её роль. Ей было неловко: она ещё не научилась элегантно передвигаться на костылях.

— Представляешь, после падения в последней сцене она держалась ещё полгода! Но искусство — великая сила: прямо перед премьерой она сломала ногу! — раздался где-то совсем рядом восторженный голос режиссера.

МОНОЛОГИ У ГРОБА

Темный зал. Почти комната. В нём едва помещаются два стола и предполагаемые люди по обе стороны. Один стол пустует, на втором — гроб. Когда я подхожу к нему, те, которые пустуют рядом, расступаются. Их не так уж много — два-три человека-родственника. Они покидают комнату подчеркнуто-тактично, оставляя меня наедине с гробом. Я просила об этом заранее. Прощание с телом — звучит абсурдно, но привычно и почти естественно.

— Мама, — я подхожу ближе...

Слава Богу, это не она. Чужая старушка с платочком на голове... Станный платочек... Ира что-то говорила о полотенце, которое пришлось применить в качестве платка, потому что челюсть отваливалась. Слава Богу, это не моя мама. Было бы безумно обидно: такая красивая — и вдруг отвалившаяся челюсть, посиневшие виски, заточенные черты лица, почти-черепа, провалившиеся глаза. Их закрывал папа, лежащий в той же больнице. Глаза монашки. Лицо мученицы. Мама часто разговаривала с Богом в последние месяцы — и я радовалась, надеясь, что это поможет ей преодолеть смерть. Так думали все, кто молился за неё — вся церковь. Хотя на переход её к евангелистам, честно говоря, я смотрела, как на забаву. Взять хотя бы крещение в ванной, при котором я, к счастью, не присутствовала. Папа — того хотя бы в Днепр окунули. К тому же, он — неофит по жизни, он вообще никогда не верил, и уверовать на старости для него было равносильно чуду. Какая разница — православные, евангелисты, — убеждала я себя, когда мама перекрестилась. Позже она пыталась объяснить это тем, что православие её как будто не принимало. Православием она называла бабушек, отпускаящих ханжеские замечания на предмет её накрашенных губ или отсутствующего платка в церкви. По иронии смерти ей всё же пришлось его использовать.

Если бы знать заранее о гримасах морга, можно было бы принести что-нибудь более привлекательное. Я надела на неё

самое красивое платье — своё выпускное, которое так нравилось ей. Я выбрала для неё самое красивое белье... Как будто теперь всё это имело какое-то значение. Как будто это могло испустить то, что при жизни она ходила в обносках — женщина, мечтающая о роскоши, часами стоящая перед витринами, где сверкали бриллианты, так и не украсившие её пальцы... Та, которая отправлялась в последнюю больницу — и при этом радовалась оставленным мне в наследство золотым украшениям, которые так и пролежали в доме, пока их кто-то не вынес. А я ещё упрекнула её тогда... Нет, я закричала:

— Как ты можешь *сейчас* говорить об этом? Ты всегда думала не о главном, медленно убивая себя, стоя в очереди за железками!...

Сейчас я ношу только драгоценный набор, подаренный тобой на окончание университета и обручальное кольцо, которое, возможно, когда-нибудь заменит всё.

Мама, прости меня. Я так часто была груба с тобой. Даже за день до смерти, когда не знала, что этот день будет нашим последним и что я уже никогда не смогу попросить у тебя прощения. В этот день я покинула тебя с раздражением, извинившись на ходу. Хорошо, что всё-таки извинилась, — успокаивала меня потом тетя Ира. Ты лежала на больничной кровати, потому что уже не могла сидеть — ты умирала! — и думала о чепухе: о своей недоеденной порции, которую почему-то обязан был съесть папа — ты не уставала посылать за ним — о том, что я мало ем — ты перечисляла присутствующим, что именно, как и сколько. Ты говорила всё это, умирая от голода! Ты всё время думала только обо мне, а меня это только бесило. Я не понимала, что тебя уже невозможно обратить лицом к себе — и поэтому нужно сделать своё лицо твоим отражением — смотреть на тебя, смотреть за тобой, как ты — смотрела за мной всю жизнь.

Сейчас я превратилась в это зеркало. Но оно уже ничего не отражало. Как будто его завесили белой тканью. Когда я вернулась из больницы, в доме все зеркала были белыми. Со странным ощущением неопрятности я скинула белые тряпки — под ними оказалось мое лицо. Всё чаще я подходила к нему. Всё чаще заглядывала в себя. Как будто отыскивая то единственное, что может открыть смысл происшедшего. Через несколько дней я уже понимала, почему в доме покойника завешивают зеркала:

чтобы спрятать в белый саван тайну, чтобы похоронить её там, чтобы защитить её от любопытствующей жизни, просачивающейся во все щели. Я смотрела в свои глаза — наверное, я искала в них твоё отражение. Глаза увлажнились, сопротивляясь попытке рассмотреть тебя — ты лежала на дне прозрачного ручья, и омывающие потоки мешали провести четкую грань между тобой и мной...

Нужно остановиться и перевести дыхание, потому что сейчас я попала в ту точку пространства, где происходит метаморфоза: тот, кто переживает, превращается в того, кто пишет. Не могу понять, когда это произошло. Когда вмешалась литература? Наверное, тогда, когда мне захотелось заменить обыкновенные слезы метафорой. Тогда я и солгала — я не видела тебя в этот день на дне озера. Это снова любопытствовала жизнь — жестокий ребенок, заглядывающий в комнату с покойным, чтобы увидеть, в какие одежды наряжается новое состояние, как выглядит высокая мода по ту сторону бытия. А ещё я смотрела на себя в зеркало, как смотрит актриса, чтобы со временем в каком-нибудь спектакле сыграть своё сегодняшнее состояние. Может быть, поэтому я и попросила всех покинуть зал — чтобы прощание не превратилось ещё в одну театральную сцену.

Мама, наконец-то мы вдвоём. Как ты изменилась за эти дни в морге — острее проступило страдание, которое ежеминутно подтачивало твою жизнь. Твои коллеги, приехавшие через некоторое время, не узнают тебя. Они войдут в зал, когда я буду стоять у дверей, встречая гостей, как невеста с невидимым женихом, принимающая цветы. Они войдут в зал залпом, все сразу — и залпом выйдут, растерянно вернувшись к дверям. Вначале я не пойму их траектории. И только тогда, когда кто-то из них выдавит — Это же Зоя! — внезапная догадка — они не узнали её! — поразит, как острая боль, мгновенно выводящая из равновесия. Это же мама! — захочется крикнуть. Та, которую вы привыкли видеть красивой на сцене в музыкальных капустниках и вечерах-годовщинах, чей голос озвучивал ваши тугоухие стены, заставляя плакать тех, кто навсегда посвятил свою жизнь приобретению вещей и любовников. Вы бросались в объятия её голоса, забрасывая его цветами, радуясь и забывая обо всем. А позже — забывая о своей радости и о Зое, которая снова пропала на месяц. — Как можно так долго болеть? За

что ей платят деньги? — возмущались вы, забывая, что своё последнее выступление она перенесла уже похудевшей и измученной каждодневными болями, избегающей вашего накрытого стола, который вызывал в ней столько желаний. Уже совсем истощенная и нюхающая бабушкины запахи на кухне, она как-то сказала:

— Вот бы поесть хотя бы раз — много-много — и умереть от обжорства!

Через полгода после этого выступления ты умрешь. Через полгода тебя невозможно будет узнать. Через полгода — лицо монашки с провалившимися глазами. Мамочка, они скоро вернутся — и я не смогу прикоснуться к тебе по-настоящему. Я уже знаю об этом, потому что сейчас нахожусь одновременно в двух точках пространства — у гроба в полутемном зале и в полутемной комнате чужой квартиры, где я пишу об этом зале. За это время я научилась находиться одновременно там и здесь. А ещё на могиле. И по дороге к ней. И на поминках. Я так давно живу на перекрестке этих мест и ежедневно произношу *Монологи у гроба*.

Я говорю с тобой, мамочка. Я говорю тебе всё, что не успела сказать при жизни: мама, я люблю тебя. Я люблю тебя, мама! Пожалуйста, услышь меня! Пожалуйста, поверь мне. Я буду говорить тебе это каждый день и каждую ночь, просыпаясь от снов, в которых ты снова со мной — уже воскресшая, радостная и счастливая, осязающая радость мою. Прости мне эти слёзы. Я помню: ты просила не плакать после. Но просьба становилась ещё одним поводом к моему раздражению, которое ты, конечно, простила. Ты простила меня всегда. Стоило только подойти и прикоснуться к тебе, и заплакать — то ли от стыда, то ли от жалости к тебе, такой настоящей в те минуты по сравнению со мной.

Когда ты стала совсем святой, я растерялась. Правда, на какое-то мгновение успела обрадоваться. Твоему покою и тому, что в доме стало внезапно тихо. А ещё — этому нелепому обращению к отцу:

— Пойдем молиться, любимый!

Как остро в эти дни я переживала свои падения, как боялась тебе признаться в них. Как появилась первая преграда к доверию. Как много можно было бы ещё вспомнить. И я цеп-

ляюсь за это «много» как за последнюю возможность побыть вместе... Сейчас сюда войдут люди. Нам остается совсем немного. Я так мало находилась рядом с тобой последние годы, когда ты в этом особенно нуждалась.

Когда с тобой случился первый приступ — в ночь накануне моего дня рождения — я была от тебя ещё дальше, чем на расстоянии другого города. Потому что я не отменила этот день и встретила его в присутствии друзей. И даже веселилась, поскольку пригласила единственную женщину и семеро мужчин вместо единственного, который позвонил утром из Минска и извинился за вынужденное отсутствие, а к девяти вечера, когда женщина ушла, всё-таки прилетел и занялся подсчетом присутствующих, их классификацией и систематизацией по длине волос и цвету, отсутствию или наличию усов, бород и лысин, а также другим показателям мужского пола. Я веселилась — а ты всё это время сидела на кухне и готовила. Бессчетное число раз пытаюсь оправдаться, я находила довольно веские причины для объяснения такой преступной невнимательности. Например, желание разрушить ту атмосферу болезни, которая пропитала наш дом в течение четверти века, когда каждое утро ты просыпалась со словами *я умираю*, единодушно приписанными неврозу всеми членами семьи, родственниками и родственными душами. И мои собственные приступы, которые со временем тоже превратились в явление естественное и, к тому же, безопасное, поскольку ты выхаживала меня каждый раз, сидя сутками после операций в больницах, сбиваясь с ног, заваривая бесконечные травы и перетирая всевозможные каши. Грудняк ты мой, — тоскливила ты, поднося мне в постель очередную дозу внимательности.

В тот день мне нужно было всего лишь понять, что взрослый тоже может быть ребенком, когда он беспомощен. Мне нужно было ухаживать за тобой, как за ребенком, мама, все эти годы, а не только последние десять дней, когда, наконец, я смогла отдать частичку себя, но настолько малую, что она уже не помогла. Я спасу тебя, мамочка! — пообещала я в преддверии больницы. — Мамочка. Ты не умрешь, — повторяла я на коленях, — я никогда не думала, что так тебя люблю!... Это было страшным признанием. Наверное, только перед лицом смерти и можно так говорить.

Ещё одно, из самых тягостных... Ты стоишь возле шкафа и перебираешь свои вещи, всё новое пытаешься отдать мне под неуклюжими предложениями, даже колготки и носки. И вдруг, посмотрев на халат, который в то время был на тебе, спрашиваешь: А ты будешь носить мой халат после?... Помню захлестнувшую волну ярости:

— Ты что, хочешь, чтобы я сдохла?

Не знаю, какой бес произнес эту фразу. Меня разрывало сразу несколько. Один прикидывался пайнкой и внушал, что нужно думать о вечном, а не вещном, стоя на пороге тайны. Другой был трусливым язычником: ему казалось, что болезни передаются с вещами. Третий — бес жалости — был самым мелким. Он жалел бесполезно, ради самой жалости. Он ныл и повизгивал от безысходности, обступившей его со всех сторон — больничный отец, жених в другом городе, умирающая мать... Боже, как она боялась помешать нашему браку. Даже в палате она рассказывала, что её дочь не может выйти замуж из-за неё, не догадываясь, что причина — глубже, а она — только часть корневища под названием Киев. Когда Андрей, приехавший на девятый день и покупавший билеты обратно, спросил, возвращаемся ли мы вместе, я, не задумываясь, ответила:

— А как же могила?

Всё происходило в его отсутствие. Чужие мужчины, которые возили в больницу и на кладбище, жалели и любили, копаясь в моих самокопаниях. Единственная женщина, на которую я ежедневно выбрасывала часть накопившегося невидимого мусора, терпеливо перебирающая этот хлам, чтобы отложить совсем непригодное и оставить то, что можно было переделать — мои искаженные мысли, искаленные слова, истеричные крики по ночам.

Видимый мусор я стала истреблять сама. В первые дни, когда квартира совсем опустела (отец вернулся в больницу лечиться, а бабушка жила в другой комнате, как в другой квартире), я стала выбрасывать тряпки и кульки, выметать пыль и сдирать с посуды слой за слоем черноту, накопившуюся за годы болезней. Я избавлялась от смерти с таким энтузиазмом, который не посещал меня при жизни... При жизни мамы. Я уточнила — и мне стало страшно: неужели смерть так прочно внедрилась в моё сознание? Она снова стала героиней моих стихов, как шесть лет назад, когда я безостановочно худела и чувствовала её совсем рядом.

Последние полгода мне казалось, что кто-то стоит за моей спиной. Я боялась обернуться — и разглядеть... Сейчас я произнесу эти слова... После твоей смерти *Она* исчезло. Когда я проснулась на другое утро после похорон, воздух в комнате был прозрачным и свежим — и я почувствовала... Облегчение. После сообщения о твоей смерти я испытала такое же чувство: Слава Богу, конец твоим мукам. Я взяла в руки гитару, которую отложила, услышав телефонный звонок из больницы. Я репетировала предстоящий спектакль. В городе висели афиши, рекламное радио любезно предоставляло время в эфире и замечательный Дом Актера безвозмездно сдавался на поэтический произвол. Проводя с тобой целые дни в больнице, я долго колебалась: выдержу ли я физически выступление? Как ни странно, моральных противоречий не возникало: я ведь нашла людей, которые будут ухаживать за тобой в этот день, — повторяла я главное оправдание. Но для очистки совести всё-таки переспросила:

— Ма, может бросить всю эту затею со спектаклем?

Спросила, рассчитывая на неизменное:

— Нет. Конечно — делай, не откладывая. Я себе после не прощу, если ты откажешься из-за меня...

Ты снова боялась стать помехой. Ты никогда не позволяла о себе заботиться. Только в эти десять беспомощных дней, когда я приехала из Минска и, увидев твоё состояние, побежала брать направление в больницу, бросив сумки и дорожные впечатления, куда попало. Направления, конечно, не было. Врачи, все до одного, грипповали, и скорые стали постоянными визитерами. Они приезжали, кололи только то, что мы находили сами и уезжали так быстро, как будто боялись оставить воспоминание о своём пребывании. Вскоре их появления утратили статус событий, став ещё одним компонентом в новом, вымученном режиме дня.

На следующий день после приезда я пошла в церковь — поставить свечу и попросить: Избавь её от страданий, Боже. Но если это невозможно... Сделай так, чтобы она больше не чувствовала их... Нет, я не произнесла её. Но она промелькнула — и этого хватило на всю оставшуюся дорогу домой. Даже в тот момент, когда я покупала маме белые цветы, вспомнив рассказ О.Генри, в котором больная верила, что не умрет, пока за окном с дерева не упадет последний лист. Неся в руках эти первые ве-

сенные цветы жизни, я повторяла, как заклинание: мамочка, ты не умрешь, пока я буду дарить тебе цветы так часто, чтобы они не успевали увянуть. Я буду продлевать ими твою жизнь на белом свете...

Ну, зачем я зашла в эту аптеку? Ах, да: чтобы купить для отца, который неделю лежал с плевритом, бесполезные лекарства... Уже приближаясь к тебе и нажимая на кнопку лифта, я почувствовала, что, кроме сумки, в руках у меня ничего нет. Я не стала возвращаться к цветам — я поняла: потерянная жизнь не возвращается. И неважно, где я потеряла её — в аптеке или раньше, в Минске, когда ещё оставалось несколько недель, чтобы спасти тебя, хулеющую со скоростью смерти. Но тогда был Андрей, и грипп, сваливший меня с ног, и... моя *невыносимая легкость бытия*.

Нет, конечно, я потеряла тебя гораздо раньше. Когда ты вышла из больницы, не вылечившись, год назад. По какой-то иронии судьбы второй приступ снова случился накануне моего дня рождения. Когда я проснулась, я не почувствовала происшедшего за ночь. Я ждала Андрея и его друзей, не пригласив никого из своих, не пожелав двух миров в одной маленькой комнате. Ты снова пыталась что-то приготовить, потому что Андрей заказал приличный стол, выделив соответствующую сумму, чтобы не чувствовать «вечную безысходность» в нашей семье. И я снова не узнала истинного лица болезни, и снова успокаивала себя тем, что лежать ты всё равно не сможешь. Мне нужно отвлечься, — повторяла ты, стоя у плиты, и я с готовностью соглашалась с самыми неправдоподобными возражениями. Но с каждой минутой чувствовала всё возрастающую связь между мною и тобой — скорее кровавую, чем кровную, всё явственней внушающую, что мои болезни лишили тебя собственной жизни. Ты впитала их — и очистила моё тело. Я стала быстро поправляться после твоей смерти.

Хотя связь предполагалась обратная. Один из многочисленных экстрасенсов, к которым меня таскали в детстве, утверждал, что мама — мой вампир. Бабушка подхватила эту идею — она давала возможность лишний раз восстать против сюсюканий, которые в последние годы стали тяготить и меня. Я заметила, что всё реже целуюсь с тобой. А перед смертью ты вообще

не позволяла приближаться к своей болезни слишком близко, особенно после того, как отказалась лечь в инфекционное отделение, когда у тебя обнаружили какую-то палочку.

— Я боюсь, — отвечала ты на все наши доводы.

Может, поэтому я и не смогла сразу притронуться к ледяному лицу, ещё не согревшемуся после морга.

В последние годы лейтмотивной стала ещё одна фраза: *Ранами Иисуса я исцелена!* Ты повторяла её в унисон с соседкой-евангелисткой. Когда я впервые услышала популярные мотивы, звучащие в их церкви, мне показались такими несовместимыми ты, выросшая на классике и окончившая консерваторию (с единственной слабостью — джазом, который я охотно унаследовала) и безвкусные песенки, которые ты напевала в последние годы, вторя голосу на кассете, полузакрыв глаза, блаженная, красивая... В такие моменты я не могла не радоваться, безразличная к тому, что тебя поднимет — Бог или его лжепророки, если они молятся за тебя каждый день.

Когда они подошли к твоему гробу, мама, я испытала двойное чувство: стыда — оттого, что была плохой опорой для тебя, и сопричастности — они тоже не смогли спасти тебя. Даже коллективной молитвой. Даже многочисленными изгнаниями Духа Зла. Значит, он был сильнее, — уверенно отвечали они. И я старалась поверить. Тем более, что в детстве, по ночам, после какой-нибудь ссоры с тобой, мне казалось, что ты — ведьма, которая должна непременно подойти и задушить меня. От страха я открывала глаза. Днем же, когда ты срывалась из-за моего гнусного характера, мне тоже казалось, что ты кричишь не своим голосом, что тобой владеет нечто, подчинившее тебя своей воле. В такие минуты глаза твои становились безумно-черными. Слава Богу, это всегда длилось недолго. Сейчас передо мной лежало лицо монашки, преодолевшей все искушения, о которой можно было сказать одно: ей хорошо.

В тот момент, когда я взяла в руки гитару, чтобы продолжить репетицию, я уже всё осознала. Через несколько тактов голос стал сдаваться, предательски срываясь... А что, если я сорвусь на сцене? Первую нелепую мысль сменила другая: я повторю жест Эдит Пиаф, которая выступала в день смерти своего

любимого... Позвонила тетя Ира. Она спрашивала сквозь слёзы, почему её не предупредили, обещала приехать завтра и ещё что-то про мясо к столу.

— Ты знаешь, что у меня завтра спектакль? — как можно спокойнее спросила я и зачем-то добавила:

— Что ты об этом думаешь?

Внезапно что-то порвалось, и совсем другой голос ответил:

— Не знаю. Решай сама. Мне кажется... Это — не по-людски.

Она не поняла! Я хотела посвятить этот спектакль тебе! Ты же так хотела, чтобы он состоялся! Я хотела сделать из тебя легенду! Как Эдит Пиаф! Она не поняла...

Уже по дороге в больницу, я спросила у друга — того, кто устраивал мне спектакль и оказавшегося рядом в этот момент: показывать? И услышав внутри себя *нет*, впервые захлебнулась настоящим, проплакав до самой больницы. А потом — в ней, когда увидела пустую кровать и отца с каким-то испуганным выражением лица, слишком быстро поднявшегося при моём появлении.

— Она ничего не передавала мне? Вспомни её последние слова... — Я спрашивала и спрашивала, несмотря на четкое *нет*.

— Не может быть, чтобы она забыла обо мне! —

Может. Потому что я не заслужила её последней мысли и её слов. Я рассталась с ней так холодно... И она, наверное, подумала, что я слишком быстро устала ухаживать за ней, что во мне мало доброты и терпения. Но это не так: я спешила на встречу с врачом, чтобы взять для неё новую порцию лекарств, казавшихся панацеей, скорее — психологической, чем реальной, придуманной для таких безнадежных, как я.

А ещё я спешила на встречу с художником, который обещал оформить мне сцену... И, конечно, опоздала. В этот, последний, день я особенно мало времени провела с тобой, мама. Я торопилась и раздражалась. Ненавижу себя за это. Не могу простить с того самого дня — *Шестого Апреля* (оставался всего один день до Благовещенья), потому что не знаю, как искупить свою вину, мама. Я заказала тебе на день рождения деревянный резной крест, и мы водрузили его на то место, которое называлось могилкой. Я купила тебе фарфоровую девочку со свечой и поставила на полке рядом с твоим портретом, чтобы зажигать её и разговаривать с тобой. Я заказала твой портрет на эмали — и он получился безвкусным, как всё, что делалось для тебя после смерти. Прости, что перечисляю все эти пустяки.

Я знаю, что действительно порадовало бы тебя — моё спасение в браке. И хотя на твоей могиле мы пообещали, что будем вместе, как ты этого хотела, иллюзия тепла с единственным мужчиной постепенно покрывалась тонкой корочкой льда. Потому что изменилась я. В погоне за забвением я почти перестала писать, поскольку это могло вернуть к осознанию, к выходу из жизненного похмелья, которое я искала любым способом. Именно в это время я научилась земной жизни. Я научилась осязать и пить её, не пьянея, из прозрачной трубочки в неизменно красивом бокале. Я уже не могла уснуть без алкоголя.

Но пауза была: сразу после твоей смерти на меня нахлынули слова. Каждое — о тебе. Тогда я поняла, что это начало новой книги. Той, что я не написала при твоей жизни — книги о тебе. Пусть она будет совсем маленькой — не больше пятидесяти трёх страниц — не больше твоего возраста. В ней будет только то, что я написала тебе и то, что могло быть написано только тебе. И ещё то, что появилось благодаря тебе. Потом стихи замолчали — я погрузилась в диссертацию. И время хаотичных исповедей уступило место времени упорядоченных жанров. Но здесь, в Питере, благодаря идеям Мастера, который на время стал для меня Учителем, живые слова снова просочились сквозь язык научных исследований — и зазвучали эти монологи. Само название принадлежало ему, заказавшему каждому из своих учеников написать единственную исповедь жизни — *Монологи у гроба*, которые можно было бы обратиться к самому близкому. Мне не нужно было ничего выдумывать — и я начала писать свою первую в жизни исповедь.

Мама, прости меня за всё. За обыкновенную женщину, живущую во мне, которой для счастья нужно обыкновенное тепло. Мама, мне так холодно без тебя! Сегодня пошёл снег — первый снег в городе, где у меня всё происходило впервые — и стихи, и взлеты, и падения, и выпадения во времени. И только болезни, которые ты так и не смогла унести с собой, повторились. Очищением, похожим на окончательное выздоровление. Ибо начало *высокой болезни* — мои первые стихи 1986 года, проведенного с тобой в нашем первом Питере — завершилось только сейчас, через десять лет, словами, обращенными к тебе. Когда в том же городе за окном идет такой же снег, и я лежу в коммуналке и болею после холодного душа в чужой квартире. И когда за сте-

ной — маты, которые почему-то не слышны в родном городе. И когда тот, кто провожает тебя из театра, оказывается обыкновенным сытым хамом. И хочется уехать немедленно, так и не научившись оставаться. И я уезжаю, оставляя *оставшихся здесь* — слова, под которыми расписались две жизни — матери художницы, прикоснувшейся к моей книге, и твоя жизнь, продленная моей.

Я уезжаю отсюда и оставляю много своих книг «Оставшимся здесь». Так назывался и спектакль, который я тогда, конечно, отменила, перенесла его на сорок дней. Поскольку есть то, что дороже стихов и сцен, и символических совпадений. Есть Ты — единственная, кто у меня есть — мама, сестра, ребенок, подруга, консультант по всем моим эмпириям, утешительница, помощь, тепло моё в чужом городе, мой страх темноты, цена всего, что я делаю, истина моя, моя жизнь, моё зеркало, отражение моих несовершенств и отчаянье, и вина моя... Только ты осталась для меня *здесь* — и ты умерла. А я продолжаю искать твоё отражение в чужих людях, чтобы ещё и ещё побыть ребенком, окунуться в иллюзию уюта, испытав последнее разочарование: ощущение обузы, живущей в чужой квартире и в чужом городе.

Но то, что можно назвать своим, уже потеряно. И потеряны границы между всем и всеми. А время, и пространство стали какими-то безразмерными и растянулись до дурной бесконечности. Я всё чаще забываю отсчитывать свой возраст и не обижаюсь, когда слышу, что мне пора в детский сад. Это желание тебя, мама, мой ребенок последних дней. Я надеваю на твои палочки-ножки колготки. Я вытираю твоё тельце ватой, потому что мыться ты уже не можешь. Мама, ребеночек мой, я снова плачу, прости, я знаю, что мои слёзы привязывают тебя к земле, прости, я потеряла последнее тепло, и одиночество душит настолько, что у меня не перестает болеть горло — и я снова не могу уехать и покинуть этот холодный чужой город. Но я не тороплюсь — ехать всё равно некуда — ты не ждешь меня, как раньше. И никто нигде не ждет меня. Я потерялась между тремя городами — Питером, Киевом, Минском. Ты — где-то в другой стороне, и я не знаю, как до тебя дойти и не готова к этой дороге. Не готова расчищать заметенные неведением тропинки. Разве что — нашу последнюю прогулку по лесу за два месяца до...

Ты подходишь к самой тонкой березке — и обнимаешь её, чтобы набраться хоть немного жизненных соков-сил (из серии бабушкиных уроков), а потом мы — одновременно — поднимаем головы к кронам — и обреченно соглашаемся с представшей картиной: дерево, охваченное твоими высохшими руками, оказывается сухим мертвым стволом. Единственным в этой, наполненной зеленью, роще...

Не знаю, когда закончу говорить тебе и о тебе. Не знаю, когда *сны перестанут говорить твоим голосом, мама...* И хотя, страницы, отведенные твоему возрасту (ровно пятьдесят три в маленькой книжке *Шестое Апреля* заняли стихи и эта проза) заканчиваются, исповедь продлится ещё на многие годы. Я никогда не исповедовалась в высшем смысле этого слова, мама. А с твоим уходом, всё больше открываясь другим, как раньше — тебе, едва не превратила откровенность в болтливость. Надеюсь, эти монологи прекратят мутный поток холостых слов и станут началом молитвы. Моей и твоей. Ибо это ты говоришь во мне, продолжая свою судьбу, исправленную временем. А однажды, когда твой голос окончательно замолчит и боль отступит, откуда-то из глубины, из хаоса горя, посеянного твоим уходом, пробьется росток света, с каждым днем всё больше наполняющий моё естество и ставший самым большим уроком, преподанным тобой: любви и благодарности жизни.

ПРОПАЛА СОБАКА

У нас в селе появилась сумасшедшая. Каждый день она выходит из дома с пачкой бумаг и клеем ПВА, чтобы расклеить объявления на встречных столбах и заборах. Оставшись с пустыми руками, но, не успокаиваясь на достигнутом, она ходит по улицам с пронзительным криком: БА-А-ДИ-ИК! У неё даже появились последователи: стайка деревенских мальчишек, которые разъезжают на велосипедах со скоростью пули из заржавевшего автомата и выкрикивают, подражая её интонациям: БА-А-ДИ-ИК!

Увидев объявление в первый раз, я поначалу не обратил на него внимания. Но с каждым днем количество не только объявлений, но и информации в них увеличивалось. И если первая надпись гласила:

**ПРОПАЛА СОБАКА — МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРНЫЙ ТОЙ-ТЕРЬЕР.
ПРОСЬБА НАЙТИ ЗА ХОРОШЕЁ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ. Тел.:
80973710486.**

На следующий день я прочел следующее:

**ЗА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПРОСИМ НАЙТИ МАЛЕНЬКОГО
ЧЕРНОГО ГЛАДКОШЕРСТНОГО ТОЙ-ТЕРЬЕРА С БОЛЬШИМИ
УШАМИ БЕЗ ХВОСТА.**

АДРЕС: ул. 1-го Бердянского Совета, 13. Тел.: 92659.

Пошел ещё один день — и я увидел новое объявление:

**ЗА ХОРОШЕЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПРОСИМ НАЙТИ МА-
ЛЕНЬКОГО ЧЕРНОГО ГЛАДКОШЕРСТНОГО ТОЙ-ТЕРЬЕРА С
БОЛЬШИМИ УШАМИ БЕЗ ХВОСТА. ВЕС: 2КГ, ВОЗРАСТ: 4 ГОДА.
ПЕСИК ОЧЕНЬ БОЛЕЗНЕННЫЙ И ТРЕБУЕТ ПОСТОЯННОГО
ГРАМОТНОГО УХОДА.**

АДРЕС: ул. 1-го Бердянского Совета, 13. Тел.: 80973710486

Дальше было ещё больше:

ЗА ХОРОШЕЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПРОСИМ НАЙТИ МАЛЕНЬКОГО ЧЕРНОГО ГЛАДКОШЕРСТНОГО ТОЙ-ТЕРЬЕРА ПО ИМЕНИ БАДИК С БОЛЬШИМИ УШАМИ БЕЗ ХВОСТА. ВЕС: 2КГ, ВОЗРАСТ: 4 ГОДА. ПЕСИК ОЧЕНЬ БОЛЕЗНЕННЫЙ И ТРЕБУЕТ ПОСТОЯННОГО ГРАМОТНОГО УХОДА. ОН ВАКЦИНИРОВАН, НО КУСАЕТСЯ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА НЕРВНОЙ ПОЧВЕ.

АДРЕС: ул. 1-го Бердянского Совета, 13. Тел.: 92659, 80973710486

После этого я прочел:

ЗА ХОРОШЕЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПРОСИМ НАЙТИ МАЛЕНЬКОГО ЧЕРНОГО ГЛАДКОШЕРСТНОГО ТОЙ-ТЕРЬЕРА ПО ИМЕНИ БАДИКС БОЛЬШИМИ УШАМИ БЕЗ ХВОСТА. ВЕС: 2КГ, ВОЗРАСТ: 4 ГОДА. ПЕСИК ОЧЕНЬ БОЛЕЗНЕННЫЙ И ТРЕБУЕТ ПОСТОЯННОГО ГРАМОТНОГО УХОДА. ОН ВАКЦИНИРОВАН, НО КУСАЕТСЯ, ПОСКОЛЬКУ НЕРВНЫЙ. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДАВАЙТЕ КОСТОЧЕК! ПРИМАНИТЬ МОЖНО ФИНИКАМИ И МИНДАЛЬНЫМИ ОРЕШКАМИ!

АДРЕС: ул. 1-го Бердянского Совета, 13. Тел.: 92659, 80973710486

Я понял, что девочка серьезно больна. В этом меня окончательно убедило требование кормить её пса финиками и миндальными орехами, которые в нашем селе могли себе позволить даже не все человеческие особи. Как только я подумал об этом, я услышал лай моего Маркиза. Это мой новый пес. Я взял его, когда похоронил своего первого. Но об этом после. Я услышал его душераздирающий лай и не на шутку испугался, когда увидел в нескольких сантиметрах от его пасти молодую женщину.

— Вы что, с ума сошли? Не понимаете, что он вас растерзать может?

Она, как будто не замечала нацеленных на неё клыков. Да и вопроса моего, похоже, не услышала, поскольку тут же задала свой:

— Вы не видели маленькую собачку? — И она сунула мне под нос уже знакомое объявление, которое обросло новыми подробностями:

ЗА ХОРОШЕЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПРОСИМ НАЙТИ МАЛЕНЬКОГО ЧЕРНОГО ГЛАДКОШЕРСТНОГО ТОЙ-ТЕРЬЕРА ПО ИМЕНИ БАДИК С БОЛЬШИМИ УШАМИ И БЕЗ ХВОСТА. ВЕС: 2КГ, ВОЗРАСТ: 4 ГОДА.

ПЕСИК ОЧЕНЬ БОЛЕЗНЕННЫЙ И ТРЕБУЕТ ПОСТОЯННОГО ГРАМОТНОГО УХОДА. ОН ВАКЦИНИРОВАН, НО КУСАЕТСЯ, КОГДА К НЕМУ ПРИКАСАЕТСЯ ПОСТОРОННИЙ, ПОСКОЛЬКУ В ДЕТСТВЕ ПЕРЕНЕС ЭПИЛЕПСИЮ И С ТЕХ ПОР ОЧЕНЬ НЕРВНЫЙ. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДАВАЙТЕ КОСТОЧЕК, ЧТОБЫ НЕ ПОРАНИТЬ ЕМУ ЖЕЛУДОЧЕК! ПРИМАНИТЬ ЕГО МОЖНО ТОЛЬКО ФИНИКАМИ И МИНДАЛЬНЫМИ ОРЕШКАМИ! А ЕЩЁ — ЛАСКОВЫМИ СЛОВАМИ И ЛЕСТНЫМИ КОМПЛИМЕНТАМИ. ОСОБЕННО ЛЮБИТ СЛОВО МОЛОДЕЦ.

АДРЕС: ул. 1-го Бердянского Совета, 13. Телефоны: 92659, 80968076649

Получив ещё одно подтверждение её сумасшествия, я решил немного смягчить тон:

— Читал я, читал ваше объявление. И не один раз...

— Правда? — Она почему-то обрадовалась.

— Скажите, а зачем вам понадобилось расклеивать их на всех встречных столбах? — не выдержал я. Неужели недостаточно было повесить на автобусной остановке и возле магазина?

— Понимаете... — Она замялась так, как будто была вполне нормальной со всеми вытекающими комплексами. — Мне становится легче, когда я их пишу. Как будто я для него что-то делаю...

— Не понял... — На этот раз замялся я... — Вы что, пишете всё это... от руки?

— Ну конечно, — горячо воскликнула она. — А как же ещё? Ксерокса у вас днем с огнем не сыщешь! Но мне так даже легче! Я просыпаюсь, пью чай, потом начинаю писать. Потом обязательно что-нибудь заканчивается: либо фломастер, либо бумага — и я иду в магазин. Меня уже там знают. Как увидят — достают черный фломастер и белую бумагу. И, конечно, спрашивают, не нашелся ли Бадик. Я с ними поговорю немножко, возвращаюсь домой, пообедаю — и сажусь снова писать. А когда жара спадает — иду расклеивать. По дороге за-

хожу в два-три дома. Поговорю — и легче становится. Так и день проходит. Возвращаясь домой, обязательно зову его: вдруг он где-то поблизости? Он ведь жару не переносит, а утром отлично знает, что я встаю поздно. Он может ждать меня только вечером.

Да это уже не поиски, а романтические свидания! Я зачем-то вспомнил «Игру в классики» Кортасара, когда герои назначали друг другу свидания в одном квартале, по которому они бродили, пока не находили друг друга. Моя мысль, описав круг, вернулась к диалогу. Я по-прежнему не знал, что ответить. Она вполне логично объяснялась, да и выглядела, как совершенно нормальный человек.

На следующий день я встретил её возле магазина канцтоваров, где она покупала очередной фломастер.

— А можно я угощу вас кофе? Мне будет очень приятно, — неожиданно вырвалось у меня забытая светская фраза. Разговаривать с ней было интересно: она следовала за любым движением моей мысли, и умела держать совместную паузу перед началом следующего круга. Нужно отдать ей должное: она не заикливалась на своей собаке и быстро включалась в предложенные темы. Говорить с ней можно было абсолютно обо всём. Но я вернулся к «собачьей теме»:

— А хотите, я расскажу вам историю о том, как у меня пропала собака? — неожиданно предложил я. Хотя тут же пожалел о своем предложении: зачем лишний раз наступать на больной мозоль? Но она тут же отозвалась коротким *хочу*. Мне показалось, что если бы я предложил ей прослушать какую-либо другую историю, она бы тоже ухватилась за неё, как за соломинку.

И я рассказал ей о своем первом псе. Как в обед, когда я обычно возвращаюсь домой, чтобы спустить его с цепи погулять, пошел ливень, который не пустил меня, и как, вернувшись домой, я обнаружил сорванную цепь, и как нашел его через несколько дней возле дороги, уже полусгнившего, с поврежденной головой, и как хоронил. Не знаю, зачем я рассказывал всё это. Вряд ли её могло утешить чужое горе. Наверное, просто хотелось приобщиться к её беде, к ней самой — такой трогательной, стриженной по-мальчишески, заплаканной. Да и тоскливо мне было — одному в доме. Семью свою я отправил

на неделю к родственникам, в Запорожье, пьянствовать мне особенно не хотелось, так, разве пивка потянуть. А разговаривать с пьяными пенсионерами...

— А знаете что, дайте ещё объявление на радио. — Неожиданно сообразил я. — Какую-нибудь «Азовскую волну», «Шансон», «Русское радио». Я могу дать вам телефоны. Вы знаете, где я живу... — Приглашение повисло в воздухе какой-то неловкостью. Чего это я вдруг разгостеприимничался? Может и позвонить, на крайний случай.

К этому времени она закончила писать свои объявления. Конец, как я понял, всегда определялся отсутствием чего-либо: на этот раз — бумаги.

— А в автобусах по одиннадцатому маршруту вы вешали?

— Нет. Какая чудесная идея! — Она просияла. — Спасибо вам огромное.

— Чем я ещё могу вам помочь? Только честно. — Ещё немного — и я предложил бы ей денег. Но она вовремя меня остановила:

— Ну что вы... Вы и так мне здорово помогли: информация стоит дорого. Обязательно позвоню на радио. — И она сделала какие-то записи в тетрадке, лежащей рядом с объявлениями.

— Только помните: пятьдесят на пятьдесят. Может — да, а может — нет.

— Да, да, конечно, я понимаю. Я же не маленькая...

Я попытался определить её возраст. У меня не получилось. На вид ей было не больше двадцати пяти. Но судя по тому, как она успела бросить вскользь «С мужем после десяти лет мучений наконец рассталась, детей нет, один Бадик остался» — она принадлежала к категории тех, кому за тридцать.

Мои размышления прервала неизвестно откуда взявшаяся fuga Баха. Она оказалась вполне современной барышней: даже в наше глухое село она захватила мобильный.

— Нет, не нашла, — ответила она скорбно. По-видимому, тот, кто звонил, уже знал эту историю наизусть. — Да как ты не поймешь! — внезапно взорвалась она. — Это существо — единственное, что у меня осталось в жизни! — После этой фразы она расплакалась. Она уже забыла о том, кто ей звонил, обо

мне и обо всём остальном — даже о том, что она на улице и на неё смотрят. Слезы залили её лицо — и она стала совсем некрасивой.

Я отвернулся. Заметив мой жест, она поспешила взять себя в руки:

— Всё. Мне пора. Спасибо вам за всё. Я с вами впервые за эти дни улыбалась.

— А плакали, похоже, не впервые.

Вместо ответа она протянула мне тетрадку, в которой только что сделала короткую запись:

— Это почти дневник. Здесь я записываю всё, что связано с ним. Начиная с того дня, когда он появился у меня — четыре года назад... Я хотела бы, чтобы вы прочли несколько строк прямо сейчас. Мне бы хотелось услышать ваше мнение.

Я поторопился исполнить её просьбу и на первой же странице, без предисловий, прочел:

12 июня, 2002 года

Это была любовь с первого взгляда. Как только он поднял на меня глаза, я поняла, что именно о нем я мечтала несколько лет, умоляя мужа подарить мне маленькую собачку.

— Зачем тебе собака? Тебе что — меня мало? — отвечал он всегда одинаково индифферентным голосом. Наконец, интонации изменились:

— Что ты будишь с ним делать? — ответил он вопросом на вопрос.

— Любить, — не задумываясь, отвечала я, а после добавляла нараспев, со смехом: — Носить на руках, никогда не расставаться, непрерывно целоваться. — И поглаживая в сторону дивана, с которым муж сливался с каждым днем всё больше, добавляла с притворным придыханием: — Это будет мой маленький мужчина.

Муж выслушивал терпеливо. На последней фразе начинал быстрее перелистывать ТВ-программы, а в конце угрюмо добавлял:

— Я хочу большую собаку: чао-чао.

Пришлось принять собаку от другого мужчины.

— Двести баксов, — отчеканила продащица.

Слава Богу, эти деньги оказались для него карманными — мужчина посмотрел на женщину, то есть — на меня, вцепившуюся в собаку, и подумал, что дешево отделался, неосторожно предложив ей самой выбрать подарок. А ведь могла потащить на авторынок! Правда, к собачке ему пришлось прибавить будку, ошейник, две миски и свиное ухо величиной с щенка, который должен был каким-то образом его сгрызть.

Тут же, на рынке, в большой спешке, потому что начинался дождь, была сделана прививка от всевозможных болезней.

— Покажите эту прививку в ветеринарной клинике. — С видом специалиста сказала продавщица, передавая перепуганного щенка в новые руки. — Кстати, папу зовут Бонифаций, так что нужно назвать на Б.

— Блядик, — съязвил муж, когда она, наконец, вернулась домой и, сияя, как лампочка, объявила:

— Познакомься, это Бадик.

Бадди, Дружок — так называли своих партнеров по тренингу, пройденному ею совместно с мужчиной, предложившим подобрать для неё подарок ко дню рождения. Мужчина любил её и надеялся на продолжение. Он даже попытался продолжить:

— Его надо обмыть, — предложил он.

— Не сегодня, — услышал он короткий ответ от женщины, которая любила мужа — и, забежав домой, взяла самый дорогой коньяк, стоявший у него на черный день, чтобы вручить его доброму мужчине:

— Обмой пока сам.

Мужчина обиделся, взял коньяк и уехал.

— Да из этого же может получиться художественное произведение!

Я пролистал остальные страницы.

— Я начала писать роман, — голос её звучал очень серьезно. — Ведь говорят же: нужно в жизни сделать три вещи: родить ребенка, посадить дерево и написать роман. Я решила начать с последнего. Тем более, что начал его Бадик.

— Извините? — переспросил я.

— Вы потом сами всё поймете, когда прочитаете, — с какой-то тайной лукавинкой ответила она.

— И что же — вы закончили свой скорбный труд? — подражая её интонациям, переспросил я.

— Не хватило материала, как любят говорить журналисты — информационного повода.

— Зато теперь повода достаточно.

— Лучше бы его не было. — Она отвернулась.

— Можно я почитаю дома? — Мне показалось, что она снова собирается плакать — и я решил избежать этой душе-раздирающей сцены.

— Да, конечно, — не поворачиваясь, ответила она, давая понять, что не принадлежит к числу тех, кто любит устраивать спектакли, возводя свои страдания в произведения искусства.

Возможно, нам обоим хотелось остаться наедине со своими мыслями. Уже прощаясь, я вспомнил, что мы так и не познакомились:

— Меня зовут Геннадий.

— А меня — Александра.

— Очень приятно, — почему-то добавил я, второй раз в разговоре с ней употребляя этот светский штамп, хотя меня самого всегда воротило от заезженных фраз.

Вернувшись домой, я сварил себе крепкий кофе. Несмотря на мой возраст, я по-прежнему пил только крепкий кофе — и засел за дневник.

ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРЫ

Июль, 2002 года

Если кто-то спросит, чем я занимаюсь все эти дни, я отвечу: УЧУСЬ ЛЮБВИ.

У маленького человечка, который умеет любить, как никто другой. Привязываюсь к нему всё больше и больше. Открываю в себе неожиданные качества: терпение, заботливость, нежность... Один взгляд, брошенный на него, спасает меня от дурных мыслей и настроений.

В моей жизни почти не осталось мест, куда бы я его не могла взять с собой: встреча в кафе или на скамейке, театр или кино, концерт или прогулка — он одинаково желанен везде. Я не могу с ним расстаться ни на час. Я ощущаю то, что может чувствовать мать: заботу, страх за свое чадо, нежность

и любовь. Абсолютную, всеохватывающую, наполняющую и вытесняющую всю шелуху, приносимую мелкими чувствешками и любёночками, как сказал бы Маяковский. Многоликую: таинственную и явную. Даже прилюдную, даже неприличную: Бадик целуется, когда ему вздумается, не взирая на место и окружение: в магазине, кафе, на лекции, репетиции. И я не могу сопротивляться его желанию, даже иногда сама подставляю губы под его жаркий язычок. Я стала лучше понимать античную мифологию — её представление о любви к живности, ничем не отличающуюся от любви к человеку: Леда и Лебедь, Бык и Гея... И те, кто появлялся на свет в результате этих союзов, были плодом любви. Иногда я жалею, что Бадик такой маленький, и его семеню хватает только на то, чтобы мастурбировать на моей ноге или руке, разбрызгивая прозрачные капельки на пол...

После таких пассажей я не выдерживал собственного смущения. Я быстро пролистывал подобные страницы, считая себя не вправе углубляться в них. Почему она дала мне читать столь интимные признания, я не понимал, но с каждой строкой всё больше чувствовал себя соучастником этих странных отношений.

Август, 2002 года

Наконец я поняла смысл фразы: любовь побеждает всё. Всю жизнь я страдала аллергией на собак и кошек. И в первые недели Бади в моём доме буквально задыхалась. Но упорно отказывалась от лекарств. И победила! Любовь к Баде победила мою аллергию!

А ещё я поняла, что получила просветление через Бадика. Мы с Ником говорили о том, что настоящий эзотерик не должен отделять себя от мира, в том числе от тех, кто находится ниже уровня его развития. И если возникает любовь к такому существу, как собака, находящаяся на более низком уровне развития, чем человек, то эта любовь ничем не обусловлена и не зависит от отдачи с обратной стороны. Итак, я познала абсолютную любовь, а значит — превратилась в неё. Теперь я — сама любовь!

Ох уж эта патетика! Но я терпеливо продолжаю читать.

Сентябрь, 2002 года

Мне снится моя любовь, мой маленький возлюбленный, мой молчаливый любёночек, не знающий человеческой речи. Мы сидим перед телевизором, я спрашиваю его мнение о фильме — и вдруг он произносит: Нравится. И ещё раз: Нравится. Человеческим голосом!

Я вне себя от счастья просыпаюсь, но тут же проваливаюсь в другой сон:

Бадик начинает прямо на глазах цветоизменяться: из черного превращается в красно-бурого, а потом раздваивается. С раздвоением приходит страх: кто-то, кажется, мама пытается соскрести эту краску с одного из Бадиков, привести его в норму, то есть — в общепризнанное. Вместе с краской она невозмутимо соскребает кожу. Я не выдерживаю и кричу: Зачем ты это делаешь? Пусть остается таким, как есть. Пусть остается красным!

Октябрь, 2002 года

Кажется, мой муж ревнует меня к собаке! Особенно в те моменты, когда Бадька мастурбирует, ухватившись за мою ногу или руку. Нужно привести ему девочку — Бадику, то есть. Правда, ветеринар говорит: рано.

Ноябрь, 2002 года

Сегодня впервые расстаюсь с Баденькой на сутки. Очень волнуюсь, что муж не сможет за ним правильно ухаживать. Оставляю ему четкую инструкцию:

РУКОВОДСТВО ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ БАДИКА

Утром вылить и помыть горшок и выбросить кашку, лежащую справа от него.

Сварить еду на две порции:

куриное бедро помыть, залить одной чашкой кипятка, поварить минут 10, досыпать две неполные ложки гречки, потертую морковь, жменьку мелко нарезанного лука, через 5 минут выключить плиту, но оставить довариваться. Когда перестанет кипеть добавить одну чайную ложку растительного масла.

Около 12.00–13.00 пока еда остывает вывести Бадика на 5–10 минут погулять на поводке.

Положить в вымытую миску половину сваренного. Курицу мелко покрошить и перемешать со всем остальным. Не говорить ему слово кушать: он его не любит.

Кости не давать, только хрящики.

Уходя из дома, закрывать гостиную, спальню и ванную, чтобы ничего не погрыз и не нагадил на постель. Входную дверь запирает только одну, вторую — нараспашку, чтобы не погрыз обивку. Оставляя для игры круг, обезьянку и сухарик (а также — витаминную палочку). Оставляя горшок на обычном месте.

Вечером выводить гулять в 20.00–21.00, пока светло на поводке.

После прогулки предложить поесть. Не настаивать. Если не съел то, что было в миске, перекипятить в его кастрюльке со сливочным маслом и снова положить в предварительно промытую миску. Пока не остынет, не давать. Если Бадик съел дневную порцию — всё проще: просто подогреть в кастрюльке то, что стояло в холодильнике и не обязательно кипятить.

Закапать ушки капельками. По две — в каждое. Если начнет кусаться, успокаивать: Бадик — молодец, Бадик — хороший.

На ночь возле будочки положить кусочек сушеной дыни, корм и маленький сухарик. Обязательно налить во вторую мисочку отфильтрованную воду. Мисочку предварительно помыть. Пожелать Баде спокойной ночи. Реагирует также на слова *место и спать*, но с обидой.

Приехала на следующий день. Недовольны оба: и собака, и муж. Бадик ничего не съел. Похудел грамм на пятьдесят. Муж сказал, что он остается с ним один на один первый и последний раз в жизни. Бадик вел себя вызывающе: грыз входную дверь, писал, где придется. От еды прятался, как будто ему подбрасывали яд. Если бы за мной кто-то так смотрел, я был бы благодарней, — отчеканил муж. В следующий раз попроси посмотреть за ним того, кто тебе подарил это сокровище, — добавил он напоследок.

Интересно, к кому он больше ревнует? Наши отношения ухудшаются с каждым днем. Он становится всё более замкнутым. Меня спасает только Бадик, его любовь и ласка. Ну поче-

му Бадя — не мой муж? Не-мой, преданный, ласковый, всепрощающий... — это же идеал мужчины! А муж к нему относится, как к собаке: Выгони это чудовище из моей спальни! Как же я могу его выгнать? Во-первых, он помогает мне испытать такие ощущения, которые я до него не испытывала, а во-вторых: он же на меня обидится и перестанет любить, если я лишу его права участвовать в моей интимной жизни!

Декабрь, 2002 года

Скоро Новый год — а я не знаю, с кем буду его встречать. Мы остались с Бадей совсем одни. Всё к этому шло. Муж уехал со словами: Для меня не осталось места в этой квартире. Отчасти, он прав. Я слишком влюбилась в это существо, которое заменило мне всех.

Январь, 2003 года

Вот и Новый год прошел. Впервые встретила его одна и в полном одиночестве. Вернее, с Бадей. С ним, конечно, классно, но слишком монологично: я говорю, а он молчит, я поднимаю тост, а он воротит нос от алкоголя. Даже бутерброд с икрой съел без особой радости. Наверное, он считает само собой разумеющимся то, что я провожу с ним праздничную ночь. Он даже не понимает, от чего я отказываюсь и чем жертвую. Неблагодарная тварь. Когда он научится понимать ВСЁ?

Февраль

Мне снится Бадик. Его становится всё больше. Он размножается прямо на глазах. И вот уже несколько маленьких черных собачек вьется у моих ног. А где-то в отдалении возникают новые, причем, все они — разные: большие и маленькие, худые и толстые, облезлые и густошерстные.

Говорят, если снится собачка, это — к мужчине...

Бедная девочка, ей бы мужика хорошего рядом, а не собаку. Хоть бы к снам прислушалась...

Март

Вечером приходит Он...

Ну, наконец-то!

...но Бадик вмешивается в долгожданный поцелуй, целуя поочередно каждого.

Вот засранец!

— Имей совесть, — говорит Он. — Ты её целуешь каждый день, а я — впервые... Нет, это уже слишком. Перестань приставать к ней. — Он лягает ногой пристроившийся к моей ноге плотоядный комочек. — Сегодня, Бадик, моя очередь.

Вот это — мужик!

Но после его ухода Бадя требует повышенного внимания. Он устраивает настоящую сцену ревности: пишет прямо перед моим носом на белый кафель, а потом нагло смотрит на меня, не испытывая обычного в таких случаях чувства вины (обычно он прячет глаза, а потом прячется в будку, чтобы избежать наказания). А после он нетерпеливо прыгает на руки и, достигая лица, долго-долго лижет мои губы: я и то облизываю лучше, — пытается доказать он, — ты ведь любишь только меня? — Он преданно смотрит мне в глаза, настаивая на ответе. И я, конечно, отвечаю.

Апрель

Бадик тяжело заболел. У него обнаружили эпилепсию. Провожу с ним время с утра до вечера. Чувствую себя вдвойне виноватой: за то, что взяла его на консультацию психотерапевта, и, держа на руках, обсуждала проблемы боли в результате блокирования сексуальной энергии, и за то, что пригласила в дом мужчину, а Бадик, конечно, разнервничался. Теперь приходится спать с ним в одной постели, поскольку приступы случаются каждые два часа.

— Разве это возможно у собак? — спрашивают все мои знакомые.

— Бадик — не собака, — отвечаю я, задетая за живое.

Собака-собака, — приговариваю я, засыпая.

Май

Мне кажется, что Бадик взял на себя мои болезни. С тех пор, как он заболел, я, как будто стала здоровей, несмотря на постоянные слезы. Не зря я называла его БАДом — биологически активной добавкой. Здоровье ты моё, — шутила я, наблюдая, как он носится по улицам и загоняет любую собаку, которая хочет его догнать. Иногда, когда он совсем заводился, он напоминал юлу, которую я любила раскручивать в детстве — он наматывал один за одним круги, не зная усталости...

А теперь ему даже на ногах не стоит. Не говоря уже об эротических играх.

Июнь

Как я устала от больниц, капельниц, психотропных таблеток, которые каждый раз нужно крошить ему в пищу! Попробуй ещё уговори его покушать! Вот уже два месяца я ничем не занимаюсь, кроме его лечения. Моя постель, в которой он всё-таки добился права спать, превратилась в больничную койку, а я — в сиделку. Когда же это окончится?

Июль

Ура! Кажется, он выздоровел! Не могу поверить в это счастье! Не зря я ходила в церковь. Я молилась так, как не молилась ни за кого на свете! Я пообещала, что если он выздоровеет, я не расстанусь с ним до конца жизни! Неужели Бог принял от меня эту жертву?

Я пролистал ещё несколько страниц, не читая. Меня начинал тяготить её образ мышления. Я, конечно, понимал, что она человек — нездоровый. Но при чем здесь Бог? Что за привычка обращаться к Богу всегда, когда сталкиваешься с проблемой собственного идиотизма, не способного ни на что без божественного вмешательства?

Я посмотрел на часы — начало первого... Не хватало ещё, чтобы я посвятил этому бреду всю ночь... Но всё-таки пробежал глазами ещё несколько записей, которые показались мне особенно забавными:

Август

Бадик стал каким-то агрессивным. Сегодня ко мне пришла возмущенная соседка и потребовала показать ей прививки от бешенства. Хорошо, что я их сделала (не себе, конечно, Бадику) вопреки недоуменным вопросам и возражениям ветеринара, пытающегося мне доказать, что маленькие домашние собачки не нуждаются в подобных прививках.

— Бадик нуждается, поверьте мне, — настояла я на своем.

Соседка показывала мне разорванный чулок и следы бадикных зубов. Я, конечно, извинялась, как могла. Мол, недовоспитала, недосмотрела. Но что толку, если он кусает всех, кто подходит к нашему подъезду, как будто этот дом — его собственность. Вчера сосед заявил, что если так дальше будет продолжаться, я буду покупать ему новый костюм. Нужно привести ему девочку. Бадику, то есть. Может быть, секс избавит его от агрессии?

Сентябрь

Вот тебе и свадьба! Напрасно я так долго тянула, слушая советы ветеринаров, утверждающих, что ему ещё рано. А теперь уже поздно. Сразу двух невест в течение недели привела ему — и ни с одной не получилось. Одна не выдержала его девственного дебилизма и сожрала весь сухой корм, пока Бадик ходил вокруг да около, не понимая, что от него хотят. Ну и ладно — она какая-то уродливая была: толстая, неуклюжая. Зато вторая — хрупкая, нежная, смиренная: подставила попку, и ждала, пока у этого оболтуса встанет. А он покрутился около, даже облизать соизволил не один раз, возбудился и... бросился на мою руку!

— Он только вас хочет, — хохочет хозяин той-терьерихи.

А мне не до смеха. Нас однажды чуть из приличной квартиры не выгнали, когда Бадик под столом занимался любовью с моей ногой.

— В моём доме, под этим столом только я могу позволить себе заниматься любовью, — возмущался хозяин квартиры, который просто завидовал Баде черной завистью. — Больше пожалуйста с ним не приходи.

— Больше не приду.

Я сдержала своё слово.

Октябрь

Сегодня я совершила самое страшное преступление в моей жизни: я ударила незащищенное существо. Хуже того — я выбросила его из будки прямо на пол, так что он ударился спиной о твердый паркет. Боюсь, что у него повредился позвоночник: к нему невозможно прикоснуться, он всё время воет от боли. А ведь он не сделал ничего страшного: в очередной раз оставил свою аккуратную кашку у меня в спальне, давая понять, как он не любит оставаться один в доме. Но поскольку это повторяется не первый раз, я не выдержала. Но это, конечно, не оправдание. Как только он заплакал, я упала перед ним на колени и, заливаясь слезами, стала просить прощения. И он, конечно, простил. Не каждый человек обладает таким великодушием.

Январь, 2004

Вот я и дома. Встречать Новый год в Москве, конечно, интересно, но думать каждую минуту, как он там, без меня, не скучает ли, не болеет, сыт ли рядом с отцом, который всё время всё забывает, — более чем мучительно. Да ещё и постоянные сны о том, что он исчезает. Теперь мы снова вместе. Первые дни, конечно, Бадя дулся на меня, воротил мордочку, не разговаривал, но теперь отношения, кажется, восстановились.

Апрель

Ну и стресс! Сегодня мы с Бадей гуляли в парке, рядом с конюшней. Я отвлеклась на минутку — и вдруг — сумасшедший лай: это Бадик погнался за лошадкой, которая скакала галопом. Мало того, что он её преследовал метров двести, так он её ещё и за копыта норовил укусить! Тут никакие прививки от бешенства не помогут. А от поводка я давно отказалась — это всё равно, что привязывать к себе любимого мужчину. К тому же, свобода — самый дорогой подарок, который ты можешь сделать своему близкому.

Дальше следовало несколько белых страниц. По-видимому, она оставила их за неимением времени и хотела их чем-то заполнить, но отодвигала свое намерение, пока не забыла сами события.

Август, 2004

Мы с Бадей впервые на море. Он, конечно, боится воды, но когда я отплываю далеко, мужественно гребет навстречу. Мы счастливы!

Сентябрь, 2005

Я, наконец, приступила к работе. Вот потеха! Сегодня ко мне пришел владелец крупного журнала. Блестящий, безукоризненный, пальцы — изысканным веером. А Бадя взял огрызок куриного хрящика, вскарабкался на его свежеевыглаженный костюм и стал жевать!

Я — с нескрываемым смехом: — Он вам не мешает?

Он — сквозь зубы: — Я вообще-то кошек люблю.

13 июля, 2006 года

После четырех лет безусловной любви, которую я испытала с ним, он оставил меня.

Я хотел было оставить эту часть на утро, чтобы ночью не мучиться кошмарами, но с этой страницы уже не мог остановиться:

Стараюсь не вспоминать, не помнить, не баюкать на руках крохотное тельце, шершавый язычок, большие карие доверчивые глаза. Баденька, я заберу тебя, честное слово, мой маленький любёночек. Ты будешь жить со мной в любой стране, куда бы я ни поехала. Потерпи ещё немножко — и мы будем вместе, — обещала я, передавая его из своих рук в руки отца...

Хватит. Заставь память, то её место, где возникает образ, не распознавать его, не видеть в нем маленькое черное пятно, кляксу с большими ушами, зайчика, скачущего тебе навстречу со звоночком-лаем, встречающего тебя на пороге и подпрыгивающего на высоту, превышающую свою собственную. Раз, два, три, ещё и ещё, уже до пояса...

Но что делать с пустыми вечерами? И что делать с пустыми руками, которым остается ласкать воздух? О, если бы те, в чьи руки ты попал, любили тебя так, как любила я, мои руки остались бы горевать своим собственным горем. Мои сле-

зы были бы обо мне, оставленной, а не о тебе, проводящем эти дни в неизвестности. Где ты сейчас спишь, что ешь — ты, привыкший к лучшей пище и к уютным домикам, которые тебе меняли каждые полгода, потому что ты то устраивал из них удобный диванчик, то грыз в минуты раздражения, то прятался от слишком яркого света в коридоре? Ты, знавший только единственное ограничение: не спать в одной комнате вместе со своей любимой... Наверное, я слишком избаловала тебя, а всё, что слишком, не может тянуться долго. На пике своём оно превращается в свою противоположность. Теперь той маятник качнулся в другую сторону — из избалованной собачки ты превратился в дворняжку, которая вынуждена сама заботиться о своём выживании... Если ты ещё жив...

Ну почему? Почему я не могу прочитать этот сценарий до конца? Почему не могу объяснить эту потерю как знак чего-то большего? Почему не могу прямо сейчас выучить этот тяжёлый урок, который мне послан жизнью за какие-то одному Богу известные искажения, а, выучив — исправить, найти тебя, прижать к своему сердцу и больше не отпускать никогда-никогда? Хаос ворвался в мою жизнь, возможно, чтобы наконец донести до моей самоуверенности: в этой реальности не всё зависит от тебя. И ты сидишь беспомощная, льющая слезы вместе с проливным дождем за окном, отделяющим тебя плотной завесой от внешнего мира, оставшегося вне зоны досягаемости, о которой сообщает голос из мобильного того единственного человека, который смог бы восполнить твою потерю, если бы... Банально плачет природа, предсказуемо.

Вакуум, который в эти дни образовался вокруг, вакуум, который носишь на себе, как панцирь — ты, со школьной скамьи презирающая человека в футляре, вакуум, изолировавший от внешнего мира... Хотя ты сидишь в доме, битком набитом людьми, приехавшими отдохнуть в это глухое село, и разговариваешь на улице с первым встречным, задавая один и тот же вопрос: Вы не видели маленькую собачку?

За это время ты научилась общаться с детьми, пьяницами и собаками, каждую из которых ты заклинаешь: Если встретишь похожего на себя, только маленького, черненького, не обижай его, пожалуйста.

За это время откликнулся только один человек — учитель медитации: Ты выбрала страдание. Всё, к чему ты прикасаешься — твой Учитель, — посылает он бесполезную эсэмэ-

ску. «Тыфу на тебя», — не выдерживаешь, получив вместо поддержки очередной коан. Он не обижается на твой ответ, он — просветленный: «Найдется, когда поймешь, что ничего не теряла», — отвечает, меняя на мудрость то, что было всего лишь назиданием.

14 июля

Сегодня мне приснилась мама и Бадик. Мама — где-то справа от меня, невидимо, Бадик — совсем рядом, свернувшись в жалкий клубочек, который я глажу, приговаривая:

— Я не могу с тобой расстаться, не могу!

— Надо, — слышу я голос мамы. — Ты должна с ним проститься, как простилась когда-то со мной.

— Но я с тобой не простилась, — искренне возражаю я. — Ты каждую ночь рядом со мной. Со дня своей смерти...

И только когда я просыпаюсь, я понимаю, что два близких существа рядом — лишь сон. Потеря встречает меня ранним утром. Потеря протягивает ко мне похолодевшие руки. Каждый раз, повторяя один и тот же сценарий, она отбирает тех, кто становится в моей жизни помехами. А помехами становятся самые близкие: мама, полагавшая, что своей болезнью мешают моему замужеству, и умирающая с просьбой: Выходи побыстрее замуж; муж, не желающий отрывать меня от моих корней — родного города и всего, что с ним связано, и вернувшийся к себе на родину; Бадик, которого не на кого было оставить в случае отъезда.

Я провела день без еды. Если ты сейчас голоден, мой Любёночек, может хотя бы это приведет тебя ко мне? По принципу притяжения...

Вот сумасшедшая! — я оторвался от чтения. — Нужно будет завтра же накормить её хотя бы мороженым в кафе.

15 июля

Я иду вдоль поля — и смотрю по сторонам. Я уже не кричу, как в первые дни Бад-ди! — Только тихо спрашиваю: Где ты? Гуляешь ли на воле, окончательно почувствовав вкус свободы, или прячешься днем, не принятый в стаю бездомных, и собира-

ешься по ночам, вдали от собак и людей? Нашел ли приют в любящих руках, или путешествуешь с кочевым племенем, не знающим ни любви, ни привязанности? Путешествуешь в ожидании моих рук? Вина моя, вина... Неспособность удержать самое дорогое, мое бесприютное я, жаждущее дома. Бадди, ты видишься мне маленьким цыганёнком, сбежавшим от той, кто не дорожил тобой. Почему ты не смог простить мне этого кратковременного предательства? Я же пообещала тебе перед прощанием, заглядывая в твои грустные глаза: Мы будем вместе, честное слово. Где угодно — в Киеве, Париже! Почему, впервые за четыре года я расплакалась, передавая тебя в руки родному отцу? Помню, я ещё упрекнула себя: ты слишком замкнулась на этом существе. Займись лучше своей личной жизнью. Вот и занялась. Но почему — такой ценой?

16 июля.

Так, хватит. Пора взять себя в руки. Мои действия:

- 1. Объявления на оставшихся столбах.*
- 2. Поход к участковому с просьбой подключить к поиску кого-нибудь из деклассированных, стоящих у него на учете.*
- 3. Визит к ветеринару с целью предупредить о том, кто, возможно, захочет сделать вакцинацию украденной собаке.*
- 4. Объявления на радио. Нужно составить максимально внятный, короткий и жалобный текст.*
- 5. Объявления в газеты.*
- 6. Вечерние поиски на велосипеде по всему селу.*
- 7. Объявления в автобусах, которые едут в город.*

А это уже — с моей легкой руки! — Значит, не зря мы встретились! Значит, здравый смысл всё-таки победил!

17 июля

Собака, которой я заглянула сегодня в глаза, долго не могла оторвать от меня свой взгляд. Как будто надеялась притянуть им к себе, приковать меня жалостью настолько, чтобы я не смогла отойти от неё и взяла вместо Баденыша. Когда я снова закричала Бадик! я увидела зависть во всё её существо. Собака завидовала ему, пусть пропавшему. Она, возможно, даже подумала в этот момент: Если бы хоть раз в жизни меня

кто-то искал вот так самозабвенно! Я бы осталась рядом с моим хозяином до последнего вздоха... Остальные собаки бросались навстречу мне с истошным враждебным лаем: Уходи отсюда! Ты и твои чувства для нас — чужие! Мы не знаем, что значит — быть любимыми и не хотим слышать о том, что нам не дано!

18 июля

Начали появляться первые отклики на мои объявления. Сегодня тебя видели рано утром возле моста, а после — возле старого сельсовета. Тебя пытался поймать профессиональный охотник, но ты не давался в руки — юркий, хотя и обессиленный скитаниями, с сумасшедшинкой в глазах. Через несколько часов, когда мне позвонили, я пошла на поиски. Искала я тебя — и не нашла. Где ты, которого ищет душа моя?

Неужели есть надежда? Священник сегодня сказал: Верьте — и найдется. Как только утратите надежду — утратите его навсегда. А мне кажется — наоборот. С отказом от самого дорогого иногда появляется возможность обрести. Ты отказываешься, ты приносишь жертву — и тебе возвращается. Как Аврааму, который готов был отдать Богу своего сына. Хотя, там главную роль сыграла вера, снявшая вопрос до-верия.

Но прошла уже почти неделя. Как ты её прожил? Как тебе удалось не попасть под машину или в зубы бешеной собаки? И вообще, ты ли это, или меня в который раз наводят на ложный след? Если бы узнать что-то определенное, даже самое страшное. Узнать — и поставить точку.

19 июля

Сегодня я была у гадалки. Он в дороге, и ему хорошо, — сказала она. И так, ты сделал это добровольно? Потому что чувствовал, как с каждым годом твое место в моей жизни уменьшается? А ты уже привык к тому, чтобы быть первым. Так же, как и тот, кто пришел в мой дом за день до твоего исчезновения, пришел попрощаться, но ожидал моей просьбы: Отстанься! Кто не услышал её по одной единственной причине: тогда я уже знала, что ни одна душа в этом мире не может мне принадлежать. Даже душа собаки.

20 июля

И вдруг, после того, как я ощутила себя предательски легкой — как после смерти матери — и почувствовала, что с меня снята последняя ответственность за чью-то судьбу и жизнь — мне снова приснилась мама. Я опаздывала на бердянский поезд, и она поспешно собирала мои вещи. После своей смерти, по ночам она вообще часто провожала меня на опаздывающий поезд, желая отправить меня в тот последний путь, в конце которого исчезают земные страдания. Но я всегда опаздывала на её поезд: наверное, я ещё хотела жить. И ещё потому, что это вошло в привычку — всю жизнь опаздывать на спасительный поезд — из Минска в Киев перед её смертью, из Киева — в Бердянск перед твоим исчезновением.

Но, всё-таки, почему меня с такой настойчивостью освобождают от привязанностей в этой жизни? Готовят для чего-то большего, чему я не знаю названия и чему отчаянно сопротивляюсь, желая быть чем-то меньшим? Почему я снова должна проходить один и тот же урок — непривязанности к самому дорогому? Почему самое дорогое у меня отнимается? Как будто внушает: если не хочешь новых потерь, сделай так, чтобы эта была последней.

Итак, отныне я больше никому не позволю подойти ко мне близко.

Ну, это уже — ни в какие ворота! И надо же — из-за чего? Из-за собаки! Хотя, может, с моей стороны это — элементарная черствость? Может, за годы, прожитые в этой дыре среди уличных алкашей и домашних книг, уравновешивающих их невыразительные исповеди красноречивым молчанием, я оброс скорлупой, научился чувствовать и выражаться, и не впускаю в себя ничего по-настоящему живого? Даже способности сострадать?

На следующий день я решил нанести ей визит сострадания, а также вернуть тетрадку и сделать кое-какие замечания относительно слишком камерного стиля, который, больше подходил для дневника, чем для романа.

Подходя к дому, я увидел милицейский бобик и выходящего оттуда участкового. Ничего себе! — уже и органы на ноги подняла. Скоро её собаку начнет искать Гринпис.

— Вы уверены, что это был он? — услышал я первую реплику.

Оба они — Александра и участковый — стояли у калитки соседнего дома и с надеждой смотрели на соседку:

— Да конечно! Что я — не знаю Бадика? Маленький, черненький, прыгал на заднем сидении. — Соседка убеждала темпераментно и громко.

Инспектор был настроен решительно. Уточнив подробности, он, не задумываясь, отправился на поиски. Помочь он хотел как можно быстрее, чтобы вернуться к более серьезным делам. Хорошо, что он догадался не озвучивать эту мысль.

— Я ему только позвонила — а он тут как тут, — с гордостью сказала Александра.

Не успели мы поговорить о литературных достоинствах её дневника, как участковый вернулся. Зашел стремительно, посмотрел ей прямо в глаза и произнес:

— Не расстраивайся... — потом сделал небольшую паузу и добавил: Это не твоя собака.

— Может, всё-таки цыгане-молдаване, торговавшие коврами?

— Поверь мне, они не размениваются на такие мелочи.

И всё-таки, не зря я милицию недолюбливаю, — подумал я в тот момент, а она даже отвернулась от него, чтобы скрыть свою обиду:

— И всё-таки... Если какие-то известия... Я сдала билет на поезд. Остаюсь на неопределенное время... Я вам буду очень признательна.

— Отдыхай лучше. Смотри, солнце-то какое! Погода как раз наладилась.

Нет, всё-таки он неплохой, — подумал я снова. А она кивнула, не желая объяснять, что не может отдыхать, пока не найдет своего звереныша.

— К тому же, у нас тут такие жители... — он развел руками. — С голодухи и съесть могли.

М-да-а, милиционер — он и в Африке милиционер, — моя антипатия снова перевесила симпатии.

— Да что там есть! У него же одни кости и кожа! Два килограмма! —

Непонятно, чему она возмутилась больше: этой бестактной репликой или способностью её питомца так безвестно окончить свой путь.

Не скажу, что был особенно счастлив, когда меня вызвали на следующий день к участковому. Но когда я вошел в кабинет и увидел его озабоченное лицо, я понял, что для него дело чести — разыскать её собаку. Я в четвертый раз за последние сутки поменял свое отношение к милицейским органам и понял, что в жизни всегда находится место для хороших людей.

И всё же, кабинет я оставил с облегчением. Я всегда оставлял кабинеты с облегчением. Особенно после этой дурацкой контузии, когда любое замкнутое безвоздушное пространство начинало давить на меня через несколько минут. Ну и поделом. Нечего на войне зарабатывать деньги. Дураком был, не понимал. Почему понимание всегда приходит так поздно, когда его уже невозможно натянуть на бездарно прожитые дни?

Мне снова захотелось вернуться к чтению дневника, который я забыл вернуть из-за неожиданного появления человека в погонах. Я наскоро поужинал и уселся в любимом кресле своей жены, под торшером, открыв дневник на том месте, который проигнорировал в прошлый раз.

ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРЫ

Октябрь, 2003 года

Честное слово, только сейчас прочла всё, что написал мой Баденыш. Я, конечно, неоднократно уличала его в том, что он вертится возле моих черновиков и грызет ручки, оттачивая зубы, но что при этом он оттачивает ещё и стиль, мне не приходило в голову. И вот я открываю первую страницу с конца, если перевернуть мой дневник, и вижу корявые заметки, написанные знакомыми лапками и явно подражающие моему почерку. Спокойно, говорю я, спокойно. Ты не сошла с ума, это не раздвоение личности: ты бы никогда не смогла написать такое. Никто не переступал порог твоей квартиры последние месяцы, в которые ты завела эту тетрадь. Тебе было так хорошо с Бадей, что ты в конце концов перестала приглашать друзей., а муж, который правда и не отличался особым пристрастием к литературе, не появлялся в этом доме так давно, что ты забыла о его существовании. После истории с презервативом он скоропостижно собрал чемоданы и уехал на неопределенное время. Бадя нашел его (в смысле — презерватив) под кроватью и принес в гостиную, когда тот (в смысле — муж) смотрел телевизор. Положил перед ним, как бы в назидание: вот, смотрите, какой вы ерундой тут занимаетесь.

— Сама ненормальная и собаку такую же завела, — сказал тот, соскочив с дивана, как ошпаренный.

В общем, никто, кроме нас двоих, не мог этого написать. Клянусь здоровьем Бади, что это не я. Даже если предположить, что я — лунатик и пишу по ночам, это явно не мой стиль и не мой почерк. Итак, это написал Бадя, мой маленький вундеркинд, которому на то время исполнилось полтора года! Правда, если учесть, что один год собаки измеряется нашими семью годами, значит, по-нашему ему около десяти — одиннадцати лет. В таком возрасте все нормальные люди только задумываются о мемуарах. В случае Бади, это — явная акселерация...

Я не верил своим глазам! Как — она сошла ещё до этой истории — и все эти годы продолжала морочить головы? А как же... Я пролистал дневник немного назад — и обнаружил ещё несколько непрочитанных страниц. На них корявым почерком значилось:

ДНЕВНИК БАДИ

Я остановился, раздумывая, стоит ли продолжать? Но внутренний голос, который никогда мне не лгал, ответил: стоит. Если уж ты потратил на это дурацкое чтиво пару ночей, потрать последнюю — и навсегда распрощаешься с этой историей.

Вот только как потом объяснить девочке то, о чем она, по моему, догадывается, какой бы сумасшедшей ни прикидывалась? Я же помню наши встречи — к концу каждой я уходил с полной уверенностью в её адекватности... А как на счет моей?.. И я погрузился в корявый почерк:

Июнь, 2003 года

Я знаю, вы мне не поверите. Роман, написанный собакой, не часто попадает на страницах журналов. Но, для тех, кто разбирается в искусстве, это довольно лакомая косточка. Кстати, не подумайте, что таким образом я выпрашиваю у вас кости, как это делают другие собаки, причем, более примитивным способом. Мой нежный желудок их не переносит. Как-то по неопытности я съел когда-то одну косточку от куриной ножки...

Ой, что тут было, когда я попытался переварить её, а потом избавиться известным всем образом — лучше не вспоминать. Кровь, вой и подсолнечное масло с ромашкой! С тех пор я не ем ничего, что не лежит у меня в мисках (кость я, конечно, украл с тарелки на столе, нарушив одновременно две заповеди: не укради и не ставь лапы на стол). Значит, мы договорились: вместо косточки мне заплатите гонорар той, которая попадет на эти страницы в качестве главной героини.

Но не вздумайте заподозрить меня в плагиате. Хотя я и дебютант в этом деле, вещь я пишу совершенно самостоятельную, а стало быть — оригинальную. Прожитую до единой строчки. Автобиографическую, наконец... Собачье сердце, Каштанка, Белый Бим Черное ухо, Исследования одной собаки и прочая литература мне, конечно, известна... Кстати, считаю своим долгом пролаять, что образ, воссозданный Булгаковым потряс до глубины души мое собачье сердце. Не знаю, за что он так не любил собак, описав худшего из наших представителей, каких редко встретишь не то, что в приличных домах, но даже — на улицах. Например, в нашем дворе, где я периодически перенюхиваюсь с дворовыми собаками, я ещё не встречал такого урода. Бесцеремонная, неблагодарная псина — это всё, что я могу о нем пролаять. Жаль, что мой речевой аппарат не способен воссоздавать человеческие звуки, чтобы полноценно выразить своё возмущение. Правда, мне это и не к чему: у меня с людьми телепатические отношения. Особенно с моей ненаглядной. С ней у меня понимание с первого взгляда. И, конечно — любовь. Когда она взяла меня на руки и произнесла своим певучим голосом Бадик, я навсегда полюбил и её, и свое имя:

— Дружок — Бади — Баддик, — подбирала она. — А это имя подойдет для родословной? — спросила она у той, которая выставила меня на продажу.

Тогда я и узнал, что я — не простая дворняжка, поскольку у меня есть родословная. Моего отца звали Бонифаций. Сокращенно — Боня. Поэтому, когда она впервые окликнула меня Бадди, я поспешил на звук созвучного мне имени, напоминающего отцовское и ласково укусил её в щеку. Папа любил играть со мной подобным образом, а она почему-то обиделась и даже сказала ФУ. Поначалу она вообще очень часто повторяла это междометие. И я было решил, что это — элементар-

ная тавтология (тявкология — извините за каламбур), связанная с её бедным словарным запасом, напоминающим словарь Эллочки Людоедки из Двенадцати стульев. Но моя ненаглядная оказалась женщиной образованной, считавшая неучем меня, поскольку опиралась на расхожее представление о собачьей безграмотности. Это было тем более обидно, что возразить на её языке я не мог, а мой она ещё не научилась понимать. Так что в этом смысле безграмотной была всё же она. Этим отвратительным звукосочетанием она пользовалась в основном тогда, когда была недовольна каким-либо моим поступком. Я почему-то сразу невзлюбил это слово, даже само его звучание: оно искажало не только её прекрасное лицо, от которого я в такие моменты отворачивался, чтобы не портить себе впечатление, но и её ласковый голос. А она упорно к нему прибегала, не догадываясь, насколько я отрицательно отношусь к громким шипящим звукам.

Но и после этого отвратительного крика она не успокаивалась: хватала меня и тыкала носом прямо в мокрую лужицу или кашку, оставленную мной естественно подальше от будки, чтобы не отравлять себе жизнь неприятным запахом. Тогда мне становилось так больно... Но не столько физически, сколько душевно — от насилия, которое она применяла по отношению ко мне. Со временем — а времени прошло не так уж много (я — песик сообразительный и схватывающий знания буквально на лету, как изюминки, ням-ням) — я освоил санитарные правила в этом доме. То, что поощрялось на улице, разрешалось здесь только в одном месте — на горшке. Мне, безусловно, было тяжело настолько ограничить себя — и периодически я оставлял маленькое напоминание о себе недалеко от обязательного места, а порой — и в дальних комнатах, особенно когда она не закрывала их, уходя на весь день. Проще сказать — я мстил, когда мне уделялось недостаточно внимания. Мстил, зная, что за этим обязательно последует наказание тем более справедливое, что сама ненаглядная тоже пользовалась горшком. Причем настолько неудобным и большим, да ещё и белым, что я поражался её наивности: ведь рано или поздно его нужно будет чистить!

В общем, проблем хватало. Особенно — на улицах, когда ей поначалу приходилось контролировать каждое мое движение. Особенно истерически она кричала:

Машина! Меня это всегда поражало, потому что я привык ездить в ней с самого детства, куда она брала меня всякий раз, и совсем не боялся этого гудящего млекопитающего. Более того, я обожал залезать ей на плечо, когда она держала в руках руль, и разглядывать проезжающих, с завистью посматривающих в нашу сторону. Следует сказать, что эти завистливые взгляды — единственное, что по-настоящему раздражало меня, особенно — в пеших прогулках. Они всегда окружали её множеством бесполезных слов и делали вид, что это я привлек их внимание. Они протягивали ко мне свои жадные лапы, а сами плотоядно посматривали на неё... И тогда я кусал их. Кусал ещё и ещё, с наслаждением, напоминающим садомазохистское, поскольку после этого мне — ох, как! доставалось.

А однажды, я её всё-таки спас. К моей ненаглядной пришла самая наглая рожа, которую я когда-либо видел в её доме — рыжая, курносая, мускулистая, с темными кругами под глазами, от которой разило алкоголем. Зачем она вообще впустила его на порог? Может, хоть фотографии хорошие сделает... — с этими словами она закрывала за ним дверь. Но закрыла она их не раньше, чем я укусил эту противную морду. Морда рассердилась:

— В Афгане воевал! Контузия была, ножевая рана была, пулевое ранение — твою мать! Но чтобы такая шмакодявка кусала за нос до крови!

Но хватит — о грубом. Она часто называла меня Любёночек. Меня меньше всего интересовала этимология этого слова — то, что я чувствовал в эти моменты, когда она прикасалась ко мне так, как ни одно существо на свете — это недоступно никакому описанию (с ударением на а — не и) Особенно я любил, когда она ласкала мой живот и грудь. Чтобы намекнуть ей на мои любимые места, я ложился на спину и раздвигал лапы, совсем, как люди, а после выжидающе смотрел на неё. Нужно отметить, что не последнюю роль в наших отношениях играли мои выразительные глаза, в которые она так часто заглядывала. Однажды в моем присутствии она спросила своего психотерапевта:

— Как ты думаешь, если я долго буду смотреть на него, будут ли у меня такие же красивые глаза?

— Смотри, чтобы уши не стали такими же, — как всегда виртуозно отпарировал он.

Не знаю, почему она засмеялась: уши были предметом моей гордости. Оба они стояли так, что позаவிдал бы любой кобель. Они у меня — самая выдающаяся часть тела: выдаются вверх сантиметров на десять, при том, что мой рост в холке не больше двадцати пяти, или около того. Стоячие уши у той-терьеров — неперемнное условие квалификации. Возможно, поэтому она часто называла меня Ушастиком, а прохожие — то зайчиком, то однажды — белочкой, какие-то проходящие пьянчуги.

— Ой, кажется, белочка начинается, — пробормотал тот, мимо которого я пробежал, — и тут же свалился на асфальт.

Кстати, Бодуном она меня тоже называла, хотя сама была равнодушна к алкоголю. У меня вообще было много имен: и Кролик, и Крыса, и Лань, и Летучая Мышка. Чего только во мне не находили! Когда, ещё в раннем возрасте у меня целую неделю свисало ухо, я бежал, как в воду опущенный, а она впихивала мне в рот какой-то белый порошок под названием кальций и капала в ухо воду, вызывающую особое раздражение. В первых, потому что вода предназначена совершенно для других целей — для питья, а во-вторых она попадала в меня незаконным путем — во время сна, разрушая, тем самым, самое главное в наших взаимоотношениях: элемент доверия. Ещё меня бесило, когда она начинала лезть в мои уши какой-то палочкой. Что она в них искала? Я и сам иногда пытался достать до них задней лапой, когда они слишком чесались, но меня никогда не посещала абсурдная мысль бродить в их лабиринтах, выискивая то песчинку, то соринку.

Она и сейчас не оставила эту дурацкую привычку. А на днях довела эту попытку до последней степени совершенства: она стала капать воду мне в глаза! Я вырывался, как мог, боролся до последнего. Но когда она делала страшное лицо и кричала: *Фу! Нельзя!*, чувство прекрасного во мне и хрупкие барабанные перепонки не выдерживали — я сдавался. Как я уже говорил, терпеть не могу, когда на меня повышают голос и тем более, командуют: *иди туда, иди сюда, принеси то, не зная что*. Последнее я не выполнял сознательно. Не хватало ещё, чтобы я при своем двухкилограммовом весе таскал тяжести! Я вообще не понимаю этой дурацкой собачей привычки: приносить что-то в зубах своим хо-

зьявам. По-моему, это просто бессмысленно. Если люди в чем-то нуждаются, то могут встать и взять это сами. Но однажды я всё-таки принес из её спальни маленький прозрачный кулечек с какой-то жидкостью внутри. Принес прямо к ногам хозяина квартиры: нечего бросать предметы интимной гигиены на пол!

Но я опять — о грустном. Случались в нашей жизни такие прекрасные минуты, о которых можно помнить всю жизнь! В такие минуты она прикасалась ко мне, а я прикрывал глаза — и балде-ел! Вернее — блаженствовал. И все эти прикосновения она ещё сопровождала множеством уменьшительно-ласкательных словечек, которые запомнить было совершенно невозможно — Баденька, баденьш, бодусик, бодунчик... Ах, какие у неё были мягкие руки и голос. Когда же она ласкала меня в присутствии какого-нибудь самца, я всегда слышал одно и то же:

— Как я хочу быть твоим Бадиком!

Моё сердце стучало от гордости. И если этот кто-то тут же пытался залезть к ней на руки, я рычал и кусался, так что тот оставлял всякую попытку сравняться со мной. Я всегда побеждал. Я даже победил того, кто жил с ней до меня. Такого большого самца, который невзлюбил меня с первого дня знакомства. За что я, естественно, тут же написал на него (с ударением на и).

— Ну почему, почему ты назвала его не Буддик, не Бодхисатва, а Бадик? Какая банальность! — возмущался он. — Ты, наверное, не породистый? — продолжал он издеваться, нагло смотря мне в глаза. Я отворачивался: не хватало ещё, чтобы я махал перед ним своим паспортом. В другой раз он спросил у неё:

— За что ты его любишь? Он же бесполезный: денег не зарабатывает, сексом с тобой не занимается!

— Любят не за что-то, а вопреки, — услышал я мудрый голос моей ненаглядной.

Потом она объяснила мне, что такая любовь называется абсолютной. Наверное, от корня соль, которую она добавляла мне в пищу крайне редко, по-видимому полагая, что итак даёт мне достаточно аб-сол-ют-ной любви. Когда я стал размышлять об этом, мне почему-то взгрустнулось. Если она испытывает ко мне абсолютную любовь, то почему я не ощущаю её на себе непрерывно? Например, сегодня: сколько я ни бежал за моей ненаглядной, она не обращала на меня ни малейшего вни-

мания. Тогда я запрыгнул на диван и уставился в окно, иногда посматривая сверху вниз на её дурацкие телодвижения на ковре. Это называется — асаны, — зачем-то проинформировала она меня. Но это осиное слово совершенно не оправдывало её равнодушия. Я смотрел, как по стеклу стекают капли — и на душе у меня было мокро от одиноких слез...

Так, где-то я это уже читал — о природе, которая плачет. Ну, она-то выкрутилась, написала: *Банально плачет природа*, предсказуемо обвинив в банальности природу. А этот, конечно, ещё не дорос до такого уровня манипуляции.

Потом я понял причину своей тревоги: Лю (я люблю называть её так) ждала Его. Она готовилась к Нему. Причем, весь день. А потом я увидел, как она его целует. Меня она никогда так не целовала. Я попытался вмешаться, предотвратить это безобразие, но их невозможно было разнять. И всё-таки, мне удалось оторвать их на время друг от друга: я прыгнул к ней на руки и стал целовать долго и страстно, как не целовал никогда, думая про себя: никому тебя не отдам, но, конечно, не осмеливаясь произносить этого вслух, чтобы не вспугнуть её раньше времени...

Дневник обрывался. По-видимому, её собака не отличалась особой настойчивостью — так, побаловалась пером и успокоилась на достигнутом. А, может быть, приступы эпилепсии, которые начались после прихода её возлюбленного, навсегда лишили его способности к сочинительству... Хотя, что это я несу? Я, как будто поверил в этот бред... Я посмотрел на часы. Опять я полночи просидел. Так и теряется точка сборки.

Наконец, она решила уехать.

— Наверное, я не вернусь сюда больше.

— Тяжелые воспоминания?

Она коротко кивнула.

— А может, всё-таки...

— Я уже простилась с ним. — Она произнесла эти слова так, как произнесла бы любые другие. На её лице не было ни тени страдания. Как будто всё пережитое за это время происходило не с ней.

— Тебя проводить?

— Спасибо, я почти не брала с собой вещей.

Я очень редко обижаюсь на людей, но сейчас почему-то обиделся. Наверное, слишком вовлекся в её ситуацию, перестав отличать от своей. Что называется — слился с чужой проблемой. А она вдруг повернулась ко мне спиной. Как будто моё присутствие рядом с ней зависело только от груза, который я мог поднять за неё. Я попытался приглядеться к ней повнимательней, но не прочел на её лице ни одной мысли. Не могу сказать, что передо мной оказалась маска, но лицо и вправду было не одушевлено. Как будто за эти дни её покинула душа — и не вернулась: осталась слоняться по улицам с криками *Бадик!* Передо мной стояло говорящее тело. Иными словами, я бы мог сказать, что она просто отсутствовала. Мне захотелось протиться, как можно быстрее.

С момента нашего прощания прошло пару недель. Я стал понемногу забывать эту историю. Но неожиданно получил письмо.

Здравствуйте, Геннадий. Мне бы хотелось поделиться с вами событиями последних недель. Возможно, Вам они неинтересны, но мне абсолютно не с кем разговаривать. Я сижу одна в пустой квартире и никак не могу себя заставить забыть его. Я уже спрятала его домик и игрушки, но ещё не могу отказаться от альбомов фотографий, на которых мы вместе. Всё листаю и листаю. И всё напоминает о нем. И даже известия от Одержимой — помните, я рассказывала вам о женщине, ребенка которой Бадик покусал в поезде, когда ехал с папой на море? Мне до сих пор кажется, что он пропал именно из-за её проклятия. Ведь он пропал буквально на следующий день. А она мне каждый день звонила и требовала показать его, чтобы понять, делать ли её ребенку прививки от бешенства. В итоге я не выдержала и сказала ей: Я вам уже десять раз сказала: не делайте! И больше не напоминайте мне о Бадике.

Наверное, её вывело из себя моя неспособность каждый раз выслушивать до конца её истерический бред и брошенная трубка. Представьте, она не удовлетворилась моим походом на санэпидемстанцию в Бердянске и заявлением о полной вакцинации Бади с присовокуплением паспорта с прививками. Приехав в Киев, она пошла к участковому и накатала на меня настоящий донос. Я пришла по его вызову и, взбешенная её тре-

бованием взыскать с меня административный штраф, написала в ответ объяснительную записку, оторвавшись по полной программе. В итоге участковый долго меня утешал и показывал случаи ещё более тяжёлые: например заявление человека, у которого была мания преследования и который с помощью определителя номера и автоответчика записывал все телефонные номера и время звонков.

Чтобы Вас немного развлечь, присовокупляю мое заявление, написанное в ответ на заявление этой ненормальной:

В течение месяца меня преследует незнакомая женщина, которая утверждает, что её ребенка укусила моя собака, которая в это время ехала в поезде Киев-Бердянск в отпуск с моим отцом. Несмотря на мои уверения в том, что собака до встречи с её ребенком была абсолютно здорова и привита от всех болезней, в том числе и от бешенства одержимых матерей, а также, несмотря на ветеринарный паспорт, предъявленный этой маньячке, она настойчиво требует показать ей пропавшую собаку, угрожая проклятиями и административным штрафом. Прошу уважаемые внутренние органы защитить меня от преследований агрессивной внешней среды и отправить безумную женщину на исцеление в психиатрическую клинику.

Вот и весь текст. Надеюсь, он вызвал у Вас хотя бы слабую улыбку. Да и мне немного полегчало с освоением этого нового для меня жанра, поскольку всё оставшееся время мне абсолютно нечем и некем заполнить свою жизнь.

Я закрыл письмо. Мне вдруг показалось, что его писала женщина, принадлежащая к той породе людей, для которых боль была жизненной необходимостью. Она стимулировала, побуждала к переживанию, движению и творчеству. Без этой боли жизнь её оставалась бы неподвижной и унылой, как жизни тех, кто предпочитал иллюзию комфорта иллюзиям перемен. Я знал, что она ждет ответа — письма или звонка, в общем, хоть какой-то поддержки, но мне совершенно нечего было ей сказать. Я был настолько пуст, насколько может быть пуст человек, которого не касается чужая боль. А значит, я не мог ей помочь даже словом.

Она позвонила неожиданно.

— Он нашелся! — Это были первые слова, которые я услышал спросонок. Я посмотрел на часы: не так уж и поздно 23:15. Просто завтра нужно был рано вставать — и я лег пораньше.

— Кто он? Куда вы звоните?

— Бадик! Вы что, забыли?

— А... Нет, конечно... Я вас поздравляю! А где? Как? — спросил я совершенно равнодушным голосом.

— В военном городке... Нам позвонила женщина... Это произошло в тот день, когда я отказалась...

— Отказалась?

— Ну да! Окончательно отказалась от надежды найти его. Так всегда бывает: когда отказываешься от чего-то очень желанного, оно приходит к тебе. В психологии это называется законом парадоксального изменения.

Я не стал уточнять. Мне хотелось одного: спать. Но ей, похоже, было не до сна.

— Я не спала сегодня почти всю ночь! Я описывала эту историю. Вы потом прочтете, — радостно ворковала она.

Я что-то промычал в ответ, как можно более вежливое. Как и все старые люди, я терпеть не мог поздних звонков. И потом, причем здесь я? Я же простился с ней в тот вечер, когда она повернулась ко мне спиной. Простился и сейчас. Чтобы уснуть и тут же увидеть во сне её ненаглядного Бадика, которого я никогда не видел при свете дня. Он стоял в метрах пятидесяти от меня и что-то злобно кричал. Я не оговорился: кричал, а не лаял. Когда я подошел к нему поближе и попытался заговорить довольно сдержанным тоном, дескать, сколько можно злобствовать, ты и так шуму наделал, заставив искать тебя почти месяц, он беспардонно меня перебил:

— Нечего было устраивать этот цирк с ребенком.

— Какой такой цирк? — удивился я.

— Ну, с бешенством. Меня только привили, а тут эта сумасшедшая тетка со своим орущим чадом. Да она затаскала бы меня по санэпидемстанциям и ветеринарам, которых я, к слову сказать, терпеть не могу! Вот я и решил погулять несколько недель, пока эта шумиха не стихнет. Набраться жизненного опыта, мир посмотреть — себя показать. А то вся жизнь так и пройдет — в четырех стенах на руках...

Я замер от такого заявления... На своем веку мне многое приходилось слышать. Меня бы уже не удивила говорящая и даже пишущая собака. Но настолько изощренная психология, такая удивительная способность избегать дискомфортных ситуаций... просто обязывала меня к обмороку. И я незамедлительно в него упал — чтобы тут же проснуться: на дворе стояло утро. Я открыл глаза — и всё увиденное показалось мне сушей правдой. Особенно, когда я вышел во двор, подошел к Маркизу и заглянул ему в глаза, надеясь прочесть в них хоть какой-то ответ. Он, как всегда, ждал, одинаково готовый принять и награду, и наказание. Я погладил его и ласково потрепал за ушами. Мне показалось — он улыбнулся.

КРЫША

Угроза остаться на улице была, конечно, теоретической, и всё же...

Она пролистала все квартирные объявления и обзвонила всех знакомых брокеров, прежде чем впасть в отчаяние. Прожить половину жизни и остаться без семьи, работы и квартиры! — причитала она драматическим голосом, подробно отвечая на банальный вопрос *как дела*, который давно не нуждался в ответе. В голове проносились варианты упущенных возможностей, тихо, по-осеннему опадавшие под ноги засохшей листвой, по которой она без сожаления ступала. Был разгар лета. Любимое время года, когда вынужденное безделье позволяло накопить силы для рывка вперед. Рывка не предвиделось.

Не обнаружив ничего, за что можно было бы зацепиться хотя бы взглядом, чтобы продолжать путь, она, наконец, призналась себе, что попала в тупик. Его венчал покосившийся домик. Вот и метафора жилищной проблемы, — подумала она и повернула назад. — Что ж, возможно эта улочка и выведет куда-нибудь. — По крайней мере, она была уверена в том, что двусторонних тупиков не бывает.

Вернувшись туда, где находился её ещё-дом, она застала собиравшего вещи ещё-мужа.

— Ну что? — спросил он бесцветным голосом, всем своим видом выражая незаинтересованность.

— Глухо. Жить невозможно. Разруха. — Она попыталась ограничиться короткими фразами, но, не выдержав, продолжила: Правда, там была вполне сносная квартирка. Тоже в частном доме. Правда.... На десять тысяч дороже... Но если ты мне уступишь.... — она выжидающе посмотрела в его сторону.

— Послушай, — его голос, неторопливый и уравновешенный, напоминал жест, с которым он обычно резал хлеб к обеду, — я же высказал тебе свою позицию. Половина суммы от продажи нашей квартиры. Я считаю, что это вполне честная сделка. В конце концов, ты же знаешь, я вообще не обязан с то-

бой делиться. Просто я благородный человек... — Встретившись с её взглядом, медленно наполняющимся сыростью, он осекся.

— Ты что, угрожаешь мне?

— Нет. Я, конечно, так не поступлю с тобой...

— Если ты благородный, то доводи своё благородство до конца, — не выдержала она, — зачем мне деньги, на которые я ничего не смогу купить?

— Так уж и ничего? А однокомнатную?

— Ну да, однокомнатную. Спальню, столовую, кабинет и репетиционный зал в одном лице. На окраине города, — слезы предательски поползли из глаз.

— Перестань. — Ему стало не по себе. За стеной стоял друг, который не отличался особым терпением, но сейчас вынужден был ждать окончания тягостного диалога. На часах пробило десять, а за окнами маячил десятичасовой путь с пересечением границы. — Вот черт, скажет, что я зверь какой-то, довожу женщину до слез, оставляю без крыши над головой и т.д. — Он ясно представил, что может сказать ему Цаныч, который ещё с институтской скамьи не славился особой деликатностью. А тут ещё эта утренняя сцена с брокерами, в которой тому пришлось сыграть роль пострадавшего, раньше времени выдворенного из постели и одновременно свидетеля позорного бегства своего друга из собственной квартиры по необъяснимым причинам.

— Спасибо за гостеприимство, — цедил Цаныч сквозь зевоту, — позволено ли мне будет принять душ в этом доме? — спрашивал он друга, озабоченного только тем, как бы поскорее свалить, оставив ещё-жену наедине с покупателями, удивленно смотрящими вслед мужчине, скоростно бежавшему из собственной квартиры со словами *Я гость, я гость*. Сонный Цаныч продирался в ванную сквозь неразборчивые объяснения женщины: понимаете, он забыл техпаспорт на квартиру и договор о купле-продаже... ночью приехал, не выспался, невменяем, не ведает что творит...

Да не забыл он его. Вернее, забыл, но нарочно. Вернее, сначала хотел забыть, но не признавался себе в этом, а потом действительно забыл. Ну и бог с ним. Не понятно одно: почему она торопится? Зачем так быстро согласилась разделить квартиру, хотя её отсюда никто не гнал? Замуж что ли собралась? Но тогда при чем здесь он? Почему её жилищный вопрос должен решать он, а не её будущий? Правда, она утверждает, что ни к кому никуда не уходит. Просто ей надоела эта зависимость и...

— Мне надоело десять лет быть замужней вдовой!
— Переезжай ко мне — и не будешь ею.
— Я тебе сто раз говорила, что не могу жить в этом городе!
— А я не могу жить здесь.
— Я это уже слышала. Я уже тебя об этом не прошу, если ты заметил. Всё, чего я прошу — это оставить меня в покое с крышей над головой, чтобы я попробовала начать новую жизнь.

Черта с два, — промелькнуло у него в голове, — ты начнешь новую жизнь. — Молчать, — сказал он промелькнувшему.

— Ты что, ждешь, пока я состарюсь и стану никому не нужна?

Именно этого я и жду, — хотелось ответить, но вместо этого кто-то произнес его голосом:

— Я тоже старюсь.

— У мужчин это совсем по-другому. Ты ещё сможешь жениться в сорок и в пятьдесят, а я...

Он попытался посмотреть на эту женщину отстраненно, чтобы оценить, насколько объективны её слова. Отстраниться не смог, потому что когда-то слишком близко подошел и долго не мог оторваться. И сейчас ещё не совсем оторвался. Он посмотрел на неё — но увидел только ту, которую встретил пятнадцать лет назад. Нет, конечно, у неё появились за это время парочка морщин, складок на теле и несколько родинок. Он вспомнил её живот, мягкий и податливый, а в минуты напряжения — твердый, как у статуи Свободы. При чем здесь статуя Свободы? Странно, но он никогда не представлял этот живот беременным его ребенком. Он пару раз заводил разговор об этом, но представить картинку, в которой она живет с круглым животом, не хватило воображения.

— Пойми, ты загоняешь меня в тупик. Ты делаешь меня зависимой от твоего решения. Я чувствую себя загнанным зверьком....

— Да, — наконец согласился он, — ты зависима. Но при всей своей зависимости, ты настолько свободна, что мне до твоей свободы расти и расти.

Он взглянул в её глаза — они мгновенно высохли и уже собирались пересохнуть, раскрывшись настолько широко, что

любимый восточный разрез, делающий её немного похожей на китайку, куда-то пропал, уступив место чему-то чужому. Теперь она с удивлением смотрела на него.

— Да, ты свободна, — повторил он. — При всей своей материальной зависимости, беспомощности и болезненности. У тебя совершенно железная воля. На меня ещё можно повлиять — мнениями, алкоголем. Но ты просто несгибаема. Я не знаю, откуда у тебя берутся силы, но сломать тебя совершенно невозможно. Я-то знаю, — улыбнулся он впервые за вечер.

Ты сильная, — говорил он и не уступал ни копейки, — промелькнула в голове подленькая фраза, предназначенная для подруги.

Он не знал, чему она улыбнулась, но мгновенно очутился в центре светящегося взгляда, который он когда-то так любил, заражавший своим отблеском настолько, что он тоже начинал светиться. Сейчас этого не произошло. Он остался тусклым, потому что её глаза тут же потухли.

— Давай не торопиться, — он, наконец, сложил последние вещи и облегченно вздохнул, предвкушая окончание тягостной сцены.

— Ты что, предлагаешь до следующего твоего приезда, который неизвестно когда наступит, висеть под дамокловым мечом твоего переменчивого настроения?

— Почему переменчивого?

— Потому что пятнадцать лет... Ты помнишь, как ты подписывал письма ко мне? ... Апостол Петр. И эта детская матрица сработала только в последние годы. В первый раз, когда ты обещал переехать в Киев, оторвав меня от временного мужчины, а потом через пару лет отрекся от своих слов, во второй раз, когда подарил мне квартиру, а потом оформил её на отца...

— Я же тебе объяснял причины....

— А третье отречение грядет, — торжественно произнесла она, в порыве пафоса, нависая над столом и даже увеличиваясь в размерах... — Если ты отречешься в третий раз, то я останусь на улице! — она закончила фразу навзрыд.

О Господи, только метафизики недоставало. — Он ужаснулся повороту, который мог принять разговор. В чём, в чём, а в невидимых мирах она разбиралась лучше и могла запросто положить его на лопатки. Против чего, он, собственно, и не возражал... М-да...

Разговор грозил затянуться за полночь. На помощь подоспел друг:

— Вы скоро там? Ехать пора.

— Мы уже, — обрадовался он и рванул к двери.

— Нет, не уже, — она перегородила ему дорогу, встав между ними.

Возникла неловкая пауза, в которой все трое почувствовали комичность своего положения и как-то сразу расступились.

— Созвонимся, — сказал он, оставляя на её губах традиционный поцелуй.

— Счастливой дороги, — сказала она, совершенно искренне готовясь расплакаться, как только дверь закроется.

— Документы я передам, не волнуйся, — добавил он на ходу.

— Хорошо, а я пока подыщу что-нибудь подходящее для жизни, — ответила она, не совсем веря в то, что это возможно.

Двери захлопнулись — и она ринулась на кухню за бутылкой коньяка, чудом оставшегося после ночных посиделок двух друзей. Она не терпела крепких напитков, но когда муж потянулся за бутылкой, ухватила за неё, как за соломинку:

— Мне она понадобится больше. После твоего отъезда.

— Не вздумай напиться. Хватит в семье одного алкоголика, — пошутил он, но бутылку оставил.

После стакана яблочного сока с коньяком смысл жизни показался не таким уж трагичным, скорее — бессмысленным. Ну что ж, утро вечера мудренее, — решила она и легла раньше обычного.

Утро началось звонком. Поднимая трубку, она ожидала услышать привычную за последнее время фразу *Появился клиент на вашу квартиру, можно сегодня устроить просмотр?* Такие фразы завершались всегда одинаково: приходили клиенты, говорили *Мы подумаем* и больше не появлялись. Слава Богу, вместо брокера она услышала знакомый голос друга-художника.

— Ужасно, — ответила она на традиционно-бодрый вопрос о личной жизни голосом, полным скорби, несмотря на солнечное настроение, которое внушал летний день. — Он непримирим.

— Послушай... — художник замялся, — я тут подумал... Я мог бы предложить тебе поселиться в моей мастерской... За

шторкой. Я понимаю, она, конечно, не устроена, но если ты не найдешь другого выхода... В общем, можешь на меня рассчитывать, — закончил он уже совершенно по-мужски.

— Спасибо, — сказала она неопределенным голосом. Но, повесив трубку, повеселела.

День прошел, как обычно. Как проходил последний месяц — утренний чай вперемежку с квартирными объявлениями и звонками от брокеров. Она уже почти приняла решение не подходить к телефону, но неожиданно передумала и взяла трубку.

— Алло, — её голос всем своим существом выражал нежелание обсуждать вопросы продажи квартиры.

— Что с вами? — раздался удивленный голос режиссера.

— Ах, здравствуйте, Игорь Маратович... Да, замучили проклятыми звонками.

— А что случилось?

— Да вот, выселяться придется...

— Куда — выселяться?

— На улицу, куда же ещё, — ответила она, уверенная в том, что говорит чистую правду.

— Не может быть! — режиссер всплеснул руками, готовясь выронить трубку. — Боже мой, неужели придется выселять жену?

— Зачем? — на этот раз она чуть было не выронила трубку.

— Как зачем? Чтобы освободить для вас свою квартиру! —

— Спасибо, но разрушать чужие семьи не входит в мои квартирные планы. — Она гордилась произнесенной фразой, смело ожидая ответного выпада. Но режиссер предпочел обратить разговор в шутку и вскоре простился.

День тянулся мучительно долго. Поехать, что ли посмотреть очередную квартиру? — Она ухватилась за эту идею как за спасительную соломинку. Набрала несколько телефонных номеров, которые на днях подчеркнула в АВИЗО, но везде получала неизменный ответ: *Продано*. После дюжины попыток, она догадалась посмотреть на дату выпуска газеты и обнаружила, что прошел уже месяц с тех пор, как её друзья принесли газету в дом. Надо купить новую, — подумала она и не сдвинулась с места.

Долго ли, коротко ли она просидела — не ведомо. Но вот, сменив ритм фольклорного безвременья на мультипликационную картинку, изображающую гения, озаренного открытием, она подскочила к подоконнику, на котором валялись многочисленные визитницы и одинокие визитки, собранные в некое подобие муравьиной кучки. Через минуту она уже набирала вожделенный номер:

— Здравствуй, это я. Нам нужно срочно встретиться.

На другом конце трубки образовался комочек сопротивления. Голос готовился произнести отказ. Предупредив его намерение, она поспешила заверить:

— На пять минут!

Через двадцать минут она была у дизайнера.

— Слушай, я решила открыть сайт, — заявила она с порога.

— Давно пора...

— Но это будет особенный сайт...

— Ещё бы...

— Я хочу дать объявление о поиске жилья...

— А... — последовало разочарованное, — для этого не обязательно заморачиваться с интернетом: ты можешь дать объявление в АВИЗО.

— Нет, не могу. Мне нужно дать подробное объявление... С фотографией.

— Зачем? — пауза, наконец, завершилась долгожданным вопросом.

— Как зачем? Для хороших условий...

— Плати деньги — и будут условия...

— Денег нет, — отрезала она.

— А как же... — его голос потускнел, предчувствуя нехорошее.

— А вот так. Считай, что это — приключение, в которое я тебя приглашаю. Ты можешь от него отказаться, если недостаточно богат, чтобы тратить своё время на чужие игры. Но мне кажется, это для тебя — неплохой шанс разнообразить свою мониторную жизнь. К тому же, это у тебя будет отнимать всего час-другой в день, а удовольствия — море. И популярность бешеная. Вот увидишь! — пообещала она голосом, в котором не было ни капли корысти.

Сплошной энтузиазм, — грустно подумалось ему.

Но идея показалась интересной. Особенно начало:

Одинокая дама с собачкой ищет крышу над головой. Принимаются предложения от людей, имеющих лишние квадратные метры жилья и избыток любви в сердце. Условия:

Бесплатное проживание.

Свобода передвижения.

Отсутствие посторонних.

Корм для собачки.

— Ну, это уже слишком, — не выдержал дизайнер.

— Согласна. — Она недрогнувшей рукой вычеркнула четвертый пункт и написала вместо этого:

Интим не предлагать.

— А зачем ты нужна им — без интима? — опять не выдержал он.

— Как это зачем? — Она взорвалась потоком доказательств:

— Да я даю им потрясающую возможность проявить милосердие! Ты думаешь, такие предложения валяются на дороге? Многим приходится тащиться в Красный крест, церковь, приюты и ещё Бог знает куда, чтобы хоть на какое-то время почувствовать себя благодетелем и спасителем. Чтобы найти оправдание своему жалкому существованию, которое просто теряет смысл, если человек долгое время не отдает хотя бы малость тем, кто слабее его, тем, кто предоставляет ему возможность ощутить свою силу. Знаешь, сколько людей мечтает облагодетельствовать своего ближнего?

— Сколько? — недоверчиво спросил вынужденный собеседник и даже оторвался от монитора, чтобы лучше запомнить фантастическую цифру.

— Да какая разница? — она резко уклонила голову от ответа. — Тебя что, статистика интересует больше, чем живой человек, стоящий напротив? Сколько бы их ни было, желающие найдутся, — уже менее убежденно произнесла она, и снова воодушевилась: Да одних религиозных общин развелось столько...

— Ты что, хочешь поселиться в церкви и побираться на ступеньках, ведущих в храм?

— Ну, зачем ты так? — она даже немного растерялась. — Послушай, а может, действительно стоит оговорить какие-то ограничения? — она задумалась.

— Какие? — удивился он.

— Ну, ишу мол, но не это, не то...

— Ты ещё выбирать собираешься? — Тут он окончательно оторвался от монитора и развернулся к ней всем своим корпусом, который за последние полчаса обрел форму вопросительного знака.

— А как же? Ты что, считаешь, что я смогу жить в некомфортабельных условиях?

— А что значит — комфортабельные условия? — нажимая на последнее слово, поинтересовался он.

— Ну, совмещённый санузел, а ещё лучше — две ванные в доме, широкая кухня с электроплитой, на которой можно развернуться, паркет, чугунные батареи... Дом кирпичный, чтобы зимой тепло было, а в нём — большая комната в дальнем конце квартиры, а лучше — две, окна, выходящие в тихий дворик, удобная транспортная развязка, близкий супермаркет...

— Да... — знак вопроса поник головой так, что верхний крючок в нём зацепился за основание и стал походить на перегоревшую лампочку, — всё это вписывать?

— Конечно, — не замедлил последовать ответ. — Да, ещё допиши, пожалуйста, чтобы хозяева были людьми тихими и интеллигентными...

— Это ещё зачем?

— Чтобы поговорить, — отрезала она и вышла из комнаты. И тут же вернулась, торжественно протянув погасшей лампочке, сидящей над монитором, компакт.

— Держи. Мои фотографии, сделанные лучшими фотографами современности. Нужно поместить их рядом с объявлением.

— Все?

— Нет, конечно, — самые лучшие!

Он обречённо вставил компакт в дисковод, но, пролистав содержимое, остался доволен:

— Так это же другое дело! С этого надо было начинать! — он ещё раз просмотрел все фотографии: — Здорово! Когда это ты успела?

— На протяжении своей артистической жизни. Пока работала в театре.

— А сейчас где работаешь?

— Сейчас у меня пауза. Летняя. Отпуск, который может плавно перейти в бесконечность... — Она осеклась. — Ладно, не будем о грустном.

— Понятно, — кивнул дизайнер. — Я бы выбрал эти.

— Хватит с них одной. Менять будем... Раз в неделю, — поспешила она успокоить знак вопроса и перегоревшую лампочку в одном лице.

Работа была сделана. Им оставалось только ждать. Распивая бутылку вина, предусмотрительно принесённую ею, зашевелившими языками они очень четко договорились о том, что каждый вечер он будет заглядывать на сайт в поисках новых предложений и докладывать ей перед сном.

— Может, через день? — попытался возразить знак вопроса.

— Ты что, — возмутилась она, — а вдруг будет какое-то выгодное предложение, которое мы пропустим? А потом — ищи ветра в поле.

Не найдя сил для возражения, он в который раз обречено согласился и, захлопнув за ней дверь, мысленно покрутил указательным пальцем то ли у своего, то ли у её виртуального виска, возвращаясь к ошавевшему монитору.

Я летела, как на крыльях, — составляла она вторую фразу для подруги, но брезгливость к банальности оказалась сильнее любви к болтливости — и она прервала внутренний монолог, чтобы сосредоточиться на главном. Был двенадцатый час ночи, и на непосредственные вопросы о том, как называется та или иная улица, по которой её понесли бессознательные ноги, прохожие реагировали двусмысленно. И вообще, начиная с улицы Щусева, весь этот район, по которому, как оказалось, она никогда не ходила пешком, виделся выпавшим из времени. Двухэтажные маленькие домики без балконов (и хотелось добавить: *без дверей, полна горница людей*) говорили о другой реальности — не столько провинциальной, сколько принадлежащей к другой культуре, другому времени, другому языку. Проходившие мимо люди были похожи на настоящих, но ничего из того, что слетало с их языка, не напоминало членораздельную русскую или украинскую речь. Так что слова их проходили сквозь понимание, огибая слух, не цепляя ни одного из рецепторов восприятия.

Обойдя несколько улиц, как параллельную реальность — на следующий день всезнающие брокеры расскажут ей, что дома в этом районе строили пленные немцы, пояснив, тем самым странные ощущения, посетившие её в этом районе, — она вернулась в машину, но только затем, чтобы, проехав не больше

пятисот метров, снова выйти. На этот раз она попала на самую «мертвую» улицу шевченковского района — Дорогожицкую. Судя по названию, жизнь на этой улице обходилась очень дорого, так как она попадала в магический треугольник Бабьего Яра, телевышки и лукьяновского кладбища. Наверное, именно поэтому в квартирных объявлениях, в рубрике «Продаю» она так часто сталкивалась с этим названием.

Безрадостное течение внутреннего голоса напомнило о том, что последний не относился к числу оптимистов.

А чего ты, собственно, паришься по поводу крыши над головой, — шуршал он, — если все дороги ведут на кладбище? И ради чего, скажи на милость, тебе нужна эта самая крыша? У тебя нет детей, вчера ты простилась с мужем, позавчера потеряла работу. Жизнь дает тебе понять, что крыша тебе совсем не нужна. Она нужна тем, кто строит семью, борется за выживание в этом мире, кто привязан к земным ценностям настолько, что они становятся жизненно необходимыми и только тогда появляются. Ради чего и ради кого тебе нужна эта пресловутая крыша, если у тебя не осталось ни одной земной привязанности? Не зря же тебя приводят на кладбище и говорят: хватит барахтаться, хватит цепляться за последнюю привязанность — жизнь. Тебе явно дают понять, что тебя изжидают из земной жизни. Развоплощайся скорее и не морочь голову ни себе, ни другим.

Одна за другой промелькнули картинки последнего года... И самая последняя в череде других — упрямое выражение на лице мужа и его слова *Ты сильная, ты выдержишь*. Лицо становилось всё жестче, теряя свои овальные формы, превращалось в камень — *камень преткновения*, не преминула сумничать одна из извилин, — камень вырос на глазах, становясь огромной горой на пути к чему-то, что было раньше целью, а теперь скрылось за пределами видимости. Гора росла с каждой попыткой вспомнить эту цель, достигала фантастически-фаталистических размеров, перекрывала дорогу, фонари вдоль неё, звездное небо, перекрывала свет и тьму, мешала двигаться, смотреть, дышать...

Она проснулась на удивление рано. От духоты в комнате. От обилия солнца, которое не вмещалось в пределах четырех стен. Наконец в середине июля наступило настоящее лето!

Жить-то как хочется! Включила мобильный, который последнее время отключала на ночь, отстаивая тем самым право на неприкосновенность своего образа жизни. Как будто откликнувшись на её жест, телефончик заиграл:

— Алло, это Ясновская, у меня к тебе предложение.

А она-то откуда знает? — успела промелькнуть мысль.

— Я работаю сейчас на ТЭТе, мы делаем короткие передачи об интересных людях.

— А... Я уже испугалась, что ты начнешь мне предлагать варианты квартиры.

— Квартиры?

— Не важно, — она поспешила пройти неприятный поворот, на который мог свернуть разговор.

— Так ты согласна?

— А что мне нужно делать?

— А ничего. Мы приедем с камерами, поболтаем немного.

Ты расскажешь о своем театре...

— Я ушла оттуда...

— Это неважно, расскажешь о своих проектах, планах.

— Нет у меня больше планов...

— О своей жизни, квартире... Я слышала, у тебя удивительный интерьер — ты повесила на стенах декорации со своих спектаклей...

— Интерьер-то интересный, но мне придется вскоре со всем этим распрощаться...

— Вот и прекрасно! — обидно обрадовалась журналистка. — Об этом и расскажешь. Выдадим слезу у зрителя — а там, глядишь, и прощаться не нужно будет.

— Как это?

— А вот посмотришь...

В ответ на слабые попытки отказаться от предложения в связи с неотложными делами, прививками собаке, модным словом *депрессия* и тому подобными оговорками, журналистка приводила очень веские аргументы:

— Телевидение в наше время — это всё! Тем более — наш канал, который смотрят все — от пенсионеров до бизнесменов. Краткий сюжет, красивое лицо в кадре, пара слезинок — и предложения с местом жительства посыплются на тебя золотым дождем.

— Ты сначала посмотри на моё лицо! Оно не сможет вдохновить ни одного зрителя! Следы красоты на нем напрочь стерли проблемы и одиночество!

— Ничего, — не смутилась журналистка. — Подгримируем, оденем. Будешь как конфетка!

Работа у неё такая — уговаривать мертвых, — промелькнуло примирительное. — Ладно. В конце концов, что-то подобное она и сама представляла как один из вариантов рекламы, только не хватало смелости признаться и попросить. Это даже покруче сайта в интернете. Кстати, а как поживает её сайт?

— Слушай, там такое творится! — голос дизайнера истерически вибрировал.

— Что? — испугалась она.

— Море предложений! Даже не знаю, что со всем этим делать.

— Да ты что? Я сейчас приеду. — Не дождавшись возможных возражений, она бросила трубку и бросилась к зеркалу. — И гримироваться не надо, не приbedняйся, — сказала своему отражению, наскоро оделась и выскочила из дома.

Сайт пестрел предложениями. Она по-деловому пододвинула к себе стул, надела очки и села перед монитором, приготовившись к внимательному вдумчивому прочтению. Но уже через несколько минут прервала бессмысленное занятие. Предложения выглядели примерно так:

Детка, я тот — кто тебе нужен. Позвони по телефону: 806666666666.

Пришлите, пожалуйста, более подробные данные — рост, размер груди, бедер, талии. Любите ли секс втроем? Тел.

Очень понравилась ваша фотография. Немного — о себе. Я на заслуженном отдыхе. Без вредных привычек. Ищу женщину тихую, хорошую хозяйку, симпатичную, как вы. Позвоните мне до девяти вечера по тел.:

Я искал вас всю жизнь! В книгах, на улице, в кино! Звоните в любое время суток! Мои тел.:

Киска, меня зовут Лапа. Если ты любишь женщин больше, чем мужчин, мой язычок ждет тебя. Тел....

Мне послал вас Бог. Я — инвалид, который потерял надежду найти в этой жизни опору. Буду признателен, если вы поселитесь рядом и поддержите меня в моем нелегком существовании. Телефона нет. Приезжайте по адресу:

Адрес она не дочитала, как и все предыдущие телефоны. Пробежав глазами оставшиеся письма, она разочарованно вздохнула.

- Не расстраивайся. Ты ещё встретишь свою судьбу.
— Какую судьбу? — она подскочила, как ужаленная. — Я крышу над головой ищу, а не судьбу.
— Одно предполагает другое, — примирительно возразил дизайнер.
— Ладно, подождем ещё. К тому же, передача скоро выйдет.
— Какая передача?
— Да обо мне, хорошей.
— Ну, ты даешь! Так ты ещё и знаменитой будешь?
На этот раз он даже довел её до лифта и помахал рукой.

После передачи она действительно проснулась знаменитой. Хотя не очень-то была довольна тем, что увидела. Ну и морда!... Боже, что я говорю?... Нет, это невыносимо! — то и дело восклицала она во время пятиминутного просмотра.

Но количество звонков говорило об обратном эффекте. Когда в одиннадцать утра она подошла к телефону, на автоответчике отпечатались дюжина записей. Мир оказался на редкость отзывчивым. В основном, звонили, конечно, мужчины. Но среди них затесался и старушечий голосок, совсем дряхленький и выцветший. *Тварь я дрожащая или право имею?* — откуда-то вынырнул школьный Раскольников. — Чур тебя, лезет же в голову такая чертовщина! Только криминала не доставало, — отмахнулась она.

— Деточка, — звучала старушка, — приходи и живи, продукты в дом носи, за порядком следи, а то мне уже неважно... одной-то. Сотый годочек пошел... а муж покойный, царство ему небесное... — Автоответчик оборвался, не дождавшись обратных координат. Определитель номера тоже не сработал. Видно, не суждено ей со старушкой коротать свой век.

Она стала слушать остальные записи. Те голоса, которые ей не нравились, она стирала мгновенно, не задумываясь. Это были или слишком наглые и напористые или вялые и бледные тембры. От первых разило угрозой, от вторых — беспросветностью. Но, в основном, ей доставляло удовольствие прослушивать записи. Во время самих звонков она к телефону не подходила. А если и подходила, то в такое время, когда нормальным людям, выработавшим в течение жизни стереотип рабочего дня, уже не приходило в голову звонить. По вечерам она старалась уйти из дома, ставшего чужим, уйти подальше от своего одиночества и стен, наполненных картинками прошлого, и приходила чаще всего за полночь, когда очертания предметов сливались с тем-

нотой и превращались в одно сплошное месиво, вызывающее не более, чем безразличие. Она приходила, прослушивала автоответчик и стирала записи. Все до одной.

Вскоре её день разделился на три части. *Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа*, — снова дохнуло чужим контекстом. В первой она принимала звонки. Точнее, она их не принимала, а прослушивала на автоответчике, поскольку то, что ей предлагали, принять было невозможно. Во второй половине она принимала брокеров вместе с потенциальными покупателями. С каждым днем желающих посмотреть становилось всё больше. Вот что значит телевидение! — торжествовала приятельница. Всё реже звучали вопросы — Почему так дорого? Всё реже приходилось отвечать: *Половину нужно отдать, а на вторую найти крышу над головой*. Когда количество желающих превысило все ожидания, она решила ввести некоторые ограничения, вывесив на дверях табличку с надписью ВХОД — 20 ГРИВЕН и навсегда покончив с материальными проблемами. За что? — звучали новые вопросы. За ауру, — не задумываясь, отвечала она.

В третьей половине дня она ездила по квартирам, которые предлагали ей. Квартиры были разные — большие и маленькие, в многоэтажках и частном секторе, благоустроенные и убитые. Квартиры были разными, а вот у хозяев была одна общая черта, независимая от возраста и пола, которую поначалу она не могла определить. В их глазах, несмотря на гарантированное существование, сквозила какая-то бездомность.

— Да им просто не хватает общения, иначе, зачем ты им?

— Да нет же, — отвечала она мастеру фен-шуя, которого повсюду таскала с собой, чтобы определить, подойдет та или иная квартира для проживания с точки зрения восьмиугольника багуа и других восточных прибабас. — Это что-то другое.

— Что же?

— Ущербность какая-то... Трущобность внутри, а не снаружи.

— Ну, знаешь, — он только руками разводил.

И всё же, она была почти уверена: людям, которые откликнулись на её объявления, недоставало чего-то большего, чем общение. И этого «чего-то» они ждали от неё. Так что с первого взгляда на них приходилось менять уже освоенное ею амплуа нуждающейся на роль той, кто проходит мимо паперти и не подает ни копейки. Поначалу она думала, что ими движет обычно-

венная похоть, прикрытая предлогом принести пользу ближнему. И даже, когда она заходила в дома, где на пороге её встречала женщина, а не мужчина, она видела тот же голодный блеск в глазах. Лесбиянка, — делала она стандартный вывод и больше никогда не возвращалась в квартиру с одинокой женщиной на пороге.

Проходили дни, но ничего не менялось — ни её бездомность, ни ущербность тех, кто предлагал приют. Она по-прежнему находилась в поиске, и состояние неустойчивости становилось привычным. Однажды, прочтя одно из писем, пришедших на её сайт — Куколка, зачем тебе кокон? Полетай ещё немножко. И вообще, не пуститься ли нам в путешествие на белом бычке по старенькой Европе?... — она серьезно задумалась. А может, действительно, оседлость не для неё? Не консервируй себя, путешествуй, познавай внешний мир, обретай новый опыт, — говорят ей обстоятельства. — Ты ещё многого не видела. Будь свободной, стань цыганкой!

Цыганкой она, конечно, не стала. Поздно, — она коротко и решительно наступила на горло одной из своих субличностей, у которой была условная кличка Авантюристка. Дикий Запад она тоже отложила на будущее, предпочтя хорошо знакомую Москву и гарантированное место жительства. Приехав туда, она несколько дней пребывала в сладкой иллюзии защищенности, поскольку квартира, в которой она поселилась, чем-то напоминала киевскую, а хозяин отражал теоретический образ идеального мужчины. Но, как известно, *Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо*. В общем, ей пришлось покинуть мнимый уют. И произошло это в день, вернее, в ночь её рождения.

Сидя в плацкартном вагоне, в котором она не ездила лет двадцать, и, думая о предстоящей встрече дня рождения в Питере, в коммунальной квартире, в которой она жила только однажды, лет десять назад, и вынесла оттуда не очень приятные ощущения, она удивленно всматривалась в себя, задавая одни и те же вопросы: А что, собственно изменилось за эти годы? Годы, за которые нормальные люди обзаводятся семьями, домами, детьми, радуются накопленному и переживают о потерянном, и чем больше накапливают, тем больше переживают, а попадая в этот круг, уже не могут вырваться, выпасть из неизбежной цепочки потери-приобретения-потери-приобретения-потери... поскольку потерей завершается их существование, потерей для близких, для тех, кто любил их при жизни. Может, гораздо гу-

маннее не обзаводиться этими самыми близкими, а, утратив со временем всех родственников, не создавать новых, обреченных на бесконечные поминки? И лишь путешествовать из города в город, от человека к человеку, который на то время, пока ты делишь с ним квадратные метры жизни, заменит близкого, станет чем-то вроде родственника, а потом навсегда исчезает из твоей жизни, не вызвав ни сожаления, ни ощущения потери...

Сидя в коммунальной квартире в день своего рождения напротив такого временно-близкого, стоя в очереди за соседями в ванную и на кухню, слушая отдаленные голоса и скрипы из других комнат, она в который раз убедилась, что только собственный Дом даст ей право на одиночество — и вернулась обратно. В родной город. Продолжать поиски.

Как-то она зашла в квартиру, где никого не было. Ничего странного — квартиру открыл консьерж, которому оставили ключи. Ничего необычного в самой квартире. Разве что... Разве что следов жизни в ней почти не было. Она прошла по комнатам — квартира была достаточно просторна — и везде её встречали полированные поверхности и полное отсутствие домашней утвари, которая привычно одушевляет окружающее пространство, делая его живым или, хотя бы, пригодным для жизни.

— Здесь никто не живет? — поинтересовалась она у консьержа.

— Почему же? — удивился он.

— Но я не вижу здесь следов жизни.

— Следы бывают разные, — произнес он и как-то странно подмигнул, не лукаво, не игриво, а так, как будто хотел сказать: Кому-кому, а нам с вами хорошо известно о существовании иных реальностей.

— А когда появятся хозяева? — осторожно поинтересовалась она.

— А зачем им появляться? — с тем же выражением на лице произнес он и мгновенно исчез.

Она потерянно оглядывается. В руках у неё — ключ от чужой квартиры, но она не уверена в том, что сможет воспользоваться им.

Вот он, ключ жизни. Золотой ключик, который ты так давно искала. Ты искала его везде, во всех уголках и пространствах,

ты искала его в доме, который притворялся твоим, пока в один прекрасный день ты не поняла, что ничего в этом мире тебе не принадлежит. Ты искала его в чужих домах, где тебя ожидали чужие постели. Ты искала его на пепелищах и пустырях, куда ты возвращалась, бездомная, не потому что у тебя не было крыши над головой, а потому что эту крышу не с кем было разделить. Ты искала его в лесу, потому что в старой сказке Папа Карло сделал Буратино из дерева, а Красная Шапочка шла через лес с такими вкусными пирожками. И даже в соленой воде на дне моря, соглашаясь на ржавчину, ты искала его. Ты просила об этом ключике, который, откроет любые замки, поможет решить все вопросы и неразрешимые задачи, накопившиеся со школьной скамьи, потому что только по математике ты получала четверки, будучи в остальном отличницей.

Ты просила о ключике, но ты забыла попросить о замке, к которому бы подошел этот ключ. И о доме, в котором находится этот замок. О Внутреннем Доме, который ты так и не нашла. И вот ты стоишь в руках со своим счастьем, с ответом на все твои запросы и вопросы, а что с ним делать, как им воспользоваться — ты не знаешь. Ты даже не знаешь, есть ли в этой квартире замок, а если есть, с какой стороны закрывать двери — изнутри или снаружи?

И, как будто чувствуя твое недоумение, твое неумение воспользоваться ключом, твою неготовность к открытию, чья-то невидимая рука отнимает его у тебя, отнимает, как бесполезную надежду на что-то, чему ты не знаешь названия. И чей-то голос говорит: *Ты ещё не готова. Ты ещё не готова встретиться с этим пространством, в котором никто не живет. Ты ещё не готова встретиться со своим одиночеством.*

Она находит себя на улице, а потом в машине, а потом дома за письменным столом. Она старательно выводит чужие слова, которые прочла в каком-то бездарном романе или увидела в старом кино в глубоком детстве:

В моем уходе прошу никого не винить. Я полностью беру ответственность за всё, что со мной произошло. С любовью ко всем, кто прочтет эту записку.

Она смотрит на женщину, которая подходит к аптечке и долго пытается что-то найти. Она наблюдает, как она достает

один за другим ножи, и пробует их на тупость, а потом истерично смеется. Она следует за ней в ванную, где та пытается набрать воду, которую отключили. Она смотрит на её широко открытые глаза, которые наполняются жидкостью, совсем непохожей на слезы, застывшей в глазах круглыми колодцами, наполненными отраженным светом, неизвестно как просочившимся сквозь потолок и заражающим темное пространство вокруг себя непривычным для него блеском. Она смотрит на женщину, которая светится отраженным светом, но не узнает неба в своих глазах, утратив воспоминание о том, кем она являлась до того, как попала в ловушку забвения. Она следует за её светящимся телом в спальню, довольная тем, что она не зажигает света, не потому что её глаза за последнее время привыкли к темноте, а потому что её собственный свет освещает пространство. Она оставляет её только тогда, когда та закрывает глаза. До завтра, — шепчет она ей тихо-тихо, чтобы не разбудить.

Она проснулась и тут же вспомнила свой сон. Подвал, в который она попала. Чувство безысходности, поверженности, катастрофы. Чувство дна.

— Это твой дом, — говорит ей чей-то хорошо знакомый голос.

— Но я не смогу здесь жить, — отвечает она в отчаянии.

— Но ты здесь живешь очень давно.

— Как это? — не понимает она.

— Это то, что живет в твоей голове с тех пор, как ты боишься потерять дом.

— Но я не хочу здесь жить!

— Тогда избавься от страха.

Голос исчезает. Она пытается следовать за ним, но чувствует, как страх мешает ей, преграждает путь, разрастаясь с невероятной скоростью, а плотный слой пыли мгновенно ложится на одежду, мебель, старые стены, которые покрываются трещинами, осыпаются на голову. Ещё немного — и они засыпят её. И тогда она кричит так громко, как только может: Н-Е-Е-Т! Чтобы сбросить эти развалины, чтобы проснуться. И в пространстве между сном и явью, когда завеса едва приоткрывается, но никогда не ждет копошащееся сознание, всегда не поспевающее за тайной, в это самое мгновение она понимает нечто, что можно назвать Причиной. Она цепляется за это нечто и наконец произносит его имя: Страх. Значит, это страх столько времени

водит её по тёмным закоулкам бессознательного. Это страх притягивает к ней беспомощные ждущие глаза, одинокие заброшенные судьбы, убогие сердца, которым некому открыться. Только той, которая сама протягивает руку за подаванием.

Она проснулась от падения мобильного, задетого её рукой, и вспомнила совет знакомого йога: *Открой все окна, наполни комнату цветами, зажги благовония — тогда будет изобилие.* Проснувшись, она собрала распавшийся на три части телефон. Включив, прочла на экране неизвестно откуда взявшееся: Сегодня 01.01.2003 года. Изменить дату и время? — Нет! — автоматически отвечает она и оставляет старую дату. Дату последнего Нового года, проведенного с мужем в клубе 44 на Крещатике.

Телефон звонит, но она не подходит. Она сейчас не здесь, не в этой комнате, а в прошлогодней ночи, в прошлом, которое никак не желает завершиться всепрощающим утром. Она танцует с ним, с этим прошлым, танцует последний ночной танец... Телефон повторяет свою просьбу. Телефон становится всё настойчивей.

— Алло, почему не подходишь к трубке?

Она слышит родной голос на автоответчике, вскакивает, и, перебивая бешеный стук сердца, кричит:

— Алло!

— Что случилось?

— Это ты?

— Не ожидала?

— Да... я только что проснулась, мне снился странный сон...

— С праздником тебя.

— Каким?

— Так и думал, что забыла...

Ей неловко, она всё ещё стоит между сном и голосом, между новогодней ночью с ним и его утренним голосом, постепенно возвращаясь в жизнь, в день, в их квартиру.

— У нас сегодня десять лет семейной жизни.

— Боже мой!

— Я и подумал, а зачем мы собственно затеяли этот размен?.. Ты, я надеюсь, ещё замуж не собираешься?

— Да нет, вроде бы...

— Ну и живи себе, пока не соберешься...

— А ты?

— Ну не будем же мы разводиться в такую годовщину?
— Ну да, — отвечает она навстречу его всегда-железной логике.
— А я приготовил тебе сюрприз...
— Какой?
— Тут Цаныч в Китай решил переехать и в гости зовет. Я и подумал, может, вместе сможемся? Ты же мечтала когда-то?
На этом конце провода что-то заклинивает. Это её голос. Он застрекает где-то между желанием и ответом.
— Чего молчишь? Ты согласна?
Она готовится произнести *да*, но только мычит в ответ.
— Ладно, не отвечай сразу. Я перезвоню вечером — определись.
— Согласна, — она едва шевелит губами, услышав короткие гудки в трубке.

ТАБАКЕРКА

Она была счастлива так, как будто сама получила эту премию. Столько усилий, звонков, заискивающих жестов. Но её подруга — великая поэтесса, и премия была получена по заслугам. Вернее, ещё не получена — награждение предстояло завтра, но все уже обо всём знали. К сожалению, в нашем мире все знают обо всём заранее, и элемент случайности, когда тебе на голову сваливается неожиданная куча денег, почти исключен: деньги распределяются очень строго, по подсчету голосов, которые ещё нужно собрать, а такая престижная премия — и по-давно. Она понимала, что доля справедливости в подобных награждениях была невелика, но всё равно радовалась, потому что в этом году все трое награжденных были достойными людьми. Во всяком случае — профессионалами своего дела. Хотя, как-то слишком холодно это слово звучало по отношению к поэзии. И хотя в последние годы её подопечная, за которую она так хлопотала, действительно «выменяла чудо на число», как писала Марина Цветаева, и при возросшем мастерстве стала гораздо сдержанней в плане выражения своих чувств, это объяснялось также возрастом: писать о чувствах, когда тебе за пятьдесят, и все пылкие увлечения остались в далекой молодости, было бы непростительным инфантилизмом... Нужно не забыть поставить на утро будильник: поезд прибывает в девять. А до этого ещё нужно сходить на базар: её подруга любила всё свеженькое.

Она засунула ключ в замок — опять заедает. Наверное, чувствует, что каждый раз она делает это с неохотой и прежде, чем открыть дверь, говорит про себя: никогда не думала, что на старости лет мне придется открывать квартиру собственным ключом, а не ждать когда с той стороны на звонок отзовется голос родного сына. Она никак не могла привыкнуть к этой перемене в своей жизни: уйти из собственного дома, в котором она провела всю свою жизнь, да ещё и после смерти мужа, оставив его сыну и невестке, и поселиться в однокомнатной квартире, правда, неподалеку от них, но всё-таки... Наконец-то... Проклятый замок. Да нет — не замок, а одинокая старость, которая с каждым

днем приближалась всё стремительней. Ничего, завтра приедет Аллочка — и хотя бы на неделю квартира наполнится присутствием близкого человека, а, вместе с ней — и шумной компанией, которая всегда сопровождает её, тем более, что на этот раз она — победитель. А победители, как известно, великодушны, поскольку им хочется делиться своей победой со всеми. Они счастливы — и распространяют своё счастье на всех, кто попадает в их радиус.

Поезд опоздал. Аллочка выглядела недовольной:

— Никогда не встречала таких тупых проводников, — ещё на ступеньках, заявила она. — Я ему говорю: Не будите нас рано, мы встанем за несколько минут до прибытия, а он в семь утра стучит: чаю не хотите? Какой чай в такую рань? А потом через час: сдавайте постель. Мы что — в бараке каком-то? По команде вставать должны?

Уже сойдя на перрон, она, наконец, вспомнила, что забыла поздороваться:

— Здравствуй, дорогая, — поприветствовала она свою подругу. — Извини, я не выспалась. Нужно будет поспать. Андрюша! — обернулась она на мужчину, который всё это время незаметно тащился за ними. — Иди сюда, я тебя представлю. Это Андрей Потехин, талантливейший человек, нужно будет в следующем году ему дать премию. — Сказала так, как будто её подруга собственноручно распределяла премии.

Покинув территорию вокзала, они вышла на проезжую дорогу. Аллочка подняла руку и, не спрашивая цену, забралась в первую подъехавшую машину:

— Осторожно, там у меня хрупкие предметы, — зашикала она на подругу, которая взялась нести несколько из её многочисленных пакетов. Та послушно кивнула, не понимая, что от неё хотят: она итак была предельно осторожна. Она знала: если Аллочка не выспится, с ней лучше в споры не вступать.

— Сколько? Сколько? Да за эти деньги пол Киева можно проехать! — Она бросила шоферу тридцать гривен чуть ли не в лицо и возмущенно покинула машину, не забыв воспользоваться предложенной мужской рукой.

— Кушать не хочу, — с порога заявила она. — Приму душ — и подремлю пару часиков. К вечеру нужно быть в форме. А ты пока Андрюшу накорми: молодое поколение всегда голодное. Тем более, он привык завтракать.

Когда она закрыла за собой дверь, оставив хозяйку дома наедине с гостем, в воздухе повисло смущение.

— А как вы обычно завтракаете? — поинтересовалась хозяйка.

— Да вы не волнуйтесь, — с готовностью отозвалось молодое поколение, впервые за это утро раскрыв рот. — Я съем абсолютно всё. — Он, как будто хотел успокоить хозяйку, но фраза прозвучала почти угрожающе: *всё* она ему никак не могла дать. Сегодня на обед должен был прийти сын, да и Аллочка проснется — и тоже, конечно, захочет поесть.

Гость насытился быстро. Правда, и ел не медленно. Всё, что стояло перед ним на столе, исчезло за десять минут — как королева языком слизала. Когда она вернулась из ванной, чтобы составить ему компанию, он уже ковырял в зубах пальцем. Осознав, что её завтрак был отдан в пользу голодающим, она, не сказав ни слова, спросила, как можно вежливей:

— Может, кофе сварить?

— Не... После кофе я не усну.

— А вы что, тоже... спать собираетесь? — робко поинтересовалась она.

— Я бы тоже не прочь. Мы всю ночь стихи в поезде читали.

Она смутилась: зачем же он так? Ведь понятно, чем могут заниматься ночью взрослые мужчина и женщина, тем более, если в их купе нет попутчиков. К тому же, за язык она его не тянула: не спрашивала, что да как. Мог бы и промолчать.

— У меня всего одна комната, для Аллочки я приготовила раскладное кресло, а моя кровать — одноместная, — предупредительно сказала она.

— Ничего, я и на ковре могу, — невозмутимо отреагировал он. — Вы только не шумите, а то я не засну: у меня сон очень чуткий. Сами понимаете: Поэт.

А я тогда — кто, по-вашему? — хотела спросить она, но беседовать почему-то перехотелось.

— Постараюсь, — ответила сдержанно. Двери между комнатой и кухней закрывались неплотно — и ей пришлось ходить на цыпочках, чтобы не потревожить сон двух великих. Ничего, сказала она себе самой: побуду маленькой. В маленькой табакерке и люди маленькие должны жить. Мизераблики, — придумала она новое слово, мгновенно поднявшее ей настроение, так что следующие три часа, пока она готовила обед, а её гости по очереди всхрапывали, прошли не так уныло. Около часа в дверь позвонили: её сын пришел немного раньше обычного.

— Приехала? — спросил он, пытаясь заглянуть в комнату.

— Приехали, — многозначительно ответила она. — Почивать изволили.

Не успела она произнести последнюю фразу, как дверь отворилась и заспанная Аллочка предстала перед ними в ночной рубашке:

— Здравствуй, деточка, — сказала она тридцатилетнему сыну своей подруги. — Ты к нам обедать?

— И обедать, и вас поздравить.

— Ну, поздравлять ещё рано. Вечером поздравишь. А где твоя половинка драгоценная?

— На работе. Не смогла вырваться. Но вечером обязательно придет.

— Ну что — к столу? — гостя вопросительно посмотрела в сторону хозяйки дома.

— Ещё пять минут, — засуетилась та. — Сейчас салатик докрошу.

— Тогда я пока переоденусь, — как будто согласилась Аллочка.

Когда она открыла дверь, из комнаты раздавался храп чувствительного к звукам Андрея — ни звонок, ни громкий разговор не повлияли на его чуткий слух.

— А это кто? — удивился сын хозяйки.

— А это — молодой гений, — выглянула полуголая Аллочка.

— Какой же он молодой? Ему же за сорок небось перева-лило?

— У поэзии нет возраста, — обиженно буркнула Аллочка и закрыла за собой дверь.

— Мам, я её что, обидел? — не на шутку встревожился он.

— А её вообще легко обидеть, — огрызнулась из кухни мать. — Она у нас ранимая. Как и все поэтессы.

— А ты у нас, кто тогда?

— А я тут у них на хозяйстве. Рыжий, подай-принеси, называется.

— А... — он не мог угадать интонации матери — табакерка хоть и малая была, да кухня от коридора отделялась ванной, поглощавшей часть звука.

Наконец, они сели за стол.

— А твой спутник? — спросила на всякий случай хозяйка.

— Что-то не просыпается, — недовольно пробурчала Аллочка. — Наверное, всю ночь не спал, после того, как мы поспорили после чтения одной книги.

Ага, версии почти совпадают, возможно, договорились, — подумала хозяйка, уплетая за обе щеки: оставленная без завтрака, она была очень голодна.

— Что это? — откусив котлету и скорчив недовольную гримасу, произнесла Аллочка.

— Это... котлетка, — робко ответила хозяйка.

— Это я понимаю. Из чего она?

— Свининка...

— Ты же знаешь, что я не ем свинину!

— Но... В восемь утра на рынке выбор небольшой...

— Ты что, со вчерашнего дня не могла купить?

— Но я свеженького для тебя хотела...

— Лучше бы ты ничего не покупала. Нет, это же надо? Зная, что я ем абсолютно всё мясо, кроме свинины, купить именно её!

— А почему вы не едите свинину? — поинтересовался сын.

— Потому что евреи не едят свинину! — отрезала гостя.

— А с каких пор вы стали еврейкой?

— С тех пор, как её сын эмигрировал, — не выдержала хозяйка.

— А я никогда от своей национальности и не отказывалась! — возмутилась Аллочка.

— Но и не настаивала на ней, — отпарировала подруга.

— Доброе утро, — раздался сонный голос.

Из комнаты выполз Андрей.

— Ну вот, разбудили ребенка, — сменив гнев на милость, елевым голосом прозвучала Аллочка.

А может и вправду, стихи читали? — усомнилась хозяйка. Слишком патологичным показалось такое обращение со своим любовником.

— Хорошо выспался? — продолжала лепетать Аллочка.

— Да разве с вами тут выспишься? — неблагодарно пробурчал ребенок.

— Ну ничего, ночью поспим.

Хозяйка насторожилась.

— Андрюша останется на одну ночь, — заторопилась с объяснениями Аллочка. — Я думаю, церемония затянется допоздна...

— А... — занервничала хозяйка.

— Тем более, он хотел навестить своего дядю.

— А... — начала успокаиваться хозяйка, решившая, что единственной буквы для коммуникации с поэтами достаточно.

Андрюша уселся за стол и молчаливо стал поглощать всё, что попадало в радиус его зрения.

Хорошо, что на этот раз я успела поесть, — подумала хозяйка с затаенной радостью.

— Слушай, а сбегай-ка за водкой, — стукнула по плечу её сына Аллочка.

— Я? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Ну не я же! — возмутилась Аллочка. — Вот тебе деньги, — извлекла она двадцать гривен из чудом оказавшейся рядом сумочки.

— Но... Меня на работе ждут... Я на обед заскочил.

— Да не денется никуда твоя работа! Ты что, каждый день сидишь за одним столом с поэтом мирового уровня?

— Если бы он сидел каждый день за столом с такими поэтами, да ещё и бегал для них за водкой, вряд ли можно было бы вообще говорить о какой-либо работе, — вмешалась мать.

Над столом повисла угрожающая тишина, которая заставила хозяйку дома вспомнить о своей непосредственной обязанности — быть гостеприимной — и исправить невольную резкость:

— Предлагаю отложить пьянство на вечер. К тому же, тебе нужно быть в форме: вдруг стихи почитать попросят?

Аллочка кивнула, в знак вынужденного согласия. Иногда она прислушивалась к мнению своей подруги. До церемонии оставалось всего три часа: нужно было ещё заняться макияжем и одеждой. Буквально накануне отъезда Аллочка купила для этого случая потрясающий костюм от... Забыла, ну очень известное имя! Стихи стихами, а смотреть тоже ведь на что-то нужно. Когда отстающая от стиха мысль зрителя наталкивается на слишком непривычную метафору, она ищет самые неожиданные пути для отдыха: например, внешний вид выступающего. И вот, если в этот момент, взгляд слушателя упадет на изысканный стиль одежды, или приятное лицо с аккуратной косметикой, он простит ему и сложный текст, и свой несовершенный интеллект, не способный справиться с тяжелым препятствием. Поэтому нужно быть на высоте абсолютно во всём. Чехов говорил: в человеке всё должно быть прекрасно.

— Прекрасно! Потрясающе! Блестяще! — слышала Аллочка со всех сторон от поклонников, сующих ей в руки безразмерные букеты. Букетов было много, а Аллочка одна. Она оглянулась — и увидела свою подругу, потерянно стоящую недалеко от неё. Она обратила к ней призывный взгляд — и та подошла.

— Возьми, пожалуйста, — повелительным голосом попросила она, и, не дожидаясь ответа, вручила той всю охапку цветов. Подруга потерялась ещё больше: на этот раз буквально.

— Кушать хочу! — заявила Аллочка вслух. — И все ринуться на фуршет.

Подруге стало совсем грустно — с таким букетом ей не суждено было съесть ни крошки. К счастью, на помощь подоспел сын с невесткой. Каждый взял часть ноши.

— А ну его, этот фуршет, — сказал он, понимая, что с букетами за столом их ждут одни неудобства. — Пошли потихоньку.

— Да нет, неудобно, — сказала она. — Аллочка обидится. — И они пошли в кафе, где их взору открылись уже наполовину опустошенные столы и галдящая пишущая братия.

Они взяли по бокалу шампанского, чудом сохранившемуся на ближнем к двери столе, и отошли в сторону. Ждать пришлось долго: сначала Аллочка давала интервью какому-то местному каналу, потом — газете, потом — принимала поздравления от всех и вся... Через два часа она, наконец, вспомнила о том, что её ждут:

— Ну всё, пора уходить. Как тебе этот стол? Бутерброды с икрой черствые! Водки нет! В пирожках — одно тесто. Да и вообще — стол скудный какой-то.

Возмущалась она громко. Так, что устроители фуршета в течение этой речи по очереди покрывались красными пятнами.

— Эй! — обернулась она на пороге. — Завтра всех жду у нас!

— Да ты что? Как же мы поместимся? — всплеснула руками подруга. — И вообще, за какие шиши я их всех накормлю?

— Не волнуйся, все не придут, — успокоила та. — А денег я тебе дам. Знаешь, сколько я получила?

Вопрос был риторическим. Все знали, что премия составляет две с половиной тысячи зеленых.

— На, — тут же протянула конверт Аллочка. — Здесь пятьсот.

— Да ты что? — От такого королевского подарка подруга даже руками всплеснула. И хотя она потрудилась на славу (причём, не свою), всё же не рассчитывала на вознаграждение, когда хлопотала за премию и делала всё от чистого сердца.

— С одним условием, — притормозила её радость Аллочка: часть денег уйдёт на завтрашний банкет и несколько подарочков.

— Конечно, — с меньшим энтузиазмом согласилась та.

— Так я на тебя рассчитываю? — совершенно трезвым голосом произнесла Аллочка.

— В каком смысле?

— Ну, возьмешь на себя покупки?

Подруга, не горевшая особы желанием, смутилась, не находя в себе силы отказать.

— Ну, ты ведь понимаешь, я буду слишком занята завтра для таких вещей?

— Конечно, конечно, — поспешила согласиться та, хотя совсем не понимала, чем Аллочка будет занята.

— И у тебя это получалось всегда лучше, чем у меня.

— Что — это? — окончательно почувствовал себя в роли литературного агента, которого нанимают на непрофессиональную работу, уточнила подруга.

— Ну, выбрать для каждого то, что ему по душе.

— Это для кого же?

— Я тебе потом списочек дам, — обнимая её за талию, льстила Аллочка.

Они вышли из здания и направились в сторону дома.

— Может, пешком, по свежему воздуху? — предложила Аллочка взмахнув по-птичьи руками.

— А может, ты тогда свои цветы возьмешь? — услышала она в ответ.

— Ладно, ловим такси, — недовольным голосом произнесла та. — А то всё удовольствие от прогулки испортите. Андрей! — повелительным голосом окликнула она. И он, как и тогда, на вокзале, неожиданно вынырнул рядом с ними и поднял руку навстречу машинам.

— Поехали, — скомандовала Аллочка. — Андрей, ты садись вперед, а мы сплетничаем сзади.

— До свидания, — предупредительно попрощался сын, понимая, что для него с женой в машине нет места.

— До завтра, — бросила Аллочка.

— Андрей тоже может нас не провожать, — засуетилась подруга. — Если машина довезет нас до подъезда...

— А что, ему по-твоему, пешком идти?

— Да нет же... — она не стала уточнять, где живет его дядя — наверное, где-то поблизости.

Но когда они вышли из машины, и Андрей двинулся за ними, у неё заколотилось сердце в нехорошем предчувствии. Они подошли к подъезду — и Андрей услужливо распахнул перед ними двери, а затем... двинулся вслед за ними.

— А разве Андрей не идет к своему дяде? — наконец решилась она.

— Какой дядя в двенадцать часов ночи? — возмутилась Аллочка.

— Одиннадцать, — мягко поправила хозяйка.

— Завтра к дяде пойдет — на обед, — отрезала Аллочка.

— А где же он... сегодня... — она начинала терять дар речи.

— А сегодня — у нас.

— Но где же он... ляжет? — уже заходя в квартиру, из последних сил сопротивлялась хозяйка.

— Да я же вам сказал, я и на коврике могу, — невозмутимо вмешался Андрей.

— Но у меня одна комната! — наконец, позволила себе повысить тон хозяйка.

Гости переглянулись. Кажется, они, наконец, поняли, что нарушили какие-то глубоко личные границы принимающей стороны, выходящие за границы гостеприимства.

— Ладно, постелем тебе на кухне, — приняла решение Аллочка.

Они, наконец, улеглись. Но Аллочка не спешила выключать торшер, который подруга предупредительно поставила возле неё. Она извлекла какую-то тоненькую книжицу и начала читать.

Ничего, попытаюсь уснуть при свете, — успокаивала себя хозяйка. И даже отвернулась к стене. Но через пару минут вздрогнула от возмущенной интонации:

— Нет, ты послушай, это невероятно! Мало того, что он не знает элементарных законов стихосложения при том, что он — главный редактор журнала, он ещё и неандерталец какой-то. Ты слышишь меня? — и она повысила голос, чтобы её слышали и на кухне через закрытую дверь.

— Это ты об этом очкастом, который долго целовал тебе руку? — раздался голос за дверью.

— Да нет. Он и целовать-то не умеет, хотя тоже, по-моему, очки носит. Вот послушай пару строк...

— А может, перенесем чтение на завтра? — обернулась хозяйка дома.

— Да я пару строчек, — нетерпеливо перебила Аллочка. — Слушайте:

В трамвайной суете, на длинных остановках
я проезжаю жизнь, мелькнувшую в окне.
Ах, сколько поворотов фиксируют тусовки
собравшихся за окнами и ждущих или не...

— Что не...?

— Не важно. Там перенос. Кстати, не очень удачный.

— И не новый. После Цветаевой вряд ли кто-то сможет внести в поэтический синтаксис что-то новое..., — вторил кухонный голос.

— Нет, почему же. Бродскому кое-что удалось... Но я — о другом. Мало того, что стихи — элементарно невкусные, так этот кретин ещё и в трамваях ездит.

— А на чем ему ездить? — от удивления вмешалась хозяйка дома.

— В таком возрасте — если не на собственной машине, то на такси.

— Не все ведь получают такие премии, — окончательно проснулась хозяйка.

— При чем здесь премии? — явно обиделась Аллочка. — Ты меня этой премией уже достала! Ну, получила. Но я ведь заслужила? Или нет?

— Заслужила, заслужила.

— Я, между прочим, член пэнклуба, поэт международного уровня, а не какого-то местного союза...

— Успокойся, ты не на трибуне, дай мне покой.

— Вот уеду — и будет тебе покой... Нет, ты послушай, Андрей...

Видать, они действительно по ночам в поездах стихи читают, — наконец дошло до хозяйки. — На любовников они явно не тянут. Но тогда для чего его было тащить сюда и устраивать весь этот цирк? Что она, без декламаций не может ночи прожить?

— Так, я ухожу. Вот вам ключи от квартиры — и делайте здесь, что хотите: хоть всю ночь стихи читайте, — она стала натягивать на себя одежду.

Аллочка подскочила и преградила ей дорогу:

— Сама стихи не любишь — и другим не даешь?

— Это я-то не люблю? — от такого заявления принимающая сторона остановилась.

Воспользовавшись её заминкой, Аллочка соскочила с кровати и потащила её обратно.

— Никуда ты не пойдешь. Мы, конечно, замолчим, но ты должна понять, что как хозяйка дома абсолютно не права.

— В обязанности хозяйки не входит не спать всю ночь и превращать своё жилище в общежитие.

— Нет, Андрей. Ты слышишь? Нам придется завтра уехать!

— Не поняла, почему это — нам?

— Потому что я пригласила Андрея сопровождать меня в течение этой недели...

— А меня ты спросила?

— Я не думала, что у друзей нужно спрашивать разрешения. Но ты не волнуйся: мы уедем вместе. Завтра отметим награждение — и послезавтра уедем.

— Так вы мне и завтра устройте веселую ночь?

— Нет, если ты нам запрещаешь разговаривать, мы будем молчать. Мы же в твоём доме — и должны подчиняться твоим прихотям.

— Да каким прихотям? Каким? Спать в два часа ночи — это, по-твоему, прихоть?

Она рванула на кухню и дрожащей рукой влила себе в рот бесчисленное число капель валерьянки. Её гости не на шутку перепугались. Аллочка бегала возле неё и суетливо приговаривала:

— Ты ложись, ложись. Мы тихо будем. Честное слово. Ложись. Завтра такой тяжелый день предстоит. Столько покупок, людей...

Дальше она не слушала. Она поняла одно: это надо пережить. Как потоп, пожар, нашествие незваных татар и так далее. Ещё два дня — а Аллочка своё слово обычно держит — и они уедут. Просто сцепить зубы — и пережить.

С этими мыслями она и прожила эти дни. Утро началось с магазинов, покупок продуктов, сувениров, подарков. Из полученной суммы осталось около двухсот долларов, которые Аллочка милостиво разрешила оставить *за труды*. Половину дня хозяйка провела на кухне. Гостей пришло такое количество, что у соседей пришлось одалживать стулья. Гости все были как на подбор — громкие и амбициозные. Каждый говорил только о себе и, конечно, об Аллочке. А хозяйка дома летала между кухней и комнатой, успевая подавать и прибирать, да улыбаться в ответ на плоско-похвальную реплику в сторону вкусного оливье и запеченной с яблоками утки. Начали расходиться за полночь, оставив её с кучей грязной посуды на кухне. Когда ушел последний почитатель Аллочкиного таланта, и в комнате осталась только она с Андреем, хозяйка покинула кухню и устало опустилась на диван. Гости, притихнув, переглянулись. Они читали одну из подаренных книг и ждали, когда хозяйка им постелет.

— Сами стелите, — устало произнесла она.

Они переглянулись ещё раз, очевидно не веря своим ушам. Аллочка встала первой. Пошла на кухню. Постелила вначале «ребенку», потом себе, пожелала ему спокойной ночи и как бы невзначай бросила:

— Завтра за билетами нужно сходить. Но если ты устала, я может, успею сама... У меня, правда, интервью. И парочка встреч с очень важными персонами... но если ты не сможешь, я смогу, в крайнем случае, послезавтра...

— Смогу я, смогу, — как ошпаренная подскочила хозяйка и принялась стелить постель себе. *Это нужно пережить*, — повторяла она про себя.

Утром она встала, когда все ещё спали. Сварила себе на скорую руку кофе и стала собираться.

— Ты куда? — проснулась её гостья.

— На вокзал. Брать вам билеты.

— Паспорта в моей сумке. Ты на какой день хочешь взять?

— На какой получится.

Желательно, на сегодня, — добавила она про себя.

Ей повезло: на вечерний поезд её ждало два билета.

— Ночью сдали.

— Когда именно?

— Не помню, — удивленно поднял глаза кассир. — Кажется, около часа-двух.

— Правильно, — произнесла она, вызвав ещё большее удивление.

Когда она вернулась домой, проводив своих гостей и вставив ключ в дверной замок, она отметила, как легко и на удивление проворно он повернулся. Вообще-то она не любила возвращаться по вечерам в свою табакерку, но неожиданно почувствовала настоящее счастье оттого, что за дверью её не встречают знакомые голоса...

МАССАЖ

— Нет, ты не уйдешь! Ты не уйдешь! Не уйдешь!

Оно наваливалось всей пугающей массой. Этого ещё не хватало — умереть под чьей-то тяжестью! Хотя, какая разница — каким образом, если уж она решилась на это? Возможно, по ту сторону насилие расценивается как меньшее зло, по сравнению с самоубийством. По крайней мере, в насилии нет собственного волеизъявления. Ты просто жертва — обыкновенная овечка, отбившаяся от стада. Вряд ли какой-то пастух пойдет тебя искать... Она оглянулась в поисках спасителя — кругом не было ни души. Правда, не было и того, что чуть не задавило её. Она стояла в темном коридоре совершенно одна, со всей неизбежностью понимая, что нужно куда-то идти, но ни с одной из сторон не проступал спасительный свет.

Тогда она решила поскорей проснуться, пока сон не обернулся реальностью, но так и не ощутила перехода: за окном околачивалась зима, и рассветы были настолько темными, что в комнату не пробивался даже лучик надежды. И тогда, чтобы внести в свою жизнь хотя бы каплю света, она решила сочинить сказку — она была писательницей — и села за письменный стол. Вот, что у неё получилось:

Жила-была девочка. Жила себе и жила, до тех пор, пока не стала взрослой. А, став взрослой, задумалась: для чего она живет? И захотелось ей жить какой-то особенной жизнью, очень полезной и даже необходимой для мира. И решила она, что необходимой всего для этого мира — любовь. И стала она дарить этому миру свою любовь: кому — улыбку, кому — ласковое слово, кому — поцелуй жаркий. И так прожила она много долгих необходимых лет, пока однажды не услышала навстречу от близкого своего: А зачем мне твоя любовь? Вначале она не поняла вопроса. Ей даже показалось, что она ослышалась. Но вопрос прозвучал вторично, с небольшим уточнением: Может, мне нужна совсем другая любовь... Как это — другая? — переспросила она. — А вот так: ты меня любишь по-своему, а мне нужно, чтобы ты любила меня по-моему.

И тут она внезапно поняла, что она всегда и всех любила по-своему! А они наверняка нуждались в том, чтобы их любили по-ихнему. И стало ей грустно-грустно: зря она старалась и тратила свою жизнь на любовь универсальную. Ей-то казалось, что она этой любовью делает счастливыми людей, а оказывается, они хотели совсем другого! И лучше бы ей было любить одного, совсем близкого, и изучить его, как следует, все его привычки и желания, и понимать, что это именно та любовь, которая ему нужна, а не любовь к абстрактному человечеству, которое не нуждалось во всеобщей любви, не согревающей никого конкретно. И обернулась она в поисках того единственного, которому могла бы подарить свою единственную любовь. И стало ей ещё грустнее, поскольку не оказалось единственного рядом, и даже под окнами призрака его, возводящего к небу руки в поисках любви абсолютной. И осталась она наедине с собой и со своей никому ненужной любовью.

Наедине с любовью? Нет, это невозможно: нужен кто-то третий, — всплыло насмешливое, из прошлых творений.

А сейчас не знала она, что делать с любовью этой бессмысленной, разве что на себя обратить. Но как можно саму себя полюбить, не представляла. Возлюби ближнего своего, как самого себя, — проснулась в голове библейская мудрость. Да как же это возможно? — воскликнула удивленно и вдруг поняла, что никогда себя не любила, а значит — и ближнего своего, а значит — никого на свете. И задумалась: если всё равно с себя начинать придется, может, окружить себя любящими людьми, которые бы говорили только слова приятные? И стала она каждый вечер проводить с кем-то, кто любил её, и говорил, какая она красивая и талантливая, и какие глаза у неё умные, и грудь пышная, и натура неординарная... Но не радовали её слова льстивые, и каждый раз после встречи, оставаясь наедине со словами сладкими, бывала грустной она и даже заплаканной...

На этих словах сказка прервалась, а писательница, как сидела за письменным столом, так и осталась сидеть, задумчиво подперев голову руками. И как бы её профессиональное воображение ни рисовало картинки счастливого конца, сердце её говорило: неправда всё это. Правда — то, что конец наступил и диктовал он совсем другой жанр: завещание.

С этой мыслью она достала чистый лист бумаги и пригласилась к новому стилю изложения... Но тут её воображение

пришло ещё в большее замешательство. Внезапно обнаружилось, что скромные сбережения, как любила выражаться литература прошлых веков, ей завещать абсолютно некому — родители её умерли, с мужем она разводилась, детей не родила... Приехали... Оказывается, всё было напрасно — отказ в маленьких удовольствиях с целью сэкономить копейки, накопленные книги в библиотеке и картины подлинных мастеров... Оказывается, нет ни одного человека в мире, с кем бы она могла разделить всё это... Никого-никого-никого-никого — многократно стучало в голове, сливаясь в один неясный звук — только пустой холодильник, только холодильник, пустой-пустой — продолжался стук. Она вышла на кухню и отключила его. Какой смысл в работающем пустом холодильнике?

— Как ты думаешь, для чего Бог создал человека? — задал он первый за этот вечер вопрос.

Она захотела ответить, но вдруг поняла, насколько абсурдным в данной ситуации было вступать в дискуссию. Она лежала совершенно голая перед незнакомым человеком, который гладил её плечи, спину и бедра. Вернее, массировал. Но в его движениях было столько неподдельной любви, что становилось неловко.

— А вы не могли выбрать более подходящее время и место для такого вопроса?

— Не бойся, — он почувствовал в ней напряжение. — С тобой не произойдет ничего такого, чего бы ты ни хотела.

Фраза прозвучала вполне двусмысленно, но почему-то успокоила. Руки перестали смущать и превратились в руки врача.

— Живая, — улыбался он, когда чувствовал под своими руками возбуждение, спровоцированное неосторожным прикосновением — и переходил к более нейтральным участкам тела.

— Когда начнешь жить? — прозвучал второй вопрос.

— А я что делаю? — вяло огрызнулась она.

— Ну да, понятно: легче сказать: у меня все окей, чем один раз расплакаться.

Ей действительно хотелось плакать, но она не поддалась на провокацию.

— Вы хотите сказать, что у меня есть выбор?

— А почему ты отказываешь себе в праве на выбор?

— Потому что выбрать — склониться к одному из полюсов.

А один полюс — это всегда зло. Бог вмещает в себя плюс и минус.

Вот тебе, проповедник чертов. Мы тоже не лыком шиты.

— Кто тебя так запутал?

— Вы задаете слишком много вопросов

— Кому-то же надо их задавать. Но в отличие от тебя, я знаю ответы.

Она ожидала продолжения, но оно не наступило, и она обрадовалась зависшей паузе. Когда она разговаривала, она переставала чувствовать, а ей было приятно ощущать эти руки на своем теле — сухие и сильные. Руки целителя.

— А знаешь, как ты защищаешься? — руки остановились.

— Как? — напряглась она.

— Ты полностью сдаешься....

Хотела ли она уточнять? Наверное, нет. Ей было слишком хорошо под этими ласковыми руками. Но всё-таки один вопросик, скорее филологический, чем физиологический, не давал покоя: если в его последнем слове приставку *с-* заменить приставкой *от-*, изменится ли смысл его послания? Насколько близкими могут быть два глагола? От этого вопроса ей становилось не по себе: её тело вспыхивало как спичка и загоралось желанием, которое она не чувствовала с того момента, как похоронила свою женщину глубоко внутри. Но её разум возмущался навстречу такому вторжению: да какое право имеет этот урод посягать на неё таким прямым и наглым образом? Хотя слово *урод* было явным преувеличением: нельзя привычные мерки одной нации накладывать на человека другой. Маркес был перуанцем — и она не знала, по каким критериям оценивать его внешность, поскольку видела всего трех перуанцев в своей жизни, да и то — издали: уличных музыкантов, играющих на Крещатике.

— Ты сдаёшься — и поэтому оставляешь шанс применить искусственное дыхание. — Он одним движением перевернул её на спину, нагнулся совсем близко и, едва касаясь груди, повторил тихое: — Не бойся.

Сердце, как пойманный зверек, бешено забилося в грудной клетке, ожидая неминуемого продолжения, но руки остались теми же спокойно-терапевтическими и продолжали теми же уверенными движениями скользить по груди и животу.

— Вообще-то я — хирург, — неожиданно признался он, — и поэтому, как всякий хирург, люблю кардинальное вмешательство. — Где твой муж?

— Мы разводимся...

- Долго?
- Что — долго?
- Сколько времени вы не можете развестись?
- Да мы можем...

Да какое вам дело? — хотела она добавить, но промолчала.

- Но не хотим.
- Да хотим! Просто как-то руки не доходят.
- Так ты ждешь, чтобы и ноги не дошли?

Ей действительно было тяжело ходить в первые дни голода. А на третий как-то привыкла и даже думала продолжать дальше, вот только позвонки ослабели от постоянной постели, и теперь она вынуждена была выслушивать поучения этого странного костоправа, которого ей прислали на дом друзья со словами: *о деньгах не беспокойся*. Как это не беспокойся? Гораздо удобнее было бы побеспокоиться, чем позволять этим рукам говорить всё, что им взбредет в голову!

- Ты Библию читаешь?
- Читаю.
- Что там говорится о жене и муже?
- Муж и жена — одна сатана?
- И это всё?

Достал, ей Богу. Лучше бы она откупилась от него деньгами. Тогда бы и не опоздал на два часа, превратив вечерний сеанс в ночной, и не навязывал ей искусственное дыхание и цитаты.

- Ты верная или неверная?
- Вы о чем?

— Или ты как река — забываешь всё, что через тебя проходит?

Неужели они чувствовали и это — руки, которые к ней прикасались, гладили, ласкали? Ей опять стало не по себе.

— На сегодня хватит, — он закончил свой сеанс так же странно, как и всё, что делал: круговыми движениями сначала по всему телу, потом — по животу и, наконец — над. Он водил над ней руками, а она с отвращением вспоминала многочисленных экстрасенсов, к которым мама водила её в детстве. К счастью, эти манипуляции длились недолго: его руки поднимались всё выше. Сейчас улетит, — испугалась она. Его руки поднялись настолько высоко, насколько хватил его собственный рост, потом сомкнулись, собрав в единый кулак то, что он вытянул из лежащего тела, и торжественно прошествовали в ванную, чтобы смыть *это* навсегда.

Утром она проснулась с бешеным аппетитом и желанием начать жизнь сначала. Ночной гость (затянувшийся массаж закончился в полночь) оставил после себя странное воспоминание, перешедшее в сновидение. Ей снился получеловек-полуангел, он делал ей массаж, а она повторяла:

— Какие у тебя ласковые крылья — научишь меня летать?

— Нет, — отвечал он сурово, — с тех пор, как я читаю вслух Библию, я перестал летать и тебе не советую — не дай Бог, последние позвонки выпадут.

— Ну почему же — последние? — недоумевала она. — У меня ещё есть — смотри! — и она протягивала ему позвонки, рассыпанные на ладонях, как монеты.

— Этого всё равно не хватит, чтобы открыть собственную клинику. Лучше сходи в магазин и купи чего-нибудь вкусенького.

Как это замечательно, что на свете ещё не вымерли бескорыстные люди! Она достала все наличные деньги, которые у неё оставались — хватит на пару недель, если жить экономно. И нечего было отключать холодильник преждевременно — за это время могло случиться всё, что угодно: долгожданная работа, неожиданное наследство, приезд прекрасного принца... В ней вдруг проснулось такое доверие к жизни, которое позволило даже в самой безнадежной ситуации предвидеть благополучный исход. Поэтому она не удивилась давно забытому голосу в трубке.

— Привет, это Малый из Германии. Как жизнь? — раздался бодрый немецкий голос.

— Продолжается, несмотря на моё сопротивление, — засмеялась она.

— Хочешь поучаствовать в моём новом проекте?

— Почему бы нет? Можно я перезвоню?...

Она поспешно положила трубку — перед глазами всплыло лицо желтого человека. Раскосые глаза излучали тепло.

ОДЕРЖИМОСТЬ

Это была одна из самых прекрасных ночей, которую она проводила в своей жизни. Сидящий напротив согревал своим присутствием, и огоньки вокруг журчащего фонтана напоминали маленьких эльфов, которые освещали их вечер. Наверное, таким был райский сад, — она позволила себе немного сентиментальности. В конце концов, не каждый день своей жизни она проводила рядом с любимым, тем более в городе, о котором давно мечтала.

Звонок разорвал внутреннюю тишину.

— Здравствуй, — услышала она полужнакомый голос. — Не узнаешь?

— Нет, — честно ответила она.

— Я когда-то имел неосторожность размножить твои лица на афишах. Там, где ты выпускаешь из рук бабочек — помнишь?

— А... — она внезапно вспомнила директора типографии, испытывав одновременно несколько смешанных чувств — радость оттого, что слышит голос этого человека и недоумение по поводу звонка. Несколько лет назад их сотрудничество оборвалось очень странно. После выполненного заказа он исчез: то ли ему было неудобно, что он задержался с продукцией в связи с браком, неожиданным для него самого, то ли у него были какие-либо другие причины. Она набирала его номер десятки раз, поскольку очень нуждалась в помощи, которую он, кстати, предложил сам, и вскоре перестала звонить, оставив проблему нерешенной. И вот он звонит сам, предоставляя возможность завершить незавершенные отношения (а отношения не завершаются, пока обе стороны не попрощаются), а заодно простить человека, который её так подвел.

— Извини, что беспокою тебя, но мне очень важно рассказать тебе один сон.

Предложение было настолько неожиданным, что в воздухе зависла пауза.

— Я не смогу рассказать его по телефону. Когда тебя можно увидеть?

— Я возвращаюсь послезавтра.

— Хорошо. Я перезвоню.

Его голос казался неестественно-деловым, как будто вместо него говорил кто-то другой, а он только пропускал через себя чужие слова.

— Кто это? — Позволил себе вопрос её возлюбленный.

— Старый знакомый, которому почему-то захотелось рассказать мне свой сон... Возможно, он нуждается в психотерапевте... После окончания курсов, ко мне обращалось пару человек по рекомендации моего учителя... К тому же, я давала объявления в Интернете.

— Может, пришло время заняться этим профессионально и начать зарабатывать деньги?

— Может быть.

Он позвонил в день её возвращения:

— Можно мне сейчас подъехать?

— Сейчас? — она удивилась неожиданной настойчивости. — Но я не одна.

— Мне очень важно рассказать сон побыстрее, пока он не забылся.

— Ну ладно, мы вернемся часам к семи...

Ей очень не хотелось терять этот вечер на выслушивание чужих проблем. Тем более, что её возлюбленный уезжал через несколько дней — у него заканчивался отпуск. Но она вдруг почувствовала себя обязанной выслушать этого человека. И даже не столько ради надежды на работу, сколько из какого-то внутреннего побуждения. Когда они подъехали к дому, его машина уже стояла. Он выскочил из неё и направился в их сторону. По-деловому пожал руку её спутнику, даже не взглянув на него, и заторопился к подъезду.

Прежде, чем рассказать сон, долго молчал, так что говорить пришлось ей — о последнем путешествии, работе в театре... Ей не очень-то хотелось говорить, она немного устала после дороги, но почему-то посчитала должным развлекать гостя. Наконец он решился.

— Ты вышла ко мне обнаженная и увела меня в спальню. А после я помнил только, что моя рука лежала у тебя на груди... Это было настолько реально... Похоже, я всё-таки попал в твой Невидимый мир.

Его сон был похож на один из эротических снов, которые снятся мужчине, если он влюблен. Но её гость не был влюблен — это было очевидно. К тому же она отлично помнила его откровения двухлетней давности, в которых он с таким теплом отзывался о своей жене и детях. И теперь, выслушивая его сон, она чувствовала смущение женатого человека, который столкнулся с чем-то запретным с точки зрения житейской морали. Его смущение передалось и ей, так что к концу рассказа у обоих лица горели. Но больше всего её поразила одна деталь:

— Когда я увидел этот сон во второй раз, я понял что нужно тебя разыскать.

— Так ты видел его дважды?

— Ну да! Первый раз я просто не обратил на него внимания, а вот во второй раз...

— Да... Я бы на твоём месте тоже позвонила...

Разговор был исчерпан, и он собрался уходить. Но вдруг обернулся:

— Да, я забыл об одной детали — единственных словах, которые я произнес во время сна... Когда мы лежали на постели и я положил руку тебе на грудь, не ощутив ничего, даже твоего тела, я произнес очень странную фразу: *С этого момента всё моё принадлежит тебе*. Так что — пользуйся, — и он рассмеялся, давая понять, что не лишен чувства юмора.

— Спасибо... Спасибо за то, что не побоялся рассказать свой сон...

Он как будто удивился. Ему бы и в голову не пришло что-то скрывать, а тем более — бояться. Быстро попрощался и уже на пороге добавил:

— Если мне что-нибудь вспомнится или придет какое-то понимание, можно звонить?

— Да, конечно.

Она закрыла за ним дверь — и поспешила в комнату к своему любимому, чтобы развеять то дурное настроение, которое он успел приобрести в течение этого часа, пока она сидела на кухне с незнакомым мужчиной. Неужели она не могла перенести эту встречу? Им предстояла неопределенно долгая разлука, а она так не ценила оставшиеся часы и мгновения. Вот когда он уедет, пусть хоть с самим чертом проводит свое время — тогда он при всем своем желании не сможет вме-

шаться в её личную жизнь... Когда она зашла в комнату, первое, что бросилось ему в глаза — её раскрасневшееся лицо. И хотя он вполне доверял ей, тем более ничего такого не могло произойти там, за стеной, во время его присутствия, он на всякий случай спросил, как можно небрежней:

— Всё в порядке?

— Надеюсь, — ответила она неуверенно.

Он позвонил в день его отъезда.

— Что делаешь?

— Да вот, вернулась из аэропорта — и грущу.

— А я сегодня на речку решил выбраться. Составишь компанию?

— Конечно. — Она очень обрадовалась этому предложению. Ей и в самом деле захотелось искупаться, потому что день выдался очень душный.

— Я за тобой заеду в три.

Он оказался на редкость пунктуальным. А к четырем они уже входили в воду. Здесь было чисто и неглубоко — и она отплыла подальше от берега. Неожиданно её стало уносить течением, и сколько она ни гребла, её затыгивало всё дальше и дальше. Она уже готовилась позвать на помощь, но представила, как смешно будут звучать её слова на фоне мелководной речушки... И вдруг уперлась о дно. Вода не поднималась выше шеи — и она побежала к берегу, стараясь как можно быстрее отдалиться от места своего страха.

— Ты не поверишь — я чуть не утонула!

Он только засмеялся в ответ — он-то знал наизусть эту речушку.

Незаметно подкрался вечер, заставив их переодеться в сухие одежды. Ей стало холодно.

— Хочешь согреться? Здесь недалеко — маленький ресторанчик. Можем попить чаю.

Они выбрали место на веранде и не покидали его до тех пор, пока последний комар не высосал из неё остатки лишней крови.

— Почему меня не кусают?

— Ко мне всегда присасывается всякая гадость. Месяц назад на озере укусил какой-то клещ — до сих пор опухоль не спадает.

Выпив два чайника чая с десертами и рассказав множество пустых историй о своей прошлой жизни, они собрались уходить, но тут увидели двух кроликов возле колес его автомобиля.

— Это наши жильцы, — пояснила официантка с какой-то непонятной гордостью.

— А я подумала, что мне померещилось.

— Когда кажется, креститься нужно, — он засмеялся во второй раз за этот вечер — и на его лице явственно проступили два клыка. — Она автоматически перекрестилась.

— Никак не почию зубы, — отгоняя её нелепый страх, произнес он. — Мой дантист запил горькую, а я бы не хотел менять врача.

Они расстались, когда на улице совсем стемнело. Она почему-то не хотела приглашать его в дом, хотя видела, что он никуда не торопится. Она ждала звонка от своего возлюбленного, который всегда сообщал ей, как добрался.

— Ты его любишь? — неожиданно спросил он.

Она вздрогнула — настолько точным было попадание.

— Понятно... Если что-то будет нужно, звони.

Она удивилась такому предложению. Что ей могло понадобиться от этого человека, у которого была своя жизнь, своя семья, свой успешный бизнес — ей, чей мир никак не соприкасался с его собственным?

— Полиграфия меня, конечно, кормит, но и загоняет в такую ловушку... Иногда очень тяжело сознавать то, что ты себе не принадлежишь...

— А кому ты принадлежишь?

— А об этом мы поговорим в следующий раз...

Когда она поднялась к себе и прильнула к окну, его машина ещё стояла во дворе. Он явно никуда не торопился. Но она поборолась в себе мгновенный соблазн спуститься и провести с ним ещё несколько минут. Телефонный звонок оторвал её от наблюдений. Но звонил не тот, кого она ждала.

— Я забыл пожелать тебе доброй ночи.

— Спасибо. И тебе. Почему ты не уезжаешь?

— Мне некуда спешить. Я неожиданно попал в паузу. У меня очень редко в жизни... случаются паузы. И я совсем не умею их заполнять.

- Заполни воспоминаниями о сегодняшнем дне.
- Он тебе понравился — этот день?
- Да. Спасибо за реку. Я бы в такую даль сама не добралась.
- Спокойной ночи.

Но его пожелание не сбылось: сон наступил под утро — как долгожданное избавление. В эту ночь ей снилась река — мутная и бурлящая, в которую она не решалась войти, пока не увидела над волнами голову со знакомыми очертаниями. Голова то появлялась, то исчезала и без очков сильно отличалось от той, какую он обычно носил на плечах. Губы шевелились, что-то произнося. Она прислушалась и сквозь шум воды различить *помоги*. Ещё не понимая, чем может помочь — её сил явно не хватило бы вытащить его оттуда — она вступила в реку и осторожно двинулась навстречу утопающему. Однако, не успев пройти и нескольких шагов, увидела, как река от соприкосновения с ней окрасилась в красный цвет. Неужели я поранилась? — удивилась она, но тут же снова услышала голос: *Помоги мне!* Она сделала ещё несколько шагов, но голос её остановил:

- Помоги мне найти очки! Я, кажется, их потерял.
- Она засмеялась навстречу такой неожиданной просьбе — и проснулась от телефонного звонка.
- Доброе утро, я не разбудил тебя?
- Разбудил.
- Я только хотел пожелать тебе доброго утра. Ты обычно в какое время встаешь?
- После десяти...
- Ладно, в следующий раз, надеюсь, позвоню вовремя.

В следующий раз она не забыла положить трубку на базу, и когда, проснувшись, подошла к телефону, прослушала на автоответчике ещё одно *доброе утро*, произнесенное знакомым голосом. Он стал оставлять его каждый день, а потом звонил, чтобы подтвердить, а вечером — чтобы пожелать спокойной ночи, изредка переспрашивая:

- Я тебе ещё не надоел?
- Её всегда озадачивал этот вопрос, казавшийся подобием кокетства — как может надоесть внимательное отношение?

В эти последние летние дни, когда театр должен был вот-вот открыться, и не имело смысла уезжать на далекое море, в её жизни появилась огромная пауза, напоминавшая пустоту, которую хотелось чем-нибудь запомнить. И его звонки отлично справлялись с этой задачей. Правда, её смущала какая-то систематичность, которая проступала в них: почему он звонит каждый день утром и вечером? Почему ОН звонит ЕЙ?

Однажды утром она не услышала привычного сообщения. Вместо него он позвонил в полдень и, поздоровавшись, неожиданно спросил:

— Что делаешь?

— Читаю книгу знакомого режиссера.

— И что пишет твой режиссер?

— О, в двух словах не перескажешь... Он пишет о театре метафоры, и о том, что его собственный театр воплотил в себе его черты. Очень интересная и полезная книга...

— Хочешь услышать моё мнение о театре?

— Скорее — да, чем — нет.

— Тогда я приглашаю тебя на обед.

— Куда?

— В кафе возле твоего дома.

— Хорошо. А когда?

— Я уже здесь. Так что, поторопись.

Ей совсем не хотелось обедать. В это время она обычно завтракала. Но отказываться от приглашения посчитала неудобным.

— А что ты делаешь в театре?

— Так, небольшие роли в парочке спектаклей, которые раньше казались интересными...

— А теперь?

— А теперь мне кажется, что я их уже переросла.

— Тогда почему не оставишь театр?

— Не знаю. Наверное, мне просто нравится выходить на сцену... И нужно же где-то работать... Хотя бы понарошку...

— А ты знаешь, что раньше актеров даже не хоронили на кладбище, потому что лицедейство считалось богопротивным делом?

— Но, слава Богу, часы мракобесия уже миновали...

— Почему же мракобесия? Разве ты не знаешь, что актеры более других подвержены влиянию различных сил?

— Конечно, подвержены. Это их профессия. Качество актерской игры и определяется умением максимально глубоко проникнуть в образ.

— А если это образ нечистого?

— Тогда они, чаще всего, погибают... Я где-то читала, что все, кто играл Фауста, кончали плохо...

— Ну, это были явные свидетельства. А ведь есть много такого, что невозможно распознать, что происходит не на физическом, а на духовном плане...

— Ну да, есть, конечно. —

Её начал тяготить этот разговор. Не хватало ещё, чтобы он затеял тут проповедь. Она вспомнила одну из сцен двухлетней давности. В тот день они ехали забирать плакаты из типографии, и по дороге он с воодушевлением рассказывал, как однажды шел через заснеженный лес в забытую Богом деревеньку, только для того, чтобы донести до её темных обитателей Слово Божье. Сначала она с восхищением слушала про этот жест, пока в его словах не проступила настойчивость, граничащая с бестактностью:

— А ты разве никогда не чувствовала, как через каких-то людей ты соприкасаешься с миром нечистоты?

— Конечно, чувствовала...

— Особенно легко этот мир проникает через сексуальные связи. Вот почему так плохо менять партнеров.

— Партнеров менять плохо в любом случае.

— Именно в этом. — Он сделал ударение на последнем слове — и ей стало не по себе при воспоминании о нескольких совместных днях отдыха на море с их общим знакомым, которого он считал одержимым. Тогда у неё началось одновременно отравление, сердечные боли, проблемы с костями — и всё это на ровном месте. Она испугалась и поспешила завершить короткий роман. Тем более, что знакомая видящая шепнула ей на ухо:

— Типичный вампир. Будь с ним поосторожней.

— Ты даже себе представить не можешь, какой разрушительной силой обладают эти существа, — продолжал он разговор двухлетней давности.

— Ну да, суккубы, инкубы...

— Что, что?

— По средневековым представлениям — это женские и мужские духи, которые во время сна овладевают телами спящих и подчиняют их своей воле... Но мы, к счастью, не в средневековье...

— Ты ошибаешься, — он опустил глаза. — Я очень долго занимался этим вопросом и кое-что знаю о духах низшего порядка.

— А я знаю только одно: чем больше ты о чем-то думаешь, тем больше ты притягиваешь это к себе. Поэтому стараюсь думать только о светлом. И если во мне есть какие-то темные стороны, то свет, о котором я думаю, обязательно растопит их.

Он замолчал, задумавшись над чем-то. Потом тихо произнес:

— Ты знаешь не хуже меня, что тело — греховно. Потому что мы живем по плоти.

— Нет, не знаю. Я чувствую своё тело храмом. Особенно — в минуты любви...

Она осеклась. Не хватало ещё, чтобы она начала описывать ему свои состояния во время секса. Не на исповеди же она тут сидит и не в гостях у подружки. К этому времени принесли её любимый суп из чечевицы, но жар, который поднялся в ней после этого разговора, перебил всякий аппетит. Её лицо, руки, всё её тело горело, и каждый глоток горячего супа усиливал этот жар.

— Почему ты не ешь?

— Жду, пока остынет.

— Он разве горячий?

— Нет, горячая — я.

Он внимательно посмотрел на неё — и она вдруг обнаружила в нём мужчину. До этого мгновения она общалась, скорее, с его духом, как говорил её друг психотерапевт. Однажды он дал своим студентам, в числе которых оказалась и она, задание пообщаться с духом сидящего напротив. Тот, кто стал разговаривать с ней, с первой минуты заявил, что она напоминает ему нечто воздушное — то ли облако, то ли сгусток света, который ветер подхватывает, когда ему вздумается, и носится с ним по небу. И вот сейчас она попыталась определить дух человека, сидящего напротив, потому что этот дух показался ей интересным. Конечно, как профессиональ-

ной актрисе ей был интересен дух каждого человека и из каждой встречи она извлекала ту или иную черту, которая могла бы пригодиться на сцене. Мужские черты в этом смысле были бесполезными, но она всё равно интересовалась ими из чисто альтруистических побуждений. И конечно, дух, который она искала в этом человеке, отличался от природы тех духов, о которых он то и дело спрашивал:

— Какого он духа?

Эту фразу он применял абсолютно ко всему. И она не могла понять, почему ему так важно было ответить на этот вопрос. Проповеди он давно оставил, превратившись в честного бизнесмена, который всё своё время посвящал заработку денег. Не от большой любви к самим деньгам, а потому что у него была семья — жена и двое взрослых детей, которых он продолжал обеспечивать.

И вот, она смотрит на этого духа как на мужчину — и мгновенно успокаивается. Он обладает всеми необходимыми качествами, для того, чтобы никогда не превратиться в её любовника: возрастом, превышающим её собственный раза в полтора, небольшим животиком, говорящим о некоей сытости, чреватой обывательщиной, и главное — семьей, которой он служит верой и правдой. Она смотрит на всё это — и у неё мгновенно проходит жар: она съедает второе блюдо с огромным аппетитом, несовместимым с её небольшим телом, и заказывает десерт, чем приводит его в некоторое замешательство. Ничего, будет знать, как приглашать на обед голодных актрис.

Они расстанутся внезапно — ему звонит кто-то очень важный, которому он обещает сделать всё от него зависящее. Он просит одновременно у официанта счет и скоропостижно прощается с ней, даже не поинтересовавшись, хочет она этого или нет. Хочет, хочет. Последние десять минут она только и думает о том, как бы поскорее смыться. В ней закипает непонятное раздражение беспричинной природы, с которым она не хочет бороться по причине нестерпимой жары на улице — странное, однако, лето в этом году: непоправимо позднее.

— Доброе утро. Я хотел извиниться за вчерашнее бегство. Мне звонил очень важный заказчик...

— Понимаю.

— У меня неожиданно хорошо пошли дела. Ты принесла мне удачу. Не понимаю, как это произошло...

— Ты — не первый человек, который говорит мне об этом.

— Правда? Так ты знаешь о таком своем качестве и не пользуешься им?

— Я же не бизнесмен, чтобы превращать свои качества в деньги. Я не умею.

— Хочешь, научу?

— Хочу.

— Ну вот, например, если кто-то звонит и предлагает... Извини, отвечу на звонок...

Он долго отвечал на звонок. За это время у неё высохли волосы после душа, сбежало молоко и квартира наполнилась запахом гари.

— Извини... Давай встретимся и поговорим.

— Давай. Например, в пятницу.

— А что ты делаешь сегодня?

Такого вопроса она не ожидала, поэтому честно призналась:

— Ничего.

— Тогда я приеду.

— Когда?

— Сейчас.

Вчерашняя ситуация повторялась, усугубленная ещё большей несвободой: из своей собственной квартиры она не сможет сбежать в случае затянувшейся беседы... Но кто-то вместо неё отвечает:

— Приезжай.

Он приехал через четыре минуты и остался на несколько часов.

— Может, посмотрим какой-нибудь фильм? — предложила она в один из тех моментов, когда пауза граничила с неловкостью.

— Зачем мне фильмы, когда есть ты? — удивился он. — Я не люблю эрзацев: не люблю картин, когда можно выехать на природу, не люблю фильмов, потому что они мешают проживать собственную жизнь...

— Я согласна, что лучше проживать собственную жизнь. Но искусство выполняет другие функции...

— Какие же?

— Ну, например — вмешивается в жизнь и преобразует её.

— Искусство не властно сотворить ничего нового. Оно само — вещь сотворенная. Эрзац. Суррогат жизни.

Ей стало не по себе. Как в прошлый раз, когда речь зашла о театре. Не оттого, что он говорил, а оттого, что вместе со словами на него как будто накатывала темная волна, причем, со всех сторон одновременно, мешая разглядеть лицо. Может, это эффект от очков? В такие минуты ей хотелось отвернуться... Но больше всего её смущало отрицание им именно того, из чего он сам состоял. Его полиграфическая продукция по большому счету была нужна только тем, кто удовлетворял с помощью рекламы свои амбиции и была воплощением эрзаца, которого он пытался избежать в области искусства, а постоянное вопрошание *какого он духа?..* Она вспомнила одно из забытых изречений забытого мудреца: *Люди всегда отвергают то, что содержится у них внутри. Как правило, больше всего в других их раздражают собственные недостатки, пороки и грехи.* Если этот человек содержал в себе всё, от чего он шарахался, от него нужно было держаться подальше. Но её мысли перечеркнула единственная фраза:

— Если бы ты знала, как от тебя не хочется уходить.

— Я знаю. У меня — хорошо. Светло.

— Можно мне заглянуть в комнату из моего сна? —

И, не дожидаясь ответа, он направился в спальню. Вышел не скоро, перейдя все временные рамки приличия, и тут же направился к входной двери, бросив на пороге:

— До свидания.

Ей снова приснился кошмар. Каждый раз после их встречи ей снился один и тот же сон: мутные воды реки, которые окрашиваются в красный цвет, когда она ступает в них, услышав крик утопающего. На этот раз на его лице были очки и он повторял: *Я всё вижу, я всё вижу, плыви ко мне, плыви ко мне.* Она хотела объяснить, что не может, что на берегу её ждет мужчина, но течение относило её всё ближе к нему, и когда она подплыла вплотную, она вдруг увидела, что это он — источник красного цвета — его голова напоминала за-

ходящее за горизонт красное солнце. Значит, на следующий день будет сильный ветер, нехстати вспомнилось народное поверье.

Он стал приходить каждый день. А однажды остался до ночи.

— А знаешь, я не целовал женщину три года, — сказал он тогда и, почувствовав на себе взгляд сожаления, подхватил её на руки и отнес в комнату своего сна, чтобы воплотить его.

На следующий день он пришел без предупреждения — и повторил вчерашний опыт. А она под его руками, его телом, тяжестью и одновременной мягкостью, с которой она сживалась всё больше, чувствовала, что отныне не принадлежит себе, что её тело начинает подчиняться чужому ритму, сливается с этим ритмом и растворяется в нём. Он приходил три дня подряд. Врывался в её дом, в её тело, между мыслями о нём, о другом, между телефонными звонками, на которые он не отвечал, до изнеможения впиваясь в её плоть. Он врывался в её жизнь до тех пор, пока на четвертую ночь она не поняла, что настолько слилась с ним, с этим насилием, полным нежности и неги, что уже не может перенести те минуты, когда её тело остается наедине с собой. Она почувствовала всепожирающий огонь, который начинался в его отсутствие, где-то в глубине, в бермудском треугольнике тела, на дне которого стучала огромная матка. Она обретала чудовищные размеры, была подобна земному шару, содержала в себе мириады живых жизней, и мириады миров, которые создавали эти жизни, и мириады духов, которые плодили эти миры. Эти духи сжигали её, сжирали её нутро, делали невозможной одинокую ночь, толкали к телефону с одновременной надеждой, что он не откликнется на её крик, внушали невозможность дожить до рассвета...

— Знаешь, я, наверное, не буду прикасаться к тебе какое-то время, — пообещал он, услышав её бессвязные бормотания и увидев огромные синяки под глазами, которые говорили красноречивей, чем все её слова.

И она уснула в эту ночь. Какое-то время её ещё терзал его призрак. Снова — над волнами, и снова с той же просьбой: *Помоги!*

А на следующий день он позвонил и рассказал свой сон:

— Ты была птицей и бабочкой одновременно. Ты летала надо мной и хотела опуститься, но я почему-то не позволял тебе этого сделать. Я не отталкивал тебя. Напротив — я желал тебя всей душой — не телом, которого я не чувствовал. Знаешь, с тобой я совсем перестал чувствовать своё тело. Я понимаю, это звучит смешно, мы занимаемся сексом, но каждый раз, когда я покидаю тебя, мне кажется, что я от чего-то освобождаюсь.

И он приходил снова — и всё повторялось. Как только он уходил, её тело вспыхивало ненасытным огнем, сжигающим нутро — и огромное темное тело с неестественно огромным животом наваливалось на неё, проникало сквозь все отверстия, прорастало огромным стволом, ветвящимся во все стороны. Он разрастался внутри её тела, обжигал внутренности, рвал их на части. Она кричала ему: Уходи! Но он уже пускал корни, впитывая все жизненные соки, высасывая их — каплю за каплей, каплю за каплей.

Она перестала подниматься. Днями лежала и не находила в себе сил выйти из квартиры. У неё болело всё тело. Укус клеща, который не проходил в течение месяца, превратился в огромную красную рану на животе. Её дни смешались с ночами, а ночи наполнились кошмарами, сошедшими с картин Иеронима Босха или средневековых хроник описания ада. Несколько раз она тянулась к телефону, чтобы вызвать скорую помощь. В такие минуты она предпочитала попасть в психушку, где её заколют транквилизаторами и убьют остатки нервных окончаний, которые всё больше сплетались с ветвями огромного ствола, проросшего в ней. Тогда она вспоминала свою мать — психодиспансер не пошел ей на пользу. А может, это — наследственное? — Последняя мысль, как ни странно, успокаивала и позволяла уснуть.

Ей пришлось покинуть театр — у неё не осталось сил даже на маленькие роли. Он отреагировал неадекватно:

— Ну вот, хоть какая-то польза от твоей болезни. Зачем тебе тратить попусту своё драгоценное время?

— А что, мне тратить его только на тебя? — хотела спросить она, но почему-то промолчала. Последнее время она во-

обще стала замечать, что говорит и делает не то, что хочет. И если до встречи с ним она считала себя совершенно свободным человеком, он внес в её жизнь то, что отсутствовало в ней: тотальную зависимость, которая с каждым днем увеличивалась по мере того, как она постепенно превращалась в калеку. Она всё чаще вспоминала своего психотерапевта. Однажды он рассказал историю о боксере, у которого были какие-то проблемы с матерью: он не мог видеться с ней так часто, как ей хотелось, из-за постоянных соревнований. Ситуация разрешилась в пользу матери: перед каждым соревнованием у него что-то ломалось — то нога, то рука. Таким образом, мать оставалась рядом, поскольку ей приходилось ухаживать за ним.

Он приходил каждый день — приносил лекарства, еду... Был внимательным и заботливым. Местами напоминал отца. Но рядом с ним она всегда испытывала тревогу особого свойства: его присутствие возбуждало её тело, даже на расстоянии. А когда он уходил, возбуждение оставалось от одной мысли о нём. Как будто кто-то, имя которого она не знала, вселялся в неё и не выходил, пока она не начинала кричать, как одержимая *Изыди*. Её тело извивалось в судорогах. Её душа превращалась в пленницу. Её дух готов был сломаться. Её жизнь разлагалась на части.

— То же, что и у всех: тысяча и одна болезнь, — невозмутимо размышлял врач. — Но они все не страшные. Как говорится, если вы просыпаетесь в один прекрасный день, и у вас ничего не болит, значит, вы умерли. Хуже другое: у вас проблемы с иммунитетом, и совсем нет сопротивляемости.

Он заразил меня СПИДом! — в ужасе думала она, и тут же понимала, насколько безосновательными были её опасения: анализы были нормальными. С каждым днем ей становилось всё тяжелее смотреть ему в глаза, а на вопрос *Почему ты на меня не смотришь?* — дать вразумительный ответ. Ей было неудобно за ночные кошмары перед тем, кто днем выглядел совершенно нормальным, а ночью являлся плотоядным, пожирающим её тело инкубом, которого она пыталась отогнать молитвами, неестественно громкими криками и ударами ног, бивших его в волосатый круглый живот и воображая уродом с торчащими клыками, козлиными ногами и глупыми рожками. Ну всё, крыша поехала, — прорывалась

здравая мысль — и ей становилось стыдно не столько за свои ощущения, сколько за то, что она попалась на чужую удочку: уверенность другого в существовании мира духов, с которым он, по его словам, был хорошо знаком, но о котором никогда не рассказывал. А она не спрашивала. Поскольку чувствовала, нет — знала, что будет окончательно побеждена в тот момент, когда поверит в их существование и устрашится, когда произнесет навстречу ему проклятие, которое, конечно, обрушится на неё.

И она продолжала впускать его в свой дом в дневное время, защищаясь щитом бесстрашия. Хотя каждая встреча была невероятным испытанием — такого притяжения она не испытывала ни к одному мужчине. И когда она не выдерживала, погружаясь в волну болезненного желания, и продлевала его, бросаясь в его объятия, которые сторожили её, как пауки, она знала, что расплатится за это ещё одной ночью, сводящей с ума. Но в одну из таких ночей она надеялась долететь до самого дна, где обитает предел страдания, пройти его насквозь, отказаться от своего желания изнутри, как отказываются от собственного ада — и вернуть себе себя — недоступную для проникновения. А на следующий день она запрещала ему касаться даже руки, потому что через прикосновение в неё переходили силы, проводником которых он был. И только глаза... Она всё чаще опускала их — как единственные окна души, в которые мог просочиться обжигающий свет.

Спасение пришло неожиданно. Когда ей казалось, что испытание не кончится никогда, и что её жизнь отныне превратится в нескончаемую физическую пытку. Когда она уже смирилась с бессонными ночами и короткими паузами отдыха между встречами, в которые она обретала временное спокойствие.

— Здравствуй, — услышала она родной голос.

— Как давно я тебя не слышала.

— Я звонил тебе много раз. Твой мобильный почти всегда отключен. А на домашнем меня встречает неизменный автоответчик.

— Я... тяжело болела.

— Что такое?

- Потом расскажу.
- Я приеду в конце недели. Ты меня ждешь?
- Как никогда.
- Тогда до встречи. Ты можешь меня не встречать, если ты больна...
- Нет, нет, к твоему приезду я обязательно выздоровею.

На третий день голодания тело и дух пришли в гармонию. Но когда он переступил порог спальни, у неё подкосились ноги. В ней было столько страха, что он перекрыл все желания. Захотелось крикнуть: *Не прикасайся ко мне, я — нечистая!* Это был страх осквернить его тело своим прикосновением. Она чувствовала себя испачканной, грязной, падшей...

— Знаешь, ты меня извини, но я сегодня не в форме... — только и смогла выдать она.

— Разве я похож на насильника?

Он разделся, сел на постель, потянул её за руку, снял с неё все вещи и аккуратно сложил. Её тело дрожало — оно не чувствовало ничего, кроме страха, конечности были мертвецки холодными, а где-то в районе груди, между ребрами стучал каменный комок боли, от которого она задыхалась.

— Ляг ко мне спиной, вытяни руки вдоль тела, почувствуй моё тепло, почувствуй, как оно перетекает в тебя. Очень внимательно следи за тем, что происходит с твоим телом. Представь, что оно наполняется светом. Почувствуй свет во всем своем теле. Скажи этому свету: здравствуй. Скажи этому свету: люблю.

— Я тебя люблю, люблю, — повторяла она на следующий день. — Я не устану повторять это всю оставшуюся жизнь...

— Не зарекайся.

— Но я хочу остаться с тобой навсегда. Ты — мой свет... Как тебе это удалось? Научи меня — и я тоже смогу исцелять людей.

— Начни с себя.

— Нет, я серьезно!

— Я — тоже. Каждый человек может вылечить себя сам. Но для этого ему необходим другой. Тот, который в момент слабости, будет любить его за двоих.

— Но как ты это сделал?

— Просто прочел много раз *Отче наш*, чтобы набраться сил у того, кто сильнее меня, а потом с этими силами, направил всю свою любовь на маленькое тело, чтобы одушевить его, потому что к этому моменту оно было отделено от души. Я очень четко понимал, что пока оно не станет живым, я не смогу к нему прикоснуться. А ещё... я производил над тобой магические пассы... — он засмеялся, неестественно преувеличенно водил над ней руками, и она засмеялась вслед за ним. Впервые за последний месяц.

— Я приеду через месяц. Если хочешь, мы можем устроить какой-нибудь праздник. Например, свадьбу.

— Ну, знаешь... Это как понимать?

— Принимать. За предложение руки.

— И что я должна ответить?

— Ты можешь не торопиться. У тебя в запасе месяц.

Месяц. За это время могло произойти всё, что угодно — пожар, потоп, звонок...

— Я всё это время думал, могу ли позвонить тебе... — Его голос напоминал голос из загробного мира. — И хотя бы узнать: как ты?

— Я перестала болеть и всё это время была очень счастлива. А ты?

— А я чуть не умер. Со мной начали происходить непонятные вещи: руки дрожали, начался какой-то нервный тик, я совсем не мог есть, похудел...

— Значит, экзорцизм пошел на пользу.

— Не говори глупостей. Лучше посоветуй, что мне делать теперь, когда я наконец понял, как люблю тебя, а ты лишаешь меня любой возможности выразить свою любовь?

— Я не могу принять от тебя любовь.

— Но почему?

— Она меня разрушает. В твоём присутствии я могу произносить и делать только то, что хочешь ты... Вернее, то, что проходит через тебя...

— Ничего не понимаю. Почему же ты не сказала мне об этом сразу? Ты не доверяла мне?

— А ты — почему ты не рассказал мне о том мире, проводником которого являешься?

— Я боялся тебя потерять. И ещё я надеялся на то, что твой свет избавит меня от этого ада. Ты же сама говорила: любовь побеждает всё! А теперь бросаешь меня...

— Извини, но я оказалась недостаточно сильной, чтобы спасти тебя и недостаточно чистой, чтобы очистить. Вместе с тобой я погрузилась в собственную темноту.

— Тогда ты хотя бы ответила на вопрос, ради чего были все эти страдания?

— А может быть, не стоит во всём искать высший смысл? Бабочки всегда летят на огонь.

ИСПОВЕДЬ

Заходя в церковь, он испытал легкое головокружение. Может быть, потому, что все прожитые годы логическим путем хотел прийти к тому, к чему можно было прикоснуться лишь сердцем. То уговаривал себя: пора, разменял шестой десяток — и до сих пор не позаботился о душе. То просто накапывало что-то темное, давящее, от чего можно было освободиться только одним способом: выговорить его, выжать из себя — в такие минуты он вспоминал чеховское *выдавливает по капле раба*. То просто проходил мимо незнакомой церкви — и тревожное напоминание рождало желание зайти...

Он и вправду давно хотел исповедаться. Но, захваченный суетой сует, не мог выбрать подходящего места, времени и, наконец, состояния. А сегодня отчетливо осознал, что это его последний шанс. Завтра уже маячило перед его глазами операционным столом — как и исповедь — первым в его жизни. Надо же, столько пережить — и до сих пор испытывать что-то впервые. Значит, не всё ещё пройдено, значит, есть впереди ещё что-то, что дает надежду на обновление... Эта надежда в нем обострилась особенно последнее время, когда вся страна жила ожиданием своего будущего, когда многие переселились на площадь, оставив свое прошлое в комфортабельных квартирах и испытывали лишения, лишь бы иметь шанс войти в новый год обновленными и свободными.

Переступая порог, он перекрестился — правила он почитал, только редко пользовался ими, поскольку захаживал в церковь не часто, разве что в праздники и когда уже совсем не по себе становилось — чтобы изгнать бесов уныния, которые отшатывались от зажженной свечи и покидали его до поры до времени. Последние годы он заходил в одну и ту же церковь — на окраине Киева, немногочисленную, непритязательную — снаружи красный кирпич, а внутри — белым бело. А вокруг — шестнадцатизэтажные дома и сосны. Запутаясь в трех соснах, помотришь наверх — и выйдешь прямо к кресту, как к спаси-

тельному маяку. Уставая на работе от ежедневного шума, от светской болтовни, от бесед со знаменитыми и неизвестными, он нуждался именно в таком тихом месте, где каждый шаг входящего отпечатывался в воздухе, а пламя свечи дышало вслух.

Он огляделся в поисках священника, с которым договорился накануне. Молчаливый, худосочный, средних лет, каким и должен быть священник. Во всяком случае, такие вызывали у него доверие. Тот уже поджидал. Они отошли в сторону. Он послушно опустил голову, на которую легла черная ткань и легкая рука сверху, и начал с первого, что просилось наружу:

— Отец, я грешен.

— Все люди грешны, — ответил священник голосом, хорошо усвоившим каноны.

— Мне иногда приходится снимать то, что мне не хочется. Дорогие рестораны, казино, пустых людей, которые наполняют свои вечера никчемными забавами, потому что им нечем наполнить свои жизни.

— Жизнь можно наполнить дыханием Божьим, и можно различить в этом дыхании божественное Слово, а также можно прочесть в воздухе священные письма, скрытые от глаз посторонних...

Неужели и здесь можно страдать припадками красноречия? — мелькнула дразнящая мысль. Он почувствовал себя почти обманутым. Он пришел явно не для того, чтобы брать очередное интервью у очередного эго, даже если это эго пропитано многовековой мудростью. Он сам хотел выговориться. Правда, выговориться так, чтобы не выворачивать душу наизнанку, чтобы не перечислять всего того, что не забывается, всего, за что бывает стыдно настолько, что произнеси он это вслух, единственным желанием было бы сбежать подальше от этого признания, из этой церкви. Но бежать было некуда. Впереди маячил тусклый зимний день, первый день его отпуска, который он решил начать с покаяния. Он вспомнил отрывок из фильма Тенгиза Абуладзе — и отвлекся. Сработала профессиональная привычка. Кадры замелькали перед глазами, сначала — общими планами, потом — отдельными деталями. Он в который раз восхитился операторской работой и немного позавидовал тому, кто стоял за камерой, направлял объектив, выбирал фокус и выставлял освещение.

Вспышка света вернула его в настоящее время — с его головы сползал кусок ткани. Рука сверху поспешила исправить ошибку. Хотя голос священника давно смолк и смиренно ожидал продолжения.

Внезапно, ему стало неудобно за то, что он так скоропостижно, пусть даже мысленно, упрекнул батюшку в словоблудии. Сам-то он легко поддался блудомыслию, забыв, для чего он здесь. Про себя он поблагодарил священника за терпение и попытался продолжить. Но мысль его, описав круг, вернулась обратно — и он продолжил свою исповедь с той самой фразы, с которой начал:

— Я грешен, отец.

На этот раз священник промолчал. То ли так было принято — успокаивать заблудшего только единожды, не отвечая на одну и ту же реплику дважды, то ли священник прочитал его мысленные обвинения — и решил больше не вступать на торный путь философских изысков.

— Мне очень тяжело видеть эти невозмутимые лица, швыряющие жетоны на рулетки, эти сытые физиономии, пожирающие дорогие блюда так легко, как будто нет ничего естественней, — выбрасывать сотни долларов на ужин. Мне тяжело смотреть на дорогих женщин с застывшими кукольными улыбками на искусственных лицах... Несколько раз я ловил себя на страшных мыслях: мне хотелось наехать на эти благополучные лица камерой, разбить её на голове самых непробиваемых...

— Не нужно испытывать агрессию по отношению к убогим мира сего. Любое зло побеждается любовью...

— Но если этого зла становится так много, что каждый вечер эфирное время выделяется на съемку кабаков, и камеры заказывают те, у кого больше денег, а настоящая культура остается достоянием немногочисленных избранных, которые зачастую не могут получить к ней доступа: кто — в силу финансовой несостоятельности, кто — от недостатка информации? А те, кто платят, зачастую не представляют, с каким гарниром можно подавать искусство, так чтобы оно способствовало хорошему пищеварению. Не говоря уже о том, что сейчас, когда столько людей пожертвовали своими рабочими местами, когда город вышел на площадь и зажил единой жизнью, когда многие довольствуются полевыми кухнями и мерзнут на морозе...

Он говорил слишком долго, он это понимал. А главное — он разговаривал сам с собой. Так что священник оказался как будто даже лишним. Последний, казалось, почувствовал это и впал в какое-то оцепенение, замолчав чуть ли не навсегда. А слышит ли он вообще? — мелькнула ещё одна мысль из серии предыдущих...

— Да, сын мой, — ответил тот на молчаливый вопрос не то бесцветно, не то безразлично.

И тогда новая волна раздражения поднялась в нем. Он забыл, для чего он сюда пришел, забыл о том, что завтра ему предстоит операция, исход которой не мог предсказать никто, забыл о том, что дома его ждет жена, придающая особое значение его первой, а может быть, и последней попытке очистить свою душу традиционным способом. Зато он хорошо помнил лица, облаченные в длинные рясы, которые ходили по площади вдоль толпы с бело-голубыми флагами и лица тех, которые вышли в прямой эфир на 5-й канал — священников, уволенных после отказа агитировать за того, кто казался сильнее. *Мы пришли в этот мир проповедовать слово Божие, а не влиять на политические игры*, говорили они, окутанные оранжевым ореолом свободы, но не декларирующие своей принадлежности ни к одной из партий.

— Тогда позвольте задать вопрос, — произнес он голосом, переполненным гневом, — за кого вы лично голосовали?

Его встретило молчание. По-видимому, священник не знал, как ответить. Возможно, ему вообще впервые в жизни задавали подобные вопросы на исповеди. Может быть, его голос уже готовился к выходу, но был оборван нетерпеливым и почти враждебным голосом исповедующегося:

— Можете не отвечать. Я знаю. Все киевские церкви московского патриархата голосовали за этого бандита. Но почему, скажите?

— Но вы же сами знаете, — голос прозвучал так подавленно, как будто раздавался откуда-то из глубины и вообще — принадлежал кому-то другому.

— Да, я знаю. Я знаю больше, чем вы, потому что работаю на телевидении. Но я хотел бы услышать от вас непосредственно: почему вы пошли за ними, а не за нами? И почему вы вообще пошли, а не остались в стороне от мирских забот, вы, спасающие души — не карьеры?

— У меня большая семья. Я не мог лишиться работы, — голос священника стал совсем тихим и тусклым, но в нем слышалось столько неподдельного тепла, что истца бросило в жар, и вспышка света второй раз вернула его к настоящему.

— Спасибо, — сказал он поспешно, ещё больше удивив священника. — Благословите меня на операцию. И отпустите грехи...

— Отпускаю грехи, сын мой, и благословляю, иди с миром, — священник произнес это почти скороговоркой, перекрестил опущенную голову и, когда она неуверенно поднялась, впервые посмотрел в глаза странному прихожанину. Последний с той же поспешностью направился к выходу, подавляя в себе внезапное желание обернуться: ему казалось, что священник ещё стоит на том самом месте, где происходила их странная исповедь, и ждет его.

Уже стоя у порога, он подавил в себе мучительный приступ новых желаний: повернуть обратно и попросить прощения за свою агрессивную выходку. А после рассказать о семье, в которой он тоже был единственным кормильцем, и успокоить батюшку, и утвердить его в правоте, и отпустить грех страха, с которым он и сам пришел на исповедь, и перекрестить, и благословить.

ЧЕРЕЗ ЧАС

Приглашение озадачило. Когда ты не выезжаешь за пределы родного города месяцами, кажется, что это навсегда.

И вот — о чудо! — появилась возможность выбраться из своего кокона, навестить друзей, да ещё и повертеться на сцене. Последнее она предпочитала всему остальному, хотя провозглашение независимости, появление границ и подорожание билетов меньше всего способствовало этому. Моё искусство в этой стране никому не нужно, — отвечала она на резонные вопросы, почему она не ищет возможности выступать в родном городе, весьма умело подражая интонациям непризнанных гениев. И вот о ней вспомнили! Её ликованию не было предела!

Правда, возникала небольшая трудность: на майские праздники к ней должен был приехать близкий друг из Парижа, без пяти минут муж. И поскольку они виделись так редко, что им приходилось дорожить каждым часом встречи, она, не задумываясь, предложила ему сопровождать её. На другом конце провода запищал калькулятор.

— Посмотрим, — ответил телефонный голос без особого энтузиазма, — Думаю, мне в Россию виза нужна.

На следующий день она стала звонить в консульство, туристические агенства и прочие организации, чтобы понять, насколько быстро можно всё это сделать. Быстро только кошки рождаются, — ответили ей на изнурительное количество вопросов в одном из учреждений, унаследовавшем советские привычки не дорожить посетителями. Это было тем более неприятно, потому что со скоростью света надвигались праздники, во время которых вся страна вымирала на неделю.

— Не волнуйся, — сказал ей возлюбленный в день приезда, — я куплю тебе билеты на самолет — и ты слетаешь на пару дней.

Оставшиеся три дня ушли на звонки, покупки билетов и теплой одежды: выяснилось, что там чуть ли не снег обещают, а у неё все новые вещи легкие и непригодные для столичных фестивалей... Она посмотрела на приглашение и обнаружила, что фестиваль будет проходить... в Твери.

— А где это? — спросил её невежественный французский друг.

— Недалеко, недалеко. Это город, который я давно хотела посмотреть, — радостно лепетала она. — Правда, придется добираться электричкой ещё несколько часов от Москвы. — Она услышала, как в его голове снова заработал калькулятор:

— А от аэропорта сколько? Ты успеешь? — недоверчиво переспросил он.

— Ну, часок-другой — в зависимости от пробок — до вокзала — их в Москве несколько — и там, знаешь, какие пробки? — Хуже, чем в Париже, — с телеграфной скоростью затараторила она, испугавшись, что он передумает.

— Ладно, нужно не забыть приготовить деньги на такси, — его великодушию не было предела.

— Да зачем же такси? Меня бывший муж встретит... — она осеклась, почувствовав, что ему не очень понравилась эта идея, судя по тому, как он поспешно полез в карманы за деньгами.

— До Борисполя довезу сам, — добавил на всякий случай.

— У тебя же прав нет! — всплеснула она руками. — К тому же мой запорожец может подвести в любую минуту! — она хотела избежать тягостных сцен прощания с возможными упреками. За эти дни он уже успел упрекнуть её разок за то, что будет вынужден проводить свой отпуск не с ней, а с её драгоценной собачкой, которая к тому же заболела и нуждалась в трехразовом приеме лекарств.

— Как я её заставлю кушать эту дрянь? Она же не понимает по-французски!

Ответ был жестоким и не оставлял никакой надежды:

— У тебя есть парочка дней, чтобы выучить русский.

Видимо, почувствовав, что переборщила, она попыталась его успокоить:

— Не расстраивайся, может моя машина сломается где-нибудь по дороге — и мы опоздаем.

Ответ был отчаянно-веселым:

— Ну что же, тогда мы потеряем два билета на самолет, но сэкономим деньги на четыре такси и две электрички.

Точно четыре. Туда: такси от аэропорта, электричка, такси. Обратное: такси, электричка, такси до аэропорта. Как он быстро всё подсчитал! Сама бы она никогда не позволила себе такой роскоши — дорога стоила больше её годовой зарплаты в маленьком киевском театре.

Правда, не повезло с рейсами. Чтобы прилететь в к десяти, ей нужно было встать в пять: до Борисполя час, в аэропорту час, в самолете больше часа, да ещё и час разницы во временных поясах. Самолет тоже опаздывал на час. Бывший муж встречал торжественно — с красной розой в руке.

— Что это ты — как вьючная лошадь? — спросил, уравновешивая галантность грубостью.

— Я взяла свои книги и диски — авось продам, — она ничуть не обиделась, зная наизусть его неловкие манеры скрывать своё смущение. — И теплую одежду, потому что у вас холодней на несколько градусов, — она тут же извлекла из чемодана мешковатый свитер и начала его натягивать прямо на глазах у элегантно розы, задевая хрупкие лепестки. — Ты, главное, довези меня до вокзала, а я уж там как-нибудь доберусь.

— До какого вокзала?

— Мама родная! А я забыла спросить!

Ещё час ушел на справочную службу, так что до вокзала они добрались к часу дня. Оказалось, что поезд нужно ждать ещё час.

— Слушай, у меня идея! — неожиданно воскликнул он. — Помнишь Сашку, с которого всё началось? Ну, с которым ты познакомилась семнадцать лет назад, на одном из своих сумасшедших фестивалей, а я ещё у него твой адрес утащил и стал писать длинные письма?

— Конечно, помню: он мне как-то по интернету фотографии свои выслал. Кажется, и виды Твери там были.

— Ещё бы — у него там родственники жены живут. Вот бы его уговорить смотаться!

— А это удобно?

— Конечно, неудобно! — неожиданно взорвался он. — Так же, как вытаскивать меня посреди рабочего дня и заставлять ехать через весь город по этим долбаным пробкам!

— Сегодня выходной...

— Тебе повезло, — спохватился он. — Иначе я бы не доехал до тебя никогда, а потом ты всем моим друзьям жаловалась бы, какой у тебя муж...

— Бывший, — поправила она.

— Слава Богу, — буркнул он. — Короче, звоним?

Саша оказался полон энергии и энтузиазма. Он стал отговаривать брать электричку, обещал попутную экскурсию, если мы его дождемся...

— В каком смысле? — она напряглась.

— Он чинит машину, но обещает через час управиться...И ещё час на дорогу...

— Ладно, два часа роли не играют. Всё равно, я сегодня не успею выступить. — Её силы были на исходе — много лет она не вставала так рано — и она думала только о том, чтобы побыстрее положить голову на подушку. — Нужно будет завтра успеть, до самолета...

— Ты хочешь сказать, что прилетела на сутки?

— Ну да...

— Чтобы прочесть на фестивале пару стихотворений?

— Ну, может, три... Там — лимит, понимаешь, много желающих... Я, правда, ещё не знаю, что именно буду читать...

— То есть?

— Ну, понимаешь, хочется что-нибудь новенькое, а я уже два года упорно пишу прозу... Нет, стихи тоже конечно случаются...

— *Стихи не пишутся — случаются?*

— Ты даже это помнишь?

— А что ты думаешь, я только деньги считаю?

— А мои стихи помнишь?

Это она, конечно, напрасно. Кто её за язык тянул? А теперь стой да смотри на пунцовое лицо под цвет розы.

— Понимаешь, я твои книги в Минске оставил... Ты, кстати, голодная? — неожиданно вышел он из трудного положения.

— Конечно, ты что, не помнишь? — Я всегда голодная. В самолете не кормили — дали водицы какой-то и кофеёк с булочкой...

— Это тебе не Киев-Париж. Часто летаешь?

— Да нет, пару раз в год.

— А он?

— Да. А сейчас ждет меня в Киеве.

— В Киеве?!

— Ну да...

— А зачем же ты уехала?

— Как — зачем? Меня же пригласили на фестиваль... И он предложил не отказываться, взял билеты...

— Ангел какой-то... А он случайно не летел за тобой на крыльях любви?

— Случайно нет, хотя изначально мы собирались ехать вместе.

- Представляю, как бы я вас встречал...
- Да ты не волнуйся, он не агрессивный...
- В эту минуту зазвонил телефон.
- Сашка скоро будет, давай доедай свой суп.
- А второе? — робко спросила она.
- Тебе что важнее — фестиваль или еда?
- Фестиваль.
- Это я уже понял.

Саша был сама любезность, хотя приехал на час позже, чем обещал.

- Ничего, к вечеру доберемся, — обнадежил он.

Они действительно добрались к тому времени, когда начало смеркаться. По дороге Саша рассказывал много интересных историй о своей жизни в Твери. Но она ничего не слышала, в голове стучала единственная мысль: как она могла забыть адрес? К счастью, Саша знал все библиотеки родного города. Поэтому фестиваль они нашли с первой попытки. Когда они вошли в зал, он был уже наполовину пустым. По-видимому, утомленный слушатель ушел спать или пить. На сцене возвышался её любимый филолог, который приветливо помахал ей рукой, едва она переступила порог, и ещё кто-то до боли знакомый, который расплывался перед её сонным взглядом.

— До завтра, — шепнул Саша, — я приеду после двенадцати. Захочешь — устрою экскурсию по городу.

— Да, да, спасибо, — ответила она рассеянно и тут же вспомнила, что бывшему мужу она так и не сказала простых слова благодарности.

— Кто-нибудь ещё хочет выступить? — спросил ведущий, окинув взглядом опустевший зал. Наткнувшись на гробовое молчание, он бодрым голосом объявил:

— Первый день фестиваля закончен. Завтра ждем всех к двум часам.

К двум часам?! — с ужасом подумала она. — У меня же самолет в восемь! А до Москвы три часа машиной или четыре электричкой!

- А мы вас уже не ждали!

— А я вот взяла и приехала, — из последних сил выдавила она приветливую улыбку.

— Жаль, что вы не предупредили заранее. Мы бы приличную гостиницу заказали.

- А теперь что — неприличную?

— А теперь... — он посмотрел на её уставшее лицо и тюк вещей, которые она сжимала в своих объятиях... — что-нибудь придумаем. Скорее всего, к кому-нибудь подселим.

Её подселили к поэтессе неопределенного возраста, имени которой она не запомнила. Та была уже достаточно веселой, чтобы тут же начать декламировать свои вирши.

— Я почти не спала сегодня, — попыталась отделаться от неё новоприбывшая.

— Ничего, ты можешь молчать. Мне главное — найти хорошего слушателя.

К трем часам ночи поэтесса устала и присела на кровать. До этого она шумно расхаживала по комнате и отчаянно курила. Гостья не переносила сигаретного дыма, но попросить курить в окно не решилась — на улице была настоящая зима. Сев на кровать, поэтесса резко замолчала, уронила последний окурочок на пол и неожиданно захрапела.

Значит, ночи не будет. Главное, чтобы не начался приступ: она не переносила бессонных ночей. Выпив двойную порцию сердечных капель и заткнув уши бирушами, она попыталась уснуть. Попытка удалась к утру. Ночь ушла на проветривание помещения, полоскание горла, поедание орешков, заменивших ужин, поиски бутылки минеральной воды, которая входила в состав её необходимых вещей и увеличивала вес багажа на пол литра. Она ещё попробовала выбрать программу для выступления, но решила отложить это ответственное занятие на завтра — на свежую голову.

Свежая голова оказалась несбывшейся мечтой. Тяжелой и шумной, ей хотелось одного — спать. Протрезвевшая поэтесса поднялась в девять часов и тут же стала шумно курить и бормотать себе под нос стихи. Увидев приоткрытый глаз ночной гостьи, она обрадовалась и зазвучала во весь голос. На фестиваль они приползли вместе. До этого они глотнули невероятное количество сигаретного дыма и чайфира, который ей не приходилось пить со времен фестивальной юности. Тогда она с радостью слушала ночные стихи незнакомых поэтесс и дышала с ними одним сигаретным воздухом.

Зал наполнялся постепенно: со всех сторон стекались в него полусонные поэты и поэтессы, распространяя вокруг себя запах перегара и сигарет. Хотелось забыть о том, как нужно дышать и навсегда задохнуться. Хотелось свежего воздуха и еды. Хотелось тишины и покоя. Хотелось спать.

— Ты уже читала? — Саша подсел неслышно. От него пахло дорогим одеколоном, борщом и бодростью.

— Нет, ещё очередь не дошла.

— Не забывай, что нам через час выезжать надо. Я приходил к двенадцати, но мне сказали, что в такое время поэты ещё спят.

— Кто спит, а кто слушает стихи, — пробурчала она.

Саша не расслышал, а может — не понял, пытливым взглядом вперившись в сцену и с наслаждением внимая бреду, люющемуся из уст седого мальчика, который раскачивался в такт своим стихам, хотя по правилам фестиваля верлибров стихи должны были быть начисто лишены метра. Вслед за мальчиком вышла несовершеннолетняя бабушка и заголосила частушечно, правда, нерифмованно, поскольку рифмовать здесь тоже строго запрещалось. Нашей героине очень хотелось вслушаться в смысл звучащего, но в голове стучала единственная фраза: что я буду читать, когда наступит моя очередь? Очередь не наступала. По-видимому, её оставили на закуску, и это ей немного польстило: в конце выступали обычно гости и мэтры.

— Едем? — Саша отчаянно тормозил её за рукав и тыкал пальцем в швейцарский циферблат. — Вещи взяла?

— Угу, — она оглядела свои книги и диски, которые остались нераспечатанными... Чувство чего-то несовершенного смутно зашевелилось в её сонной голове. Она поднялась и направилась в сторону выхода. Ведущий сделал вопросительный знак глазами, потом — рукой, и, наконец, всем телом. Наверное, он хотел попросить не затягивать перекур, поскольку её очередь приближалась. Но она интерпретировала его движения иначе и прощально махнула рукой: се ля ви, ничего страшного, в конце концов, она же не предупредила, что прилетает и к тому же забыла сказать о сегодняшнем отъезде. А пропустить самолет она никак не могла: её любимый улетал в Париж завтра утром, и она, то есть я — если бы я действительно согласилась полететь на этот фестиваль, а не вообразила все вышенаписанное — без всякого удовольствия подумала о третьей бессонной ночи... И о том, что, скорее всего, они (то есть герои) не увидятся в течение ближайшего года, ибо какие же деньги нужно иметь, чтобы так летать и ездить в течение двух суток!

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ВОЛШЕБНИЦА ЕЛЕНА?

Она жила в маленьком городе и занималась тем, что выписывала сюжеты из своей жизни на бумагу. Иногда она печатала их в толстых журналах, но имя её не мелькало на страницах прессы с той периодичностью, которая со временем перерастает в известность. Выходя на улицу, она не замечала во взглядах прохожих интереса к своей персоне, да и полученные от публикаций гонорары не давали ей права говорить, что её ценит кто-то, кроме поклонников. Много ли их было? Ровно столько, чтобы она никогда не задумывалась, насколько одинокой может быть женщина, замкнутая на собственных сюжетах и подолгу не выходящая из своего кокона. Те немногие, которые всё же прорывались на территорию её жизни, снабжали её всем необходимым для души и тела: от продуктов питания до хороших книжек и музыки.

Кстати, с музыки эта история и началась. Однажды ей надоели слова — слишком доступные в сравнении с нотами — и она обратилась к иному жанру. Несколько созданных песен вскоре превратились в альбом с названием, похожим на её жизнь: Невидимый мир. Презентация, которую она тщательно готовила в течение года, неожиданно совпала с датой инаугурации нового президента, недавно победившего в уникальной для своей страны бескровной революции. Так что весь видимый мир вышел в этот день на площадь любоваться салютом. Ничего, сказала она, те немногие, кто любит мир невидимый, придут. И действительно, к началу выступления зал был полным.

Победа, говорила она сама себе. В день, когда вся страна празднует победу оранжевой революции, когда самые близкие ушли на площадь смотреть салют и кричать *ура*, когда все журналисты и камеры там, и полстраны, в том числе и театры, отменили работу, она собрала зрителя. Победа, повторяла она себе на следующий день, когда звонили её восторженные почитатели. Победа! — откликнулась эхом последующая неделя.

А потом подкралась тишина. Вначале поменяли телефонную станцию — и её новый телефон узнали самые настойчи-

вые. Потом накрылся сайт, на котором была помещена её реклама, так что визитки, напечатанные в тысячном количестве, оказались бесполезными. А после потерялся мобильный. Забвение, — неожиданно всплыло новое слово, образуя вокруг себя ощущение невидимого вакуума. Это же нужно было дать такое название проекту: на всех визитках, пресс-релизах написать белым по чёрному: Невидимый мир! И после этого чего-то ожидать от видимого! Вот так и стирается твой след на земле, — грустно думала она, листая журналы и газеты, в которых больше не мелькало воспоминаний о её выступлении, и щёлкая пультом управления перед телевизором, который она не выносила.

А потом начало твориться совсем необъяснимое: её перестали узнавать даже старые знакомые. Они проходили мимо, не оборачиваясь, и когда она пыталась их окликнуть, не слышали её голоса. Когда же она набирала телефонные номера, её голос не узнавали, а через несколько минут произносили банальное: значит, будешь богатой. Обещание богатства никак не утешало. К тому же, ей начали звонить незнакомые люди. Поначалу она четко отвечала: Вы не туда попали. Но однажды, когда раздался очередной звонок и женский глуховатый, немного утробный голос долго повторял *алло*, как будто до него не доходили многочисленные *да-да, говорите, я вас слушаю*, а потом вдруг неожиданно спросил: *Здесь живет волшебница Елена?* она поняла, что отвечать на такие вопросы заранее заготовленной фразой уже невозможно. Голос в трубке повторил свой вопрос. Для этого ему пришлось немного выползти и из утробного и превратиться в грудной:

— Это вы — Елена?

— Наверное — я, — наконец ответила она не совсем уверенно.

— Вы должны мне помочь, — на этот раз голос окончательно выкарабкался наружу и обрел ясность и яркость.

— Чем же я могу вам помочь? — Елена не знала, как реагировать на такую настойчивость.

— Я не могу вам сказать по телефону. Можно я приеду?

— Я должна подумать.

Она положила трубку и глубоко вдохнула. На том конце провода от неё ждала помощи неизвестная женщина, которая, по-видимому, знала, с кем она разговаривает. Ладно, пусть приезжает. Возможно, она что-то прояснит.

Женщина пришла на следующий день. Войдя в квартиру, стала нервно оглядываться, исключая всякую возможность наладить первый контакт. Наконец, как будто успокоившись, подняла взгляд. У неё были огромные впавшие глаза, какие бывают на картинах, изображавших мучеников, бесцветные губы и неопрятные волосы. Одежда на ней была настолько нейтральной, что не поддавалась описанию.

— Здравствуйте, — почти не открывая рта, произнесла она. — Куда можно пройти?

И вдруг, прямо по дороге начала забрасывать хозяйку набором бессмысленных фраз, из которых удавалось понять совсем немногие: *Я знала, что найду вас, Такой я и ожидала вас увидеть, Как вы долго скрывались, Если бы вы знали, какой я проделала путь* и т.д. Остановить её было невозможно, да и незачем. Оставалась слабая надежда на чай, который прервет этот словесный поток.

— Спасибо, я не буду, — женщина насупилась.

— Почему? — искренне удивилась хозяйка.

— Я к вам не за этим.

— А за чем?

— Вы знаете.

— Если вы считаете, что я читаю ваши мысли, вы ошибаетесь...

— Ничего не говорите, — женщина с мольбой посмотрела на неё. — Когда я добиралась до вас, я неожиданно сама всё поняла...

— Что же вы поняли? — с надеждой на короткий разговор спросила Елена.

— Я поняла, что не хочу от вас лично ничего. Я... Я хочу сама...

— Что... сама?

— Научиться управлять...

— ???

— Управлять своей судьбой.

— Вот и хорошо, — Елена облегченно вздохнула. — В таком случае, я вам не нужна.

Женщина стремительно упала со стула и оказалась у Елены в ногах:

— Я вас умоляю... Не отказывайте мне... Я отдам всё, что имею...

Елена бросилась поднимать рыдающую женщину, но та упорно не желала встать.

— Я вам клянусь. Я никому не расскажу о вашей тайне...

— О какой тайне? — Елена так удивилась, что выпустила из рук женщину, которая буквально рухнула на паркет обеими коленными чашечками и недовольно поморщилась от произведенного хруста:

— Я вас уверяю, что вы ошибаетесь, — попыталась возразить Елена.

Внезапно женщина резко поднялась. Взгляд её горел негодованием:

— А вот то, что вы способны отказать просящей, я не знала.

— Да в чём же я вам отказываю? — искренне удивилась Елена.

— В том, что не хотите поделиться... — В глазах женщины снова зажглась надежда. — А может, вы подумаете и согласитесь? Я вам буду платить за уроки, сколько вы скажете...

— А чему я должна вас научить?

— Как чему? — женщина выглядела озадаченной. — Тому, что умеете сами.

— Да что же я такого умею?

Женщина молчала несколько минут. Потом вскинула голову и одновременно прикрыла свои огромные глаза. По-видимому, она пыталась скрыть чувства, которые сейчас владели ею:

— Знаете, я не хочу вам навязываться. Я вам предлагаю честные деньги за ваше доброе дело.

Деньги Елене были нужны, хотя ради доброго дела она часто совершала и бесплатные поступки. Но какого дела от неё ждали, она никак не могла понять и начала издали:

— Мне бы не хотелось вам отказывать...

— Вы подумайте, — с надеждой попросила женщина.

— А как вы себе представляете эти уроки?

— Если у вас плохо с методологией, я вам помогу, — с радостью воскликнула просящая, — я ведь преподаватель!

Елена хотела было спросить, откуда у преподавателя деньги на уроки, но постеснялась.

— Ладно, я подумаю... А вы... приходите в следующий раз с вашей... методологией...

— А когда? — встrepенулась женщина.

— Позвоните — договоримся... Но я вам ничего не обещаю, — на всякий случай добавила она.

— Конечно, конечно, — поспешила заверить женщина. — Разве в таких случаях бывают гарантии?

Когда Елена закрыла двери, то ощутила в голове легкий туман. Ей предстояло взять на себя ответственность за судьбу незнакомой женщины, и при этом она не понимала, чего от неё ожидают. Исцелить её от какого-нибудь недуга она не могла — она не обладала ни экстрасенсорными способностями, ни знахарскими навыками, ни даже медицинским образованием. Когда-то она окончила курсы гештальттерапии и имела скромное представление о том, как нужно разговаривать с подобными пациентами. Это её немного успокаивало. Но тут же возникал вопрос: почему женщина обратилась именно к ней, если она не славилась способностями психотерапевта, а напротив, использовала их крайне редко и в основном для помощи близким людям?

Женщина не звонила долго. Возможно, не решалась, а, может, просто забыла о дурной затее. У Елены появилась надежда на то, что её оставят в покое, и она стала понемногу успокаиваться, решив осмыслить всё, что с ней произошло. Ей даже стало казаться, что она обладает некой силой. Она часами бродила по квартире, уставившись в одну точку и вспоминая свидетельства этой силы. Она действительно стала припоминать, как многие, даже бывший муж, который за несколько лет общения успел изучить её, как нельзя лучше, начиная от размеров белья и заканчивая безразмерностью её бесконечных желаний, говорили ей: Ты — сильная. Что они имели в виду, Елена так и не поняла, и ей надоело думать. Она просидела в квартире несколько суток, и пустой холодильник говорил о том, что пора бы прекратить бесплодные внутренние поиски и обратиться к действию. В этот момент, как по мановению волшебной палочки раздался телефонный звонок. Звонил знакомый режиссер, голос которого она долго не могла узнать, пока он, наконец, не сообразил представиться.

— Мне нужно рассказать тебе сон, — заявил он в начале разговора.

От неожиданности Елена тут же согласилась.

— Нет, — ответил голос. — Мне нужно рассказать его при встрече.

— Хорошо, — ответила она не своим голосом, испытывая дежавю.

— Когда?

Ну вот, снова это когда. Когда люди перестанут добиваться от неё конкретики? Сказала, встретимся — и ладно. Она же не может знать, когда её *внутреннее* пойдет навстречу *внешнему*...

— Позвони мне на той неделе, — ответила она привычной фразой. И уже положив трубку, услышала откуда-то изнутри одну из шаблонных фраз: Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Она спросила себя, насколько много в её жизни таких шаблонов. Насчитала немного, но не успокоилась. Она же только что приняла решение действовать, но остановилась на вопросе о связи её поступков с установками мира, а потом — о связи желаний с этими установками, а после — о взаимосвязи её желаний и желаний мира. А потом ей открылось, что все её желания находили в мире отклик. Рано или поздно. Стоило ей подумать о хорошем чае — и тут же кто-то забегал на огонек и приносил с собой хороший чай. Хотелось ей выбраться из дому — и звонил некто, приглашавший на чашку кофе или концерт... Получалось так, что почти все её желания осуществляли мужчины. Один за другим они останавливались перед её мысленным взором и произносили что-нибудь приятное: Ты мне необходима как воздух, без тебя я начинаю задыхаться, Ты как зеркало, в которое я смотрюсь и нахожу свое настоящее лицо. Или подходили очень близко и просто спрашивали: Кто ты? Откуда ты прилетела на нашу грешную землю? Она почти всегда смеялась или отвечала: Не знаю. Ты напоминаешь мне всех женщин, которых я когда-то любил, — вспомнила она слова одного из тех, кто задержался в её жизни надолго. Иногда ты кажешься старше меня на лет тридцать — я тогда я воспринимаю тебя как мать. А иногда ты кажешься мне совсем маленькой — и тогда я вижу в тебе дочь, — говорил ей тот, которого она когда-то любила.

— Кто я? — переспросила она себя вслух, но не успела рассмотреть отражение в невидимом зеркале: звонила пропавшая женщина.

— Здравствуйте. Я закончила.

— Что закончили? — Елена ожидала самого плохого.

— Методичку для наших занятий, — голос женщины звучал гораздо оптимистичней по сравнению с прошлым разом. — Можно я приеду?

Елена уже собиралась отложить встречу, но вспомнила о предыдущем звонке, который она тоже отложила, и о многом-многом в своей жизни, оставленном на завтра, которое так никогда и не наступило:

— Приезжайте, — и снова, как и в предыдущем разговоре, не узнала свой голос.

И что они все от меня хотят? — продолжала она разговор с самой собой, уже зная, что лукавит: её профессиональная невосребованность в последние месяцы вызывала острую необходимость быть полезной хоть кому-нибудь в этом мире...

Женщина ехала долго. Неужели на общественном транспорте добирается? А ещё уроки собирается брать... Последняя фраза засела занозой. Чему будет учить незнакомую женщину та, в голове которой не задержалась ни одна концепция, ни одна книга, прочитанная в течение жизни? Имеет ли она право вообще учить кого-либо чему бы то ни было? Бесконечный поток вопросов обрушился на её голову. Наконец, в дверь позвонили. Переступая порог, женщина протянула маленькую брошюрку, на обложке которой от руки было старательно выведено:

РУКОВОДСТВО ПО ОБУЧЕНИЮ ЖЕНСКОЙ МАГИИ

Для женщины очень важно сохранять себя. И не только сохранять — распознавать и раскрывать потенциал, хранящийся в ней тысячелетиями, повернуть время вспять, сделать себя моложе и прекрасней, подтвердить то, что она не зря считается лучшей половиной человечества...

— Это ЧТО? — Елена перепугано уставилась на женщину.

— То, чему вы будете меня обучать.

— Но... — Елена утратила дар речи.

— Может быть, вы называете это как-то иначе, но у нас, людей, это называется именно так.

— Но... — Елена начинала беспокоиться за свои речевые способности. — Я никогда не преподавала... Магию.

Женщина вскинула на неё свои огромные глаза. На этот раз в них промелькнул гнев:

— Тогда скажите: чем вы его обворожили?

— Кого?

— Вы знаете, о ком я говорю.

— Да нет же!

— Ах да, у вас ведь их много. — На этот раз в её голосе зазвучали саркастические нотки.

— Много — кого? — Елену начинала выводить из себя эта беседа.

— Мужчин! — выпалила женщина залпом.

— С чего вы взяли? — от такого незаслуженного обвинения Елена даже покраснела.

— Вам же раз плюнуть — их приворожить!

— Слушайте, — Елена попыталась взять себя в руки, — я не знаю, кого вы имеете в виду. Вы врываетесь в мой дом, просите вас чему-то учить, устраиваете здесь сцену ревности по отношению к мужчине, о существовании которого я возможно даже не подозреваю...

— А кому вы давали смотреть свою кассету с презентацией?

Елена стала судорожно вспоминать. По-видимому, женщина поверила в её искренние попытки и пришла на помощь:

— Виктору Шатинскому!

Елена напряглась ещё больше. И тут её лицо просияло от внезапной догадки:

— Режиссеру, что ли?

— Режиссеру, режиссеру.

— Так я же только что с ним говорила по телефону! Он мне ничего не сказал о вас...

— Ещё бы! С какой стати ему говорить обо мне. Я же для него — ничто...

— А почему он вам показывал эту кассету? — удивилась Елена.

— Да потому что он без неё жить не может. Как только садится перед телевизором — сразу и включает. И так — каждый вечер...

— Господи, какой ужас! — искренне возмутилась Елена. Она сама не могла смотреть записи своих выступлений больше одного раза. — А Вы... — она сочувственно посмотрела на женщину...

— Да, я его жена.

— Я вам искренне сочувствую.

Женщина вскинула на неё свои огромные глаза:

— Я к вам не за сочувствием пришла. Наши отношения с мужем уже давно оставляют желать лучшего. И я даже иногда

подумываю о том, что нам стоило бы расстаться. Но не уверена — смогу ли я покорить сердце другого мужчины так же легко, как это делаете Вы.

— Да что же я такое делаю?

— Вы что, действительно не понимаете?

— Да нет же, нет! У меня и в мыслях не было покорять сердце вашего мужа!

— Да вы не оправдывайтесь. Я же вас не обвиняю, — та явно не хотела идти на конфликт.

— Да как вы можете меня обвинить! Я вашего мужа видела два раза в жизни, он мне триста лет не нужен! Кассету дала в надежде на совместный проект...

— Это почему же — не нужен? — возмутилась женщина.

— Да потому, что у меня своих хватает — отрезала Елена. Она хотела поскорей прекратить этот тягостный разговор, пока у неё не подскочила температура, что происходило всякий раз, когда она нервничала.

— Жаль, — произнесла её собеседница после небольшой паузы.

Елене было абсолютно безразлично, чего жаль незнакомой женщине, но для приличия она всё же спросила:

— Что?

— Что он вам не нужен. Я-то думала, что вы его собираетесь увести, и я, наконец, смогу заняться собой... Самосовершенствоваться... Возможно, встретить нормального человека. А тут снова — мучайся с этим. — Женщина собиралась заплакать.

— Ну что вы...

— А может, вы думаете, мне его жалко отдавать? — Женщина с надеждой смотрела на Елену. — Да я мечтаю о том, чтобы с ним расстаться и вздохнуть наконец свободней! Он ведь не первый раз... Влюбляется.

— Вот видите, — облегченно выдохнула Елена. — Значит, я здесь ни при чем.

— Нет, нет! — горячо возразила несчастная. — К вам у него особенное чувство... Почти благоговейное...

Елене почему-то стало приятно поле этих слов.

— Но это благодаря вам, а не ему, — вынесла окончательный вердикт несчастная... —

Елена насторожилась. — Вашим способностям... Я ведь тоже посмотрела кассету.

— И что... Вы скажете?

— Что вы... Вы не отсюда, — глаза женщины попытались вспыхнуть неземным блеском.

Только сумасшедших мне не хватало, — испугалась Елена, чувствуя, что беседа принимает опасный оборот:

— А если я вам скажу, что вы ошибаетесь?

— Я??? Да что вы? Я же по образованию психолог! Я такое и таких видела на своём веку!

— Уф, — Елена облегченно вздохнула. Среди её друзей было много психологов, которые набирались от своих пациентов всего самого странного — и Елена привыкла смиряться с их постоянно меняющимися причудами.

— Я вам больше скажу: он видит вас каждую ночь во сне.

— Откуда вы знаете?

— Он... Он... повторяет ваше имя... А когда я у него, наконец, спросила, кто Вы, он всё рассказал! — Тут женщине изменила выдержка и она разрыдалась.

— Вот идиот! — взорвалась Елена. — Мало того, что видит во сне другую, так ещё и рассказывает своей жене!

— Не скажите, — сдержанно возразила та. — Он всегда со мной делился самым сокровенным.

— Это я-то — сокровенная?

— Да. — Женщина внезапно перешла на шепот: — Он считает, что вы — инкарнация какого-то божества.

От этих слов Елену передернуло. Для неё, что инкарнация, что инаугурация, что инициация были одинаково непривлекательными и несли единственный смысл: иное, то есть чужое. Она жила только надеждами на эту жизнь, и никогда не оправдывала несправедливостей в этой реальности совершенными злодеяниями в прошлой. А быть разжалованной из бывшего божества в простые смертные в настоящей жизни ей тем более не нравилось.

Когда она, наконец, выпроводила женщину, она не помнила ничего из дальнейшей беседы. У неё подскочила температура, и все остальные движения она производила в полубредовом состоянии: выпила чай с чем-то молочно-медовым, потом ещё чай, потом попыталась уснуть, потом ещё раз попыталась. Перед глазами всё время всплывали чужие сны, отгоняя её собственный, оказавшийся слабее, чем они.

Ты снилась мне в сияющих одеждах. По обе стороны от тебя сидели леопарды. Ты шла мне навстречу, и свет твоего великолепия падал на меня, захватывая в свои золотые сети.

Да, этот умел говорить. Он говорил с ней по телефону полгода исключительно из любви к говорению. Потом они встретились — и он умер, как умирает легенда, превращенная в действительность.

Ну, не ожидал, — режиссер смотрел на неё подозрительно страстно, — *увидеть вас в таких позах! Кого, кого, а вас ни за что бы не заподозрил!* — Можно подумать, что она по своей воле явилась в его эротические грезы.

Ты снилась мне эстрадной звездой. А я был кем-то вроде твоего фаната. Утром я проснулся совершенно влюбленным и решил тебе позвонить. — И это говорил человек, с которым её связывал исключительно духовный опыт, с которым она проходила один из тех странных семинаров, после которого мужчина и женщина навсегда остаются братом и сестрой! — *После этого сна я пошел и послушал лекцию Махариши. Он говорил о том, что загадки наших прошлых воплощений нужно искать в снах. Сны — это воспоминания о том, что с нами было или о том, что нас ждет. Ты, конечно, не могла быть популярной певицей в прошлой жизни. А вот встречаться со мной вполне могла.* — Опять эта реинкарнация. По-видимому, индуизм так прочно внедрился в постсоветскую ментальность, что стал для неё одним из видов религии.

Ты снилась мне сегодня очень тяжело. Ты сидела передо мной и плакала. Ты говорила, что чувствуешь себя так, как будто бы с тебя содрали кожу. — Это был сон её подруги. Единственной женщины, которая её искренне любила. В другой раз она рассказала следующее: *Ты стояла над пропастью, а я пыталась тебя удержать, держа за руки. Но ты меня упрекнула, сказав, что я могу сломать твои музыкальные пальцы. Пойми, ты же тяжелая, возразила я, вот я тебя и держу крепко. Нет, я легкая, я умею летать. И тогда я отпустила твою руку и проснулась от собственного крика — ты летела в пропасть.*

Остальные сны были мужскими, а значит, окрашенными в соответствующие тона... Не все, конечно, решались предъявить их, и они оставались нерассказанными... Просто звонок и короткое: *Ты мне сегодня снилась.*

Похоже, я всё-таки попал в твой Невидимый мир. Ты снилась мне сегодня. Ты летала надо мной, и была похожа на бабочку и птицу одновременно. А я лежал и не мог пошевелить рукой, чтобы дотянуться до тебя, — говорил тот, кто печатал её афиши...

На афише было три её портрета, смотрящие в разные стороны. Каждая из женщин протягивала руку, из которой вылетала бабочка... И хотя оставалось неясным, почему она приснилась тому, с кем её не связывало ничего, кроме Невидимого мира, какой-то очевидный ответ зашевелился в сознании... Но сон уже подкарауливал его, и, едва появившись на свет, он скрылся в жадных объятиях Морфея.

Ты мне сегодня снилась, ты мне сегодня снилась, ты мне сегодня снилась, — нараспев произносили разные голоса. Одни из них были нежными, другие — сладострастными, третьи — удивленными. Голоса смешивались, менялись лицами, каждое из которых было узнаваемым и неузнаваемым одновременно, протягивали к ней жадные руки. Утоли, — шептали одни. Утопи, — вторили другие. Перед ногами тут же появлялось мутное море, наподобие Киевского, куда её однажды привезли друзья полюбоваться красотами исчезающей природы. Во сне было всё то же ощущение искусственного водоёма и нежелание входить, чтобы не испачкаться...

Она просыпалась, делала глоток воды и погружалась в новый сон: величественные колонны, подпирающие уходящий вверх свод. Помещение таких размеров, что стен не видно. Она направляется к центру и там, где должен находиться алтарь — огромная кровать. Она подходит к ней, сбрасывает одежды, ложится рядом с мужчиной, имени которого не знает, но которого любит. Она это чувствует. Мужчина обнимает её так, как обнимает тот, кто больше, чем любовник, больше, чем муж, и даже больше чем брат или отец. Он является одновременно всем и настолько большим, что в нем легко раствориться.

Сон часто повторялся в разных вариациях, но всегда обрывался на одном и том же вопросе:

— Кто ты?

После одного из таких снов она всё-таки обзавелась соответствующей литературой: о священной проституции, которую практиковали жрицы храмов любви, сексуальных ритуалах, тантре и тому подобным. Книги пестрели цветными камасутровскими картинками и конечно не проясняли её прошлого. Наконец, она решила использовать одну из самых простых практик, которую ей однажды посоветовали: описать себя, назвав все свои имена, которыми её наделяли другие, надеясь найти в них хоть какой-то намек на истину. Положив перед со-

бой лист бумаги, она стала выписывать все ярлыки, которые пытались приклеить к ней под предлогом сомнительных комплиментов: Жена разведчика, Кукла Барби, Инопланетянка, Парижанка, Танцовщица, Фантастическая Женщина, Поэтесса, Маргарита, Белая Ведьма, Фотомодель, Святая, Актриса, Эсмэральда, Филолук, Богиня, Шапки, Философ, Магиня, Писатель, Пенелопа, Музыкант, Голос Луны, Лесенка в небеса, Бабочка. Она старалась вспомнить все имена, которыми мир наградил её в течение недолгой жизни, несмотря на то, что её большую часть она скрывалась от него в своем коконе, разраставшемся всё больше. В последние годы он превратился в трехкомнатную квартиру, где она обитала совершенно одна, проповедуя буддийский принцип недеяния, в данном случае выраженный в невмешательстве во внешнюю жизнь. Правда, пока она не вышла из своего трехкомнатного кокона, на её электронную почту попадало несчетное количество приглашений поучаствовать в жизни других или хотя бы откликнуться на письмо.

Душа Мира, — вспомнила она ещё одно из имён, данных ей знаменитым актером, пригласившим её в свой проект после просмотра злополучной кассеты. *И всё, что вы будете чувствовать, люди, все ваши надежды и сны будут навеяны мной,* — всплыли строчки из юношеского стихотворения, «скромности» которого могла бы позавидовать любая поп-дива. Куда же подевалась её уверенность в своем божественном начале, вездесущности и способности навеять сны и чувства? Почему она так легко исчезала под натиском иронических реплик бывшего мужа, замечаящего, с каким трудом ей иногда удавалось побороть желания? — *Ты, наверное, суккуб, ты являешься ко мне ночью и соблазняешь меня, приходящего смертельно уставшим после работы и мечтающем только о хорошем сне...* — Тогда она, не на шутку озабоченная и обиженная, поскольку единственная реальность, в которую она ещё верила, было Слово, бежала в библиотеку и читала всё, что можно найти о суккубах и инкубах. Всю средневековую ерунду, которая хранилась в архивах. Подозрения быстро развеивались: на суккуба она никак не тянула. Она улыбалась своей наивности и тому, что так легко попадала под влияние чужого мнения и становилась жертвой ограниченной концепции. После развода на время воцарилась внутренняя тишина... Если бы не сны — кошмарные и радостные, красочные и черно-белые, всегда оканчивающиеся вопросом: Кто ты?

А, может, я не живу на этой земле? Может, моя жизнь мне только снится? Или кто-то, кого я не знаю, живет здесь за меня? А я умерла вместе с мамой в тот день, когда увидела перед собой пустую кровать в больнице, куда я не успела всего на час? Тогда все, кто видит меня, видят эту вторую сущность, живущую во мне. Иначе, почему все звонившие спрашивали, не здесь ли живет волшебница? Какая колдовская сила захватила, вошла в меня вопреки моей воле? И возможно ли это?

Внезапно Елена почувствовала себя неким подобием ратного поля, где скрестились две силы: одна из них, называвшаяся творческим воображением, уже рисовала сюжет о бедной жертве, в которую вошел неизвестный дух, управляющий отныне всеми её движениями. Но Елена, с юности смеявшаяся над мистическими романами, которыми увлекались её сверстницы, с отвращением отбросила этот сюжет. И тогда победила вторая сила: мыслитель-логик, скромно дремавший в ней и просыпавшийся всегда в самый неожиданный момент, чтобы привести парочку простых, но исчерпывающих аргументов: у тебя никогда не случалось приступов одержимости, ты не делала ничего такого, чего бы не хотела делать, твоя воля присутствовала во всех поступках. Правда, иногда она чувствовала себя так, как будто не являлась участником этой жизни, а лишь её зрителем. Но это проходило, как только она возвращалась к творчеству или выходила на сцену и начинала жить наполненной до краев жизнью.

Она вспомнила, как одна из её подруг актрис, однажды сказала:

— Да что вы её слушаете? Она вам ещё и не то расскажет: какая она несчастная, никому ненужная. На Леночку надо смотреть, когда она на сцене. Вот тогда она преобразается, вернее, обретает свое истинное лицо.

В такие моменты она действительно чувствовала в себе силы, превосходящие человеческие.

— Ну и харизма у тебя, — восклицали её знакомые. — Ты бы вполне могла быть лидером какой-то религиозной секты, — добавляли они со смехом.

А может именно в такие моменты эта сущность и вселяется в меня? И дает мне силы и вдохновение? А все, кто меня наблюдают в эти минуты, полагают, что я остаюсь такой всю жизнь. Как будто это возможно — жить на пределе, подключенной в любой момент своей жизни к опьяняющему источнику

ку по имени вдохновение? Так вот, что люди принимают за правду — мой образ на сцене, мои горящие глаза, жесты, воздействующие на публику как магические пассы, преображенный голос...

Её мысли прервал звонок. На этот раз Елена обратила внимание на то, как женщина одета: бесцветно, а местами — безвкусно. Придётся заниматься ещё и туалетом, — с какой-то обреченностью подумала она и быстро отвела взгляд.

— Как вас зовут? ... Вы до сих пор не представились.

— Ах, да... Извините. Нелли.

— Какое красивое имя!

— Вы серьезно?

Елена удивленно посмотрела на женщину: Неужели она впервые слышит подобный комплимент? Вот чего не хватает этой женщине — уверенности. Но это поправимо. Этому она точно сможет её научить. Может быть, в этом и состоит её задача по отношению к ней... И она почувствовала, как в ней просыпается учитель. Впервые в жизни.

Она начала с малого — с чаепитий, за которыми они просто разговаривали. Каждый раз женщина уходила в приподнятом состоянии — её глаза излучали радость. Она никогда не благодарила — но всегда оставляла аккуратный конверт с небольшой суммой. На любые попытки возразить, отвечала, что получает гораздо больше, чем дает.

Однажды она пришла с подругой. У той были большие проблемы с самооценкой. Исправим, тут же решила Елена и взяла подругу на поруки. Это давало дополнительные деньги, которые позволяли решить материальный вопрос окончательно. Елена больше не думала о хлебе насущном. Её хлебом стали люди, которые приходили к ней за счастьем. Взамен они оставляли сумму, которая была необременительна для них — каждый решал сам для себя. Елена никогда не назначала цен.

Со временем она стала вести курсы. Сначала, это были обыкновенные тренинги, на которых она применяла свой скромный практический опыт в психотерапии, а также теоретические знания Нелли, оказавшейся весьма опытным помощником. Системные расстановки, которые они делали, всегда благотворно влияли на жизнь клиентов, число которых с каждым месяцем увеличивались в несколько раз, так что уже че-

рез год пришлось снять помещение. Когда же им показали тесными психотерапевтические практики, они попытались выйти за их пределы, посетив различных мастеров, практикующих медитации и ведущих тренинги личностного роста, а также найдя немало литературы, помогающей освоить разные техники. Почувствовав себя наполненной множеством взаимодополняющих течений, Елена стала работать в направлении объединения их в одно целое, не заикливаясь на чём-то одном. Иногда она выходила к ученикам и просто говорила. Она никогда не знала заранее, что скажет, следуя за голосом души. Иногда, когда сердце открывалось особенно и звук рвался наружу, она пела. Вокруг таких импровизаций собиралось особенно много слушателей. Они подхватывали её голос и образовывали подобие хора. Хор перерастал в хоровод, певцы превращались в танцоров, которые кружились вокруг неё, вокруг себя, вокруг центра внутри каждого, распускающегося прекрасным благоухающим цветком. Они окружали её ароматом своих сердец, втягивали в свой спонтанный танец — и она впадала в него, как река впадает в океан, и становилась самим океаном. А после становилась источником, рождающим движения, и сливалась с другими источниками, такими же могучими и чистыми, как и её собственный, выходя за пределы реальности.

Она танцевала подолгу и с наслаждением, танцевала многие годы, но так и не ответила себе на вопрос: что такое женская магия. И хотя сны давно перестали мучить её вопросом *кто ты?* — если ей случалось услышать по телефону «Здесь живет волшебница Елена?» — она, не задумываясь, отвечала *да*.